

Л.Б. Лазебник,
В.С. Беляева

АНГЕЛЫ ДОБРА

Житие и деяния московского доктора
Федора Петровича Гааза

Л.Б. ЛАЗЕБНИК, В.С. БЕЛЯЕВА

АНГЕЛЫ ДОБРА

**Житие и деяния московского доктора
Федора Петровича Гааза**

МЕДПРАКТИКА-М
Москва, 2011

Л.Б. Лазебник, В.С. Беляева

АНГЕЛЫ ДОБРА

Житие и деяния московского доктора Федора Петровича Гааза

Москва 2011

Аннотация

На примерах деяний известных медиков-гуманистов авторы вновь возвращают читателя к идее милосердия и необходимости активного оказания помощи больным и обездоленным. Наиболее подробно освещена жизнь московского «святого доктора» Федора Петровича Гааза, приведены биографии других известных служителей добра, начиная с 18 века до наших дней. Богатая иллюстрациями книга позволяет не только окунуться в атмосферу первой половины 19 века, но и реально почувствовать связь времен.

Несущая высокий заряд альтруизма, монография направлена на формирование личности молодого читателя.

ЧАСТЬ 1

ФЕДОР ПЕТРОВИЧ ГААЗ

Надворный советник, кавалер ордена Св.Владимира IV ст.

Friedrich-Joseph Haas - Федор Петрович Гааз

(1780-1853)

*Самый верный путь к счастью не в желании быть
счастливым, а в том, чтобы делать других счастливыми...
Спешите делать добро, потому что коротка жизнь человеческая.
Спешите, потому что многие вокруг страдают от болезней
и насилия, несправедливости, унижений.
Спешите, потому что если не поспешите – одолеет зло
и вместе с ним победят в душе человека
отчаяние, страх, ненависть,
которые в свою очередь родят еще большее зло.*

Ф.П.Гааз

Мы все спешим по делам — а он спешил делать добро.

Александр Нежный

*«...И всякий, кто оставит дома, или
братьев, или сестер, или отца, или мать,
или жену, или детей, или земли, ради*

имени Моего, получит во сто крат и наследует жизнь вечную...» (Мф. 19: 29)

Что может сделать один против среды? – говорят практические мудрецы, ссылаясь на поговорку «Один в поле не воин». – «Нет!» - отвечает им всей своей личностью Гааз: «И один в поле воин». Вокруг него, в память него соберутся другие, и если он воевал за правду, то сбудутся слова апостола: «Все минется, одна правда останется».

А.Ф. Кони

ПРЕДИСЛОВИЕ

Будь то недуг плотский или духовный, в беде любой нуждается в помощи. Как нужно бывает опереться на плечо ближнего, укрепить дух, как иногда необходим совет хорошего врача!

Наша книга посвящена врачам – подвижникам. «Спешите делать добро...» - завещал великий бессребреник «святой доктор» Федор Петрович Гааз, католик, спасавший тела и души православных.

24 августа 2010 исполнилось 230 лет со дня рождения Федора Петровича Гааза, а 16 августа - 157 лет со дня смерти. Было ему жизни 73 года.

2 октября 2010 года в селе Тишково Московской области в честь 230-летия со дня его рождения был открыт ему мемориал.

На открытии выступали и представители Русской Православной церкви и пастор немецкоязычной католической общины св. Екатерины в России В. Велинг, занимающийся беатификацией доктора Гааза, что в

католичестве является первой ступенью канонизации — причислению к лику святых.

26 августа 2010 года исполнилось 100 лет со дня рождения матери Терезы, лауреата Нобелевской премии мира, албанке по рождению, католической монахини, за свое подвижничество в Индии причисленной католической церковью к лику блаженных. Она прожила 87 лет.

Сколько совпадений, начиная с дат смерти!

Оба христиане-католики, оба отреклись от мирских ценностей, оба подвижнически несли свой крест в странах с иными конфессиями, оба заслужили народную любовь.

Но официальное признание имеют не оба...

Его Святейшество Патриарх Алексей II в 2007 году сказал: «У православных и католиков общая позиция по многим вопросам современности. Мы можем и должны совместно говорить миру о христианских ценностях».

Конечно, главное - это память сердца, но для воспитания поколений важны и необходимы традиции и образы для подражания.

Из года в год, из века в век живут меж нами праведники - святые и блаженные, «чудачества» которых при их жизни с трудом воспринимается окружающими и вызывают, в лучшем случае, сочувствие, а чаще усмешку.

В дискуссии о докторе Гаазе известный христианский обозреватель Александр Нежный заметил: «Житие праведника в некотором смысле всегда трагично — будь то преподобный Серафим в стенах Саровской обители или его современник Фёдор Петрович Гааз на стогнах Москвы».

Далеко не каждый из нас способен на столь высокую степень самоотверженности, но научиться творить добро может каждый.

В России к личности великого милосерда-иностранца обращались всегда, когда нарастающая жестокость и агрессия общества требовали усмирения.

Появившееся в предверие великих потрясений первое подробное описание его жизни принадлежит известнейшему русскому правоведу Анатолию Федоровичу Кони и звучит очень красочно, т.к. создано «по свежим следам», когда в обществе были живы еще его деяния, была жива светлая память, были живы свидетели его добрых дел, светлые детские праздники устраивались у его могилы, а пятьдесят шесть лет спустя его смерти на территории созданной им бывшей Полицейской больницы был воздвигнут ему памятник.

Советский период времени характеризуется ежели не замалчиванием, то не упоминанием, поскольку с одной стороны он гуманист и за бедных, а с другой – сплошной антисоветчик, поскольку пример заступничества за понесших справедливое революционное наказание миллионов людей крайне опасен для власти.

Мне, родившемуся у Покровских ворот в начале сороковых и облазавшему с ребятами все окрестные дворы, хорошо знаком этот памятник в переулке, носившем тогда название Мечниковского по имени располагавшегося тогда в упоминаемом здании Института вакцин и сывороток им. И.И.Мечникова (Илья Ильич тоже ведь натерпелся от властей – в Императорскую Академию, несмотря на представление И.М.Сеченова, не прошел, из возглавляемой им Одесской бактериологической станции был буквально вытравлен, после чего принял, наконец, предложение Пастера, уехал в его лабораторию в Париж и уже там получил Нобелевскую премию).

К стыду своему должен сказать, было детское недоумение, почему памятник не Мечникову, а человеку с нерусской непонятной фамилией (к счастью, все забыли, что он немец), но воздадим должное мудрости и порядочности тогдашней администрации НИИ, не поставившей вопрос так, как он родился в моей неразумной голове. Дома я все-таки спросил, и дед мой, Петр Николаевич, родившийся через полвека после смерти Гааза и не в Москве,

мог только сказать, что это был добрый врач, который помогал бедным. Вопрос снялся сам собой, хотя было непонятно, ведь не всем же добрым врачам ставят памятники.

К слову сказать, учась в Первом московском медицинском институте, я не услышал о Гаазе ни одного слова, в том числе и на курсе истории медицины. А может, просто учился не очень хорошо, отличные оценки были далеко не по всем предметам, а может быть и учителя мои, прошедшие суровую школу истории КПСС, исторического и диалектического материализма, о нем тоже ничего не знали.

Далее вышедший из эпохи «оттепели» Булат Окуджава поместил в одном из толстых журналов восторженное эссе о Гаазе, которое, как и многое другое, характеризовало окончание этой самой «оттепели».

Весьма значимым является вышедшее в постперестроечный период очень достоверное и очень литературное исследование нашего современника диссидента Льва Копелева, проведенное им и в России, и в Германии, в том числе и на родине Фридриха Йозефа Хааса в городке Бад Мюнстерайфеле.

Читается с упоением, великолепные зарисовки тогдашнего быта, занимательная имитация тогдашнего русского языка и онемеченного русского самого Федора Петровича, интереснейшие сцены, но самое главное – впервые обнаруженные и опубликованные автором подлинные документы.

Полагаю, что книга стала библиографической редкостью, но какое счастье, что есть в интернете библиотека Якова Кротова!

И конечно нельзя не назвать монографию моего доброго знакомого, крупного патофизиолога, декана медицинского факультета Университета дружбы народов Виктора Алексеевича Фролова, проделавшего путь от секретаря комитета комсомола 1-го МОЛМИ до книги о Ф.П.Гаазе.

Да и кому нужна дорога, ежели она не ведет к храму!..

Задуманная нами прежде всего как монография о великом москвиче Федоре Петровиче Гаазе, публикуемая с познавательной-воспитательной целью, в процессе работы переросла начальную идею, и, в том числе благодаря совету нашего издателя Сергея Васильевича Ванцова, настоятельно попросившего авторов еще раз внимательно перечитать гранки.

И тут вместо восторженного жизнеописания на первое место постепенно стало выходить желание развить мессианскую идею профессионального добра, как оказалось, неотделимую от идеи Бога. Каждый ведь по-разному приходит к идее Бога, и мы согласились с заключением, что у каждого поколения есть свой Бог.

Мы просмотрели очень большое количество литературы о Гаазе, работали в архивах, библиотеках, интернете, постарались собрать все и обобщить.

Нельзя не отметить, что очень большое количество публикаций о Гаазе принадлежат христианским источникам.

Попадались и очень редкие издания, как, например вышедшая в 1932 г. в Харбине книга «Врачи – подвижники, гуманисты», в виде приложения ко 2-му номеру журнала «Хлеб Небесный», изд. Казанско-Богородицкого мужского монастыря.

Пользуясь случаем, мы хотим принести глубокую благодарность нашим казанским коллегам за представленную архивную фотографию выпускника медицинского факультета Казанского университета Владимира Алексеевича Казем-Бека, называемого современниками харбинским Гаазом.

И тогда появилось желание хоть коротко, но рассказать и о других ангелах добра, показать, что добро, как и потребность в нем, вечны.

Появились маленькие подглавки об умершем в Херсоне обличителе российских тюремных порядков англичанине Джоне Говарде, и об участнице Крымской кампании англичанке Флоренс Найтингейл (надо бы, конечно, и о

Даше Севастопольской, и о нашей гордости Николае Ивановиче Пирогове, известном своим альтруизмом), и об Альберте Швейцере, спасшем тысячи африканцев, и об основателе Красного Креста Анри Дюнане, и многих других, и постепенно открывались новые имена, но поняли, что одна книга не может вместить историю всего профессионального добра и подвижничества медицины.

И, как и в предыдущей нашей книге «Российские терапевты», мы обращаемся к коллегам – исследуйте историю своих городов, сел, областей, напишите правду о наших предшественниках, нам есть, чем и кем гордиться.

Мы полагаем, что читателю помогут найти себя Обращение доктора Гааза к женщинам и его Азбука христианского благонравия, поэтому и публикуем их на современном русском языке.

Мы посвящаем и адресуем наш труд молодежи.

Учитесь быть добрыми, ибо Господь есть добро...

Сказал погибший в нацистском застенке соотечественник Фридриха Йозефа Гааза Дитрих Бонхоффер: «Один человек и Бог — это уже большинство».

ЮНЫЕ ГОДЫ В ГЕРМАНИИ И АВСТРИИ

Восстановленный дом Гаазов в Бад Мюнстерайфеле

Потомственный медик, будущая гордость российской медицины Фридрих Йозеф (Федор Петрович) Гааз (Friedrich-Joseph Haas) родился 24 августа 1780 г. в городке Бад Мюнстерайфеле под Кельном (теперь земля Северный Рейн – Вестфалия, Германия).

Дед его был доктором медицины в Кельне, отец аптекарем. В семье было три дочери и пятеро сыновей.

Портрет отца

Двое старших, окончив курс богословских наук, приняли духовный сан, двое младших пошли на службу по судебной части. Две сестры вышли замуж, а третья, Вильгельмина, посвятила свою жизнь уходу за родными. Замуж она так и не вышла, переехала в Москву 1822 году, чтобы ухаживать за братом Фрицем — Фридрихом Йозефом (Федором Петровичем Гаазом), но через десять лет в 1832 году вновь вернулась в Кельн, где заменила осиротелым детям одного из братьев их умершую мать. Жизнь в чужой заснеженной России, при незнании языка и обычаев, показалась ей ужасной, она была недовольна русскими слугами, весьма нелюбезно отзываясь о них в письмах в Германию.

Позже она опять ненадолго приезжала в Москву, но в ее следующий приезд она нашла Фрица уже другим человеком.

Умерла она в 1866 году, пережив Фридриха на тринадцать лет, а в 1876 году умер, в возрасте 86 лет, и последний, младший из братьев Гааза, занимавший должность члена кельнского апелляционного суда.

После окончания католической школы Фридрих поступил на факультет философии и математики Йенского университета, слушал лекции Шеллинга, считал себя его учеником, позднее, живя в Москве состоял с ним в переписке. В Йене же учился и у профессора медицины Карла Густава Химли (1772-1837) и,

когда Химли переехал в Геттинген, последовал за ним, откуда перевелся на медицинский факультет Венского университета. Лекции эрудита Химли в Йенском университете приходил слушать сам тайный советник и министр Веймарского герцога Гете.

Фридрих Шеллинг

Учился Франц Йозеф весьма успешно, под руководством известного профессора Адама Шмидта совершенствовался по глазным болезням. По настоянию Химли, вопреки правилам и обычаям, Фридриху Йозефу Гаазу, уже работавшему в Вене, была заочно присвоена степень доктора медицины Йенского университета, что помогло вскорости приобрести ему обширную практику.

Огромную роль в становлении профессионального и христианского мировоззрения Гааза роль сыграло влияние профессора Венского университета Гуфеланда: «...Врач должен жертвовать не только спокойствием, выгодами, удобствами и приятностями жизни, но и собственным здоровьем и жизнью, даже что выше всего, своею честью и славой, если он хочет достигнуть высочайшей цели своей — сохранения жизни и здоровья других».

Йенский университет

Венский университет

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ В РОССИЮ

А далее судьба преуспевающего венского врача Фридриха Иосифа Гааза складывается по воле его величества случая – его приглашают в Россию.

Существуют две версии повода приглашения и дат переезда. Они близки по сути, но различны в деталях.

Согласно первой, бытовавшей более века, изложенной его первым биографом знаменитым русским юристом XIX века Анатолием Федоровичем Кони, Федор Петрович переехал в Москву в 1802 г., приняв приглашение вылеченной им от глазной болезни пребывавшей в Вене княгини Репниной.

Однако по последней, документально подтвержденной нашим современником Львом Копелевым, Федор Петрович переехал на жительство в Россию не в 1802, а на четыре года позже, в 1806 году, и по приглашению не княгини Репниной, а самого князя, ее мужа, которого, (именно князя!) вылечил от мучительной глазной болезни.

**Посланник русского императора при Венском дворе герой
Аустерлица князь Репнин**

Подтверждают последнюю дату и упоминаемые в некоторых источниках сведения о том, что переезд случился через год после смерти князя в Вене.

Как мы видим, причина приглашения в Россию одна – мастерство глазного врача, но в излеченных фигурируют то ли сам князь, то ли супруга его, а даты переезда разнятся на целых четыре года.

Мы рискнем выдвинуть догадку - а м.б. Гааз лечил обоих, т.к. они оба – и князь, и княгиня болели мучительной заразной глазной болезнью - трахомой?

А в качестве подтверждения более поздней даты переезда в Россию Л.Копелев приводит обнаруженное им письмо Фридриха Гааза своему дяде, датированное 17 февраля 1806 г. : *«...Завтра утром, около 7 часов я покидаю Вену и еду с княгиней Репниной в Санкт-Петербург в качестве ее лейб-медика... Княгиня чрезвычайно милая дама в возрасте около 26 лет. Она –*

племянница русского посла графа Разумовского, и в ноябре приехала к мужу, офицеру императорской гвардии. Князь был ранен и попал в плен при Аустерлице... Этот шаг отвечает неожиданной, неясно желанной возможности, открывшейся как раз в то время, когда совершенно необъяснимое, но невыносимое беспокойство гнало меня прочь из Вены...».

И далее Л.Копелев приводит текст договора, в оригинале составленного по-французски. заключенного между княгиней Репниной и Фридрихом Гаазом.

«ДОГОВОР О НАЙМЕ

княгиней Репниной доктора Фридриха Гааза

3 февраля 1806 г.

Настоящим письмом, заменяющим формальный договор между ее Светлостью, княгиней Репниной, с одной стороны, и господином Гаазом, доктором медицины, с другой, устанавливается и подтверждается следующее:

- I. Господин доктор Гааз в качестве врача принимает на себя заботу о лечебном пользовании ее Светлости княгини Репниной, всей ее семьи и прислуги, причем не только в городе Петербурге, но также и в деревне и повсюду, где ее Светлость будет находиться. Он обещает и обязуется нести эту службу в течение четырех лет, начиная с 1 февраля 1806 и кончая 31 январем 1810 года.*
- II. В порядке встречного обязательства ее Светлость, княгиня, предоставляет господину доктору Гаазу, будь то в Петербурге или вне его, жилище, продовольствие, освещение и слугу, а также годовое жалованье 2000 рублей...»*

Документы весьма убедительные, но опять возникают вопросы.

Никто не может дать точной трактовки, что за «мучительное беспокойство» гонит молодого преуспевающего врача из respectable европейского города, из привычной обстановки в неизвестную холодную страну.

И почему, если в договоре в качестве основного города обозначен Санкт-Петербург, вся жизнь и деятельность Федора Петровича в России сразу же связаны с Москвой?

Зачем дважды в 1809 и 1810 гг. он посещал Кавказ, где подробнейшим образом изучал лечебное действие минеральных вод и состояние источников?

М.б., княгиня лечилась на водах, и сопровождающий ее пытливый врач и естествоиспытатель не мог пройти мимо интереснейших явлений природы?

Некоторые авторы предполагают, что Гааз ездил туда в отпуск.

О ранних годах пребывания Гааза в Москве документальных сведений нет, и мы, к сожалению, ничего не нашли в хранящихся в РГАДА и Центральном московском историческом архиве документах Канцелярии Московского генерал-губернатора.

Однако ранее в архиве Московской медицинской конторы Л.Копелев обнаружил интереснейший рассказ о Гаазе московских приятели Репниных и их родственников, датированный 23 апреля 1830 г. «Об уведомлении канцелярии Московского губернатора об отсутствии формулярного списка доктора Гааза» (ЦИАМ ф. 1 опись 1. Дело 3435). Документ гласит: *«Учен не по годам. Знает помимо немецкого и французского, латынь и греческий. Сведущ в философии, богословии, математике, физике и астрономии. Богобоязнен, благонравен, не пьет, ни в карты, ни в кости не играет, никому злого слова не скажет. Ласков и приветлив, перед сильными и богатыми не заискивает, с простоллюдинами добр и обходителен».*

Правда, не указана хотя бы приблизительная дата изложения рассказа, однако можно предположить, что эта характеристика относится именно к начальному периоду пребывания Гааза в Москве, когда он был еще малоизвестен, т.к. к 1830 году он уже состоялся как авторитетный врач и высказывания современников о нем носили совсем иной характер.

БЛАГОПОЛУЧНОЕ МОСКОВСКОЕ ЖИТИЕ

*" Берегите свое здоровье.
Оно необходимо, чтобы иметь
силы помогать ближним, оно
– дар Божий, в растрате
которого без пользы для людей
придется дать ответ пред
своею совестью.»
Ф.П.Гааз*

Быстро приобретший в хлебосольной Москве большую практику, величаемый на русский манер Федором Петровичем, доброжелательный и знающий свое дело Гааз стал приглашаем на консультации, ему стали открыты двери всех московских больниц и богоугодных заведений.

В 1806 г., обнаружив в Преображенском старообрядческом богадельном доме много больных глазами, Гааз с разрешения московского губернатора Д.С.Ланского (тайного советника, в последующем генерал-интенданта 2-ой Западной армии в войсках М.И.Кутузова, принимавшего участие в Бородинском сражении) начал их безвозмездно весьма успешно лечить, одновременно также успешно справившись с эпидемией глазной

болезни у воспитанников Московского кадетского корпуса и солдат мушкетерских рот Навашинского полка, располагавшихся в Покровских казармах.

Крестовоздвиженская церковь при Преображенском старообрядческом мужском и женском богадельном доме, где Гааз лечил больных глазами в 1806 году

Об успехах иноземного доктора стало известно в Санкт-Петербурге, и как результат контора Павловской больницы в Москве 4 июня 1807 г. получила Императорский приказ, следующего содержания: *«...по отличному одобрению знания и искусства доктора медицины Гааза, как в лечении разных болезней, так и в операциях, Ея Императорское Величество (вдовья императрица Мария Феодоровна, жена безвинно убиенного Императора Павла*

I и мать императорствующего Александра I - авт.) *находит его достойным быть определены в Павловской больнице (Московский госпиталь имени императора Павла I, ныне Городская клиническая больница №4 Департамента здравоохранения г.Москвы) над медицинской частью главным доктором . . . и Высочайше соизволяет сделать по сему надлежащее распоряжение, а его, Гааза, заставить вступить в сию должность немедленно . . .».* (А.Ф. Кони).

Вдовствующая императрица Мария Федоровна

Император Александр I

Как читателю императорская формулировка – «...заставить вступить в должность немедленно...»? Круто, как теперь говорят, круче не скажешь.

**Павловская больница (ныне Городская клиническая больница №4
Департамента здравоохранения г.Москвы)**

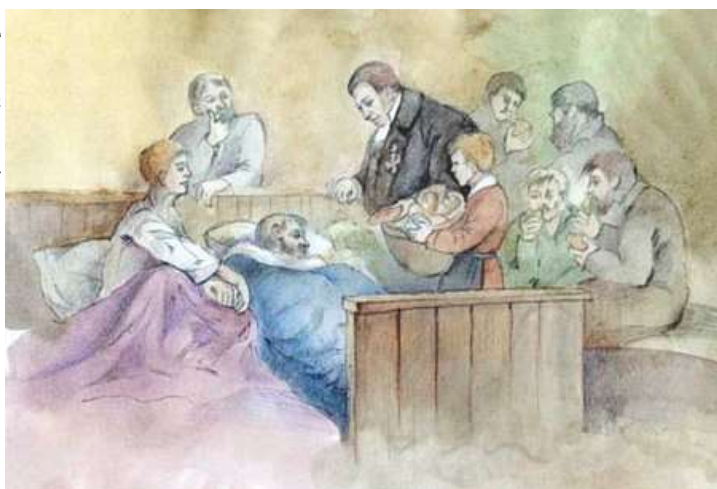
Он говорит по-немецки и по-
французски, богат, владеет
выездом из четырех белых рысаков с
каретой, имеет собственный дом на
Кузнецком мосту. О нем ходил
стишок:

«Доктор Гааз уложит в
постель,

Закутает во фланель,

Поставит фонтанель

И пропишет каломель»

Кузнецкий мост - место проживания Гааза (старинная гравюра)

Про дом на Кузнецком (ныне д.20) надо сказать отдельно. Именно здесь находилось владение знаменитой Салтычихи, замучившей до смерти 139 своих крепостных рабов. По словам московского краеведа Рустама Рахматуллина, «...эти полы, нечистые от крови, это кровавое белье четверть столетия отбеливал святой доктор. Отбеливал совесть Москвы и всей России, искупая чужое (некогда общее) преступление».

А Салтычиха, приговоренная по решению юстиц-коллегии к смертной казни, была помилована Екатериной II, определившей ей пожизненное заключение в тюрьме одного из женских монастырей, где она провела почти сорок лет, родила ребёнка от караульного солдата и умерла в 1801 г. — за год до приезда в Москву доктора Гааза.

Когда постарел стал носить белый парик с косою, который от старости потом порыжел, фрак поизносился, чулки стали штопаны, но всегда был гладко выбрит и одет аккуратно. Зимой носил знаменитую волчью шубу.

«Взяв на себя заботы по больнице» (так у Кони), Гааз продолжал лечить больных глазами в различных заведениях Москвы, за что по ходатайству генерал-губернатора Москвы Ланского в том числе и за описание Александровских минеральных вод был в 1811 году удостоен чина надворного советника и представлен к Владимирскому кресту 4-й степени, коим и был высочайше пожалован.

Этот крест Ф.П.Гааз с гордостью носил до самой своей смерти.

А как почетно, читатель, как благостно, нести свой крест, пока Господь

Спасская церковь в селе Тишково

дает силы! Не в этом ли есть радость служения любимому Отечеству?

Знак ордена Святого Владимира IV степени

В 1812 году Гааз собрался ехать из Москвы в Германию, дабы навестить больных родителей, но поездка не могла состояться. Император Наполеон вступил в Россию, началась война. Гааз был призван в действующую русскую армию, вместе с ней прошел весь тяжелый путь, отступая, лечил раненых, участвовал в сражениях под Смоленском и Бородином.

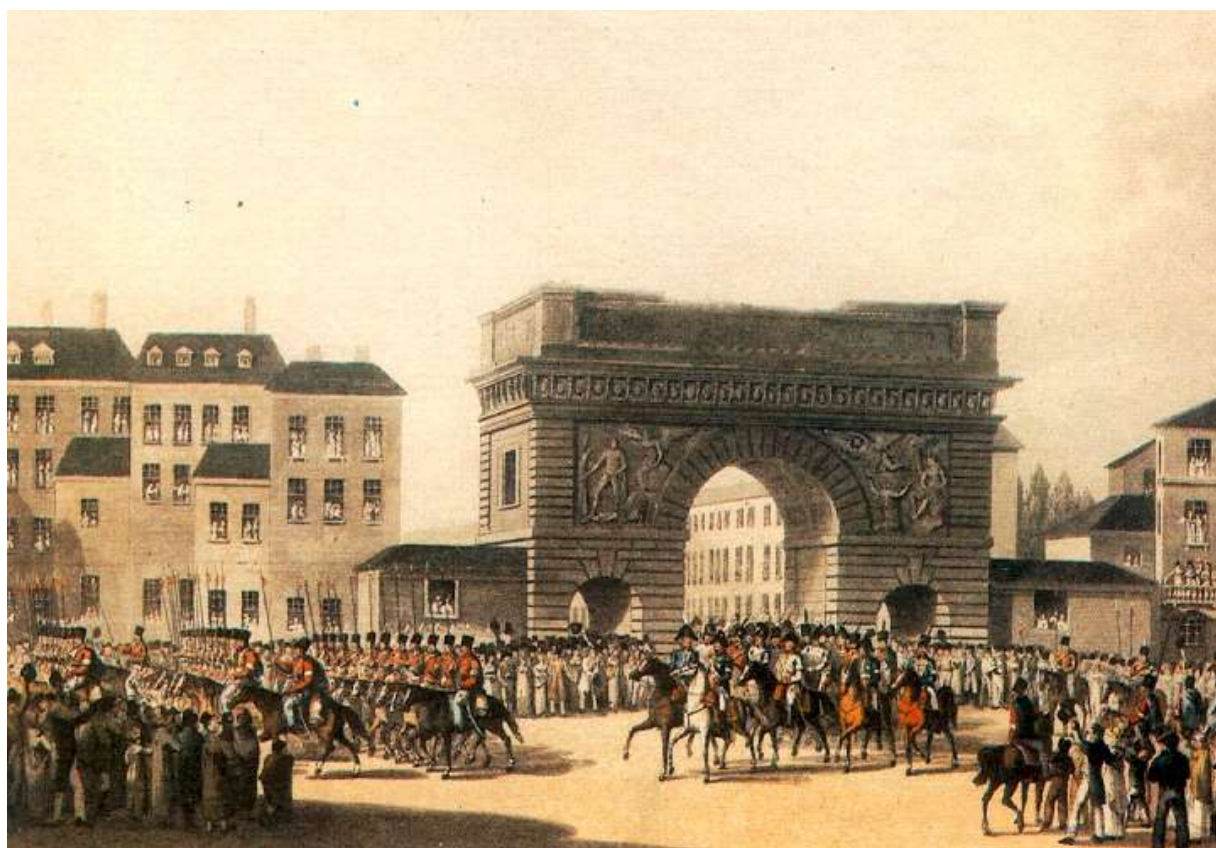

**Петер Гесс. Сражение под Красным под Смоленском. Подвиг генерала
Неверовского**

Петер Гесс. Сражение под Бородином

Прослужив более двух лет, пройдя всю Европу в качестве полкового врача, весной 1814 года вместе с частями русской армии Ф.П.Гааз вступил в Париж.

Литография "Вступление русских войск в Париж 31 марта 1814"

Война уже была окончена, и в 1814 году, выйдя в отставку, Гааз направляется в Мюнстерайфель к больному уже вдовому отцу, и из уст умирающего старика получает благословение на возвращение в любимую Россию.

Вновь он модный любимый врач, вновь успех, деньги, все, казалось бы, хорошо, но... одержимый альтруизмом и христианским милосердием, Федор Петрович начинает все получаемые им гонорары отдавать на лекарства, одежду, пищу для бедных. Нет места в больнице - берет нищих и убогих себе на квартиру, держит их там до выздоровления, стариков устраивает в богадельни, сирот в приюты, для всех находит средства и слова утешения.

Г.В. Архангельский пишет: «Ф.П. Гааз стремился к разрешению этических вопросов, связанных с социальными условиями жизни. Он был неплохим организатором, целеустремленность помогала ему добиваться своих целей. Главными социально-психологическими чертами его характера были проявления ярко выраженного активного гуманизма. И все земные блага его скоро канули в лету. Да и как могло быть иначе, если, прежде всего он думал о благе других, мог быть счастлив только счастьем других, не переносил вида чужого горя».

«Едет Федор Петрович на своих рысаках.., а на дороге у мужика лошадь померла, мужик стоит около нее и плачет. Федор Петрович останавливается, слезает и отдает одного из своих рысаков мужику».

«Я есть немец, - говорил он, - но прежде всего я есть христианин». «Почему я живу здесь? Потому что я люблю, очень люблю многие здешние люди, люблю Москву, люблю Россию и потому, что жить здесь – мой долг пред всеми несчастными в больницах, в тюрьмах. Потому что я хорошо знаю: я помогаю им, этим несчастным. Помогаю и могу помогать больше, чем кто-либо другой».

«В российском народе есть пред всеми другими качествами блистательная добродетель милосердия, готовность и привычка с радостью помогать в изобилии ближнему во всем, в чем тот нуждается».

Будучи глубоко верующим человеком, Гааз нередко повторял поступки особо близких ему по духу праведников. Так, он подобно святому Николаю Мирликийскому, посетив бедных и дав им совет и лекарства, незаметно подбрасывал еще и кошелек с деньгами.

В.А. Жуковский писал о нем: «Такие люди, как Гааз, будут во всех странах и племенах звездами путеводными; при блеске их, чтоб труженик земной ни испытал, душой он не падает и вера в лучшее в нем не погибнет».

Но в 1827 году, когда Федору Петровичу исполнилось 47 лет, он испытал тяжелый духовный кризис, результатом чего стала полная перемена всего образа жизни.

В чем дело? Можно только гадать.

Выдвинуто предположение, что причиной явилась разлука с платонически любимой женщиной, женой армейского товарища- декабриста, последовавшей вслед за своим мужем в Сибирь.

Гааз ведь никогда не был женат...

Не исключая и этого предположения, нам представляется, что главной причиной душевного кризиса христианской души стало первое посещение Гаазом московской пересыльной тюрьмы, так его потрясла ужасающая картина русской тюрьмы - преддверия ада...

Кризис был такой силы, что слабых людей доводит до самоубийства. Сильный характер помог Федору Петровичу преодолеть беду:

«... Если тебе очень плохо, найди, кому еще хуже и постарайся помочь...»

И еще одна злая истина – ни одно доброе дело не остается безнаказанным. Да и не умел вести дела великий альтруист.

В 1829 году он продал из своего имения дрова за 2000 руб. московскому купцу Н. И. Ч., который поставил их в полицейские дома по подряду и получил деньги, а Гаазу, несмотря на многократные обещания, долга не платил, вследствие чего Гааз в 1830 году обратился с просьбой к обер-полицеймейстеру понудить купца Ч., как поставщика полицейских домов, к уплате денег за дрова. Ч., вызванный начальником полиции, дал письменное обязательство уплатить деньги, но этого обещания не исполнил. (Дело губерн. архива 1831 г.). Само собой понятно, что при таких условиях имение и фабрика вместо прибыли давали большие убытки, а тем временем Гааз настолько отдался общественной и благотворительной деятельности, что у него слишком мало оставалось

времени для платной врачебной практики. Дела его наконец настолько испортились, что в 1838 году на фабрике были приостановлены работы. Друзья и почитатели Гааза, желая прийти ему на помощь в его трудном положении, на собранные между собою по подписке деньги купили в Оренбурге 3700 пудов киргизской шерсти и доставили ее на фабрику. Но это не спасло Федора Петровича от катастрофы: вскоре он был объявлен несостоятельным должником и имение его было продано с публичного торга.

Так постепенно исчезли у любезного нашему сердцу Федора Петровича Гааза и карета с белыми рысаками, и дом в Москве, и подмосковное имение с суконной фабрикой.

В 1840 г. имущество было описано, а около двух тысяч десятин земли с селениями Тишково, Михалёво, Марьиной Горой и всхожими пустошами, а также суконная фабрика, специализировавшаяся на пошиве тюремной одежды, были проданы с аукциона. На покрытие долгов пошел и огромный дом на Кузнецком Мосту.

Вильгельмина уже не сердилась, а все чаще приходила в отчаяние, наблюдая, как разоряется брат, еще недавно казавшийся ей таким обеспеченным. Она писала сестре Лизе 31 августа (12 сентября) 1830 г.:

“Как раз потому, что Фриц так равнодушен к деньгам, он слишком уж легко их растрчивает. Не на себя – на себя ему совсем мало надо, – но, исключая себя самого, он готов отдать последнюю копейку и чрезвычайно доволен, когда имеет ровно столько, сколько от него хотят, и оставляет себе последний рубль так, как если бы у него оставались тысячи. Ему просто обременительно иметь деньги; и так как он превыше всего любит деятельность духа, торговые предприятия, он был рад вложить свои деньги в покупку поместья в надежде приобрести таким образом источник дохода, который сделал бы для него ненужной врачебную практику и на основе которого он мог бы, с другой стороны, сделать немало добра. Весь свет предупреждал его, говоря, что не его это дело, что при всей рассудительности он слишком добр и что здоровье и опыт его недостаточны, чтобы принять на себя неблагодарную задачу управлять поместьем. Никто, однако, не знал о легкомыслии, с которым Фриц принимал и отдавал деньги, втягиваясь в сплошную путаницу, из которой

больше не мог выбраться... к тому же еще и единственный в своем роде, чудаковатый трудный характер Фрица, переносить который не хватит и ангельского терпения... мне очень больно, когда я слышу что-нибудь направленное против Фрица, а тех, кто стоит на его стороне, я очень люблю. У Фрица столько прекрасных, добрых черт, что ему можно простить все, что приходится переносить из-за его трудного характера”.

Завершаем мы эту главу цитатой из Александра Нежного: «Является в Россию человек, для которого Евангелие - это норма жизни. Является в Россию человек, который бесконечно предан Христу. Явился в Россию человек, которому здесь открывается абсолютно бескрайнее поле для того, чтобы как-то проявить свою верность Христу, как-то обогреть малых сих с тем, чтобы и обогреть самого Христа, самого Спасителя. И вот мало-помалу к доктору Федору Петровичу, который лечил своих богатых пациентов, не забывая и о бедных, он занимался московскими больницами, он стал главным врачом московских больниц, по сути, он получил орден стараниями Марии Федоровны, вдовствующей императрицы, за свою деятельность. Но истинный час его пробивает тогда, когда Голицын приглашает его в Московский попечительский о тюрьмах комитет. Но и здесь такая логика его судьбы и, может быть, нечто, что было в нем заложено, здесь это находит свое абсолютное самовыражение. Здесь он попадает на точку деятельности, наиболее естественную для него. Может быть он никогда бы не нашел ее и так бы остался в памяти медицины, скорее всего, в анналах медицины, остался бы просто приличным немецким доктором, который лечил нашу знать и помогал бедным в первой половине 19-го века. А тут эта точка и это понимание, что да, это деятельность, о которой я мечтал всю жизнь. И Гааз, приличный доктор, кончился, начался Гааз юродивый. Гааз преуспевающий человек кончился, началось сползание Гааза в ту самую блаженную нищету, из которой его вынесли ногами вперед, на кладбище».

**ОСНОВАТЕЛЬ РОССИЙСКОЙ БАЛЬНЕОЛОГИИ.
ОПИСАНИЕ ЦЕЛЕБНЫХ СВОЙСТВ КАВКАЗСКИХ
МИНЕРАЛЬНЫХ ВОД**

Целебные свойства минеральных вод давно интересовали Федора Петровича. Он был первым врачом-исследователем, в 1806 году описавшим лечебное действие вод Старой Руссы.

В 1809 и в 1810 гг. Ф.П.Гааз предпринял две поездки на кавказские минеральные воды. Лев Копелев выдвигает предположение, что поездка эта явилась результатом рассказов о Кавказе офицеров русской армии, воевавших там. Вполне вероятно, тем более что известен факт того, что один из приближенных завоевателя Кавказа генерала Ермолова предлагал ему приехать в Москву и полечиться у Гааза.

В следующем 1811 г. издал большую, в 365 страниц, монографию на французском языке «Моя поездка на Александровские воды» ("Ma visite aux eaux d'Alexandre en 1809 et 1810".) с описанием своего пребывания на Кавказе и лечебного действия тамошних минеральных вод.

22 февраля 1811 г. статс-секретарь Молчанов уведомил министра полиции о производстве Гааза в надворные советники, вследствие обращения государем особого внимания на отличные способности, усердие и труды доктора Гааза «не токмо в исправлении должности в Павловской больнице (в Москве), но и неоднократно им оказанные во время пребывания при кавказских целительных водах».

В предисловии (подзаголовке?) он пишет: «Мои больные (болезни?) вдохновляли меня на этот труд, а также желание облегчить участь других, побудили к его публикации. Да будет он удачен. И пусть мои читатели, знакомясь с ним, будут в таком же хорошем настроении, как я при написании этой работы».

Большая часть тиража этой книги не уцелела в пожаре Москвы 12-го года, а оставшиеся, видимо, утеряны безвозвратно, поэтому пусть простит нас читатель за цитаты из Гааза, приводимые нами из иных источников.

История кавказских лечебных вод восходит к малоизвестному ныне персидскому походу Петра I, приказавшему своему лейб-медику Шоберу обратить внимание на горячие «теплицы».

В 1800 г. генерал-лейтенант Кнорринг обращал внимание государя-императора Павла I на источники минеральных вод около Константиногорска (ныне Железноводск), «...полезные от ломотных и скорбутных болезней», как было писано в донесении.

И.Я. Пантелеев в книге «Очерк истории изучения и развития Кавказских минеральных вод» (М. 1955 г.) указывает, что в 1803 г. район Кавказских минеральных вод был признан лечебной местностью государственного значения.

Поэтому знаток истории кавказских минеральных вод Святковский, учитывая большую роль Гааза в изучении этих источников, называет первый период истории изучения этих минеральных вод с 1717 г. по 1810 г. Петровско-Гаазовским.

Новооткрытые источники Гааз наименовал «Воды Александра». Ссылаясь на химический состав и на собственный опыт, он советовал применять их для излечения болезней желудка, печени, кишечника, почек, а также против худосочия и меланхолии. Его доклады о свойствах и способах применения целебных вод содержали врачебные наставления, подробные описания природных условий и точные сведения о дорогах, о расстояниях между почтовыми станциями, о бытовых условиях, о нравах местных жителей, о ценах на продукты.

Во время отпуска он решил посетить южные районы страны. Гааз и его помощник - аптекарь Соболев из Константиногорска - отправились на перекладных.

Летняя природа Кавминвод покорила путешественника, но больше всего удивили доктора горячие и теплые минеральные источники. Уже в свой первый приезд в 1809 году

он исследует часть минеральных ключей и узнает от местных жителей о существовании горячих вод «на самой Бештау». Но видя разноречивость и неуверенность в показе того места, где они должны быть, он записывает в дневнике: «Я отказался от розысков таинственного источника, о котором все говорят, но коего не видел никто».

В 1809 году он начинает изучать минеральные ключи. Познакомившись с Измаил-Беем Атажуковым, летом следующего года Ф. И. Гааз начинает исследования. Измаил-Бей стал проводником в поисках нового горячего источника, расположенного севернее горы Бештау. О благодарности в помощи Измаила-Бея, упоминается в книге написанной врачом: «Когда я второй раз приехал в Константиногорск, то был приятно удивлен, узнав от черкесского князя Измаил-Бея о том, что позади Бештау действительно существует горячий источник, в котором он купался, и куда он милостиво согласился меня проводить. Я, как и все те, кто будет пользоваться этими водами, в неоплатном долгу перед князем за любезность и доброжелательность, с которой он вызвал нужных проводников и организовал экспедицию к ключам, коея и состоялась на следующий день 26 июля...».

По прибытию в Константиногорское укрепление 26 июля 1810 года Измаил-Бей с проводниками из Аджи-аула и доктором Гаазом направились к северо-западным склонам горы Бештау. Там находился Арсланбек-аул, основанный двоюродным братом Измаил-Бея. Обнаружить не имевшую названия гору (позже она будет названа Константиновской), помог местный житель, отлично знавший эту местность. Пробравшись к обрывистому склону высоко над горной долиной, были обнаружены минеральные источники желтоватого цвета. В результате химических анализов воды в дневнике появилась запись: «Термометр в 6 часов пополудни показывал 80 градусов по Фаренгейту, а температура воды в бассейне достигала 108 градусов. Эта вода, набранная в стакан, прозрачная и чистая, без запаха, горячая, но приятная для рта и желудка, слегка солоноватая и терпкая на вкус, как и все железистые воды».

Военное поселение в районе реки Ессентук

Летом следующего 1810 года Ф. П. Гааз познакомился на водах с Измаил-Беем Атажуковым, который согласился быть проводником в поисках нового горячего источника, расположенного севернее горы Бештау. В своей книге Гааз пишет: «Когда я второй раз приехал в Константиногорск, то был приятно удивлен, узнав от черкесского князя Измаил-Бея о том, что позади Бештау действительно существует горячий источник, в котором он купался, и куда он милостиво согласился меня проводить. Я, как и все те, кто будет пользоваться этими водами, в неоплатном долгу перед князем за любезность и доброжелательность, с которой он вызвал нужных проводников и организовал экспедицию к ключам, коея и состоялась на следующий день 26 июля...».

26 июля 1810 года Измаил-Бей с проводниками из Аджи-аула прибыл в Константиногорское укрепление. Отсюда с доктором Гаазом группа направилась к северо-западным склонам горы Бештау, где находился Арсланбек-аул, основанный двоюродным братом Измаил-Бея. Там они взяли в свою экспедицию местного жителя, знавшего лучше всех эту местность, и с его помощью вышли к горе, не имевшей официального названия. В своем дневнике доктор-путешественник назвал гору Константиновской. С помощью проводника Гааз пробрался сквозь лесные заросли к обрывистому склону, расположенному высоко над горной долиной. Здесь внимание исследователя «...привлекли два минеральных источника, стекавшие по желтовато-охристым склонам в речушку, струившуюся по лесной долине.». С помощью имевшихся у него химических реактивов доктор сделал анализы воды. В дневнике появилась запись: «Термометр в 6 часов пополудни показывал 80 градусов по Фаренгейту, а температура воды в бассейне достигала 108 градусов. Эта вода, набранная в стакан, прозрачная и чистая, без запаха,

горячая, но приятная для рта и желудка, слегка солоноватая и терпкая на вкус, как и все железистые воды».

Открытый тип минеральной воды настолько заинтересовал Ф. П. Гааза, что тем же летом он еще дважды приезжал к горе Константиновской, брал образцы для различных анализов. Появилась еще одна запись: «Горячий железистый ключ — Константиновская вода, ранее неизвестная и открытая мною на Бештау, представляет собой один из самых интересных источников. В Европе нет подобного железистого ключа, температура которого достигала бы 34 градусов (по Реомюру)».

Размышления над образом «святого доктора» Федора Петровича Гааза наводят на мысль, что увлечение им источниками есть не просто интерес естествоиспытателя и врача, но развитие его духовного мировоззрения.

«Жизнь, за которой она, медицина наблюдает — это источник, цель и направление всего, что существует, потому что жизнь, наукой о которой она является, есть сама сущность медицины, а другие науки — лишь приложения к ней».

Знаменательно, что первые два дома в Горячеводской долине и первая купальня в Кисловодске были построены в 1812 г., т.е. после приезда туда Ф.П.Гааза.

В книге Гааз излагает историю открытия и изучения кавказских минеральных вод и их химический состав, описывает климат и растительность этого района, приводит результаты топографические исследований и метеорологических наблюдений и предлагает строительство там лечебниц.

«Гааз не только впервые систематически и научно исследовал и описал одно из богатых природных достояний России, но и лично открыл серно-щелочной источник в Ессентуках, обозначенный в 1823 г. № 23 и ряд целебных ключей в Железноводске», - пишет А.Ф. Кони.

Старинная открытка с видом Пятигорска

Профессор Нелюбин, автор монографии «Полное описание Кавказских минеральных вод», вышедшей в 1825 г. пишет: «Доктор Гааз, во время пребывания своего на кавказских водах, произвел в Константиногорске (ныне Железноводск) химическое исследование над тремя серными источниками Машука... Да дозволено мне будет с особенным уважением и признательностью упомянуть о трудах доктора Гааза и профессора Рейса: оба они, по всей справедливости, оказали большую услугу минеральным водам – первый своими врачебными наблюдениями, а последний – химическим разложением воды; в особенности же должно быть благодарным Гаазу за принятый им на себя труд исследовать, кроме главного источника, еще два серных ключа на Машуке и один на Железной горе, которые до того времени еще никем не были испытаны (профессор Рейс – химик, работавший на водах вместе с Гаазом)» и «Сочинение, изданное Гаазом по сему предмету, принадлежит без сомнения к первым и лучшим в своем роде».

Гааз, зная из рассказов местных жителей о существовании горячих минеральных источников где-то между горой Бештау и южным склоном горы

Железной несколько раз неудачно пытался найти их, но при втором его визите на Кавказ в 1810 г. кабардинский князь Измаил-Бей показал ему кружной путь к таинственному источнику.

Температура источника была $33,8^{\circ}$ при температуре воздуха $21,3^{\circ}$ давал он в минуту около 10 ведер воды.

«Вода, зачерпнутая в стакан, - пишет Гааз, - совершенно прозрачна и чиста, без запаха, приятно теплая для рта и желудка. Имеет вкус немного соленый и вяжущий, как все вообще железные воды». «...Железный горячий источник, открытый мною, есть один из самых интересных в мире. В Европе не известно ни одной минеральной воды, которая была бы железистой и в то же время имела температуру в 34° » (цитируется по книге И.Я. Пантелеева «Очерк истории изучения и развития Кавказских минеральных вод»).

Гааз подробно описывая все известные к тому времени источники, производит измерения дебита и температуры воды, изучая ее химический и газовый состав.

Он первым описал два новых источника в северо-восточной части Горячей горы, один которых отнес к числу горячих, другой – теплых.

Горячий источник имел температуру воды на $4-5^{\circ}$ ниже, чем главный, а побочный выход его (дериват) – всего 27° Ц. Он рекомендовал эти источники для ванн, и они вскоре вошли в употребление.

Теплый источник привлек к себе его внимание относительно низкой температурой (27° С) и повышенным содержанием углекислоты и именно это сделало его главным питьевым источником Пятигорского курорта.

Первые приезжие из России стали пользоваться источниками Железноводска с 1812 г., добираясь туда под защитой военного конвоя.

Один казак рассказал Гаазу, что лошади пьют воду из какого-то минерального источника, бьющего недалеко от военного поста на речке Ессентук, и Гааз пробрался туда по лошадиным следам.

«Там, где этот берег, по-видимому, оканчивается и сливается с равниной, впереди его находится несколько источников, иссякающих вскоре по выходе. Немного ниже, на равнине, покрытой наносным песком, находится небольшой колодец, до 3 футов (около 1 м) в диаметре и до полуфута глубины. Он соединяется с другим подобным колодцем, немного меньшим, к которому, по-видимому, и приходят лошади пить воду. Вода постоянно мутна от тины, которую она, подобно другим холодным серным водам, отлагает и которую лошади постоянно возмущают. Вода пробивается в трех или четырех местах, но так как источник неглубок, то он кажется как бы засорившимся и, в настоящем своем виде, не дает много воды... Отстоявшаяся вода совершенно прозрачна и имеет вкус кисловатый, соленый, серный и вовсе не неприятный» (цит. по книге И.Я. Пантелеева).

Впоследствии этот источник получил название Гаазо-Пономаревского.

Неподалеку Гааз обследовал еще два источника, имевших очень мало воды, сильно соленой на вкус. И, хотя он придал им значения, именно эти источники, содержащие углекислую соляно-щелочную воду, принесли Ессентукскому курорту всемирную известность.

В последних главах Гааз приводит записку к начальнику полиции, где перечислены мероприятия, которые следует провести на водах, а также дает описание на русском и французском языках двух маршрутов поездок на Кавказские минеральные воды.

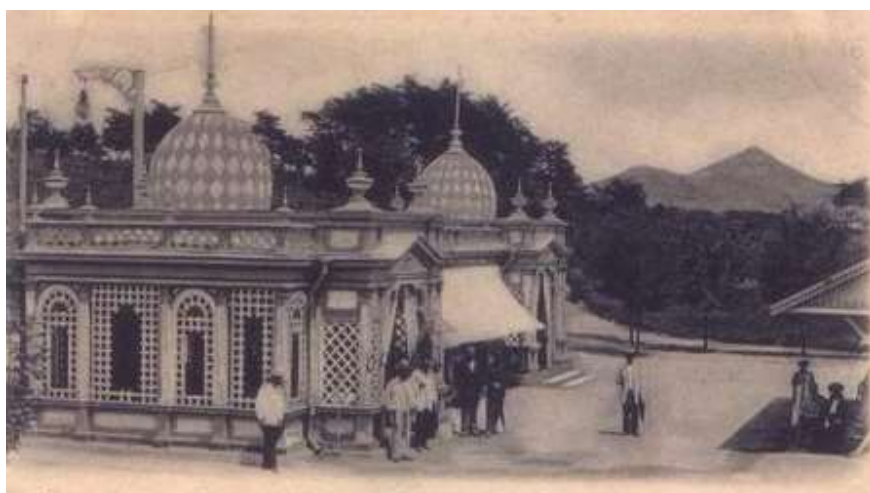
Гааз подчеркивает, что «...самый поразительный феномен этих вод – это множество, своеобразие и разнообразие болезней исцеляемых ими».

Он полагает, что их целебная сила заключается в профилактическом эффекте при «...нервных предрасположениях, истерических и ипохондрических, геморроидальных, желтушных, перемежающихся лихорадках и вообще – болезнях печени, водобоязни, хандре, раке, подагре, апоплексии, чахотке и т.д.», и что они «...предохраняют также от маразма старости».

Гааз пишет об обычае солдат мыться в горячих источниках по два раза в день, что предохраняет их от скорбута, подчеркивает пользу такого мытья «...при ревматизме, подагре, геморрое, непроходимости желудка, застарелых перемежающихся лихорадках, начальной стадии легочной чахотки, слабости и болезни нервов, болезни печени, последствиях венерических болезней и ранений».

Кавказские минеральные воды 19 век. Пятигорск

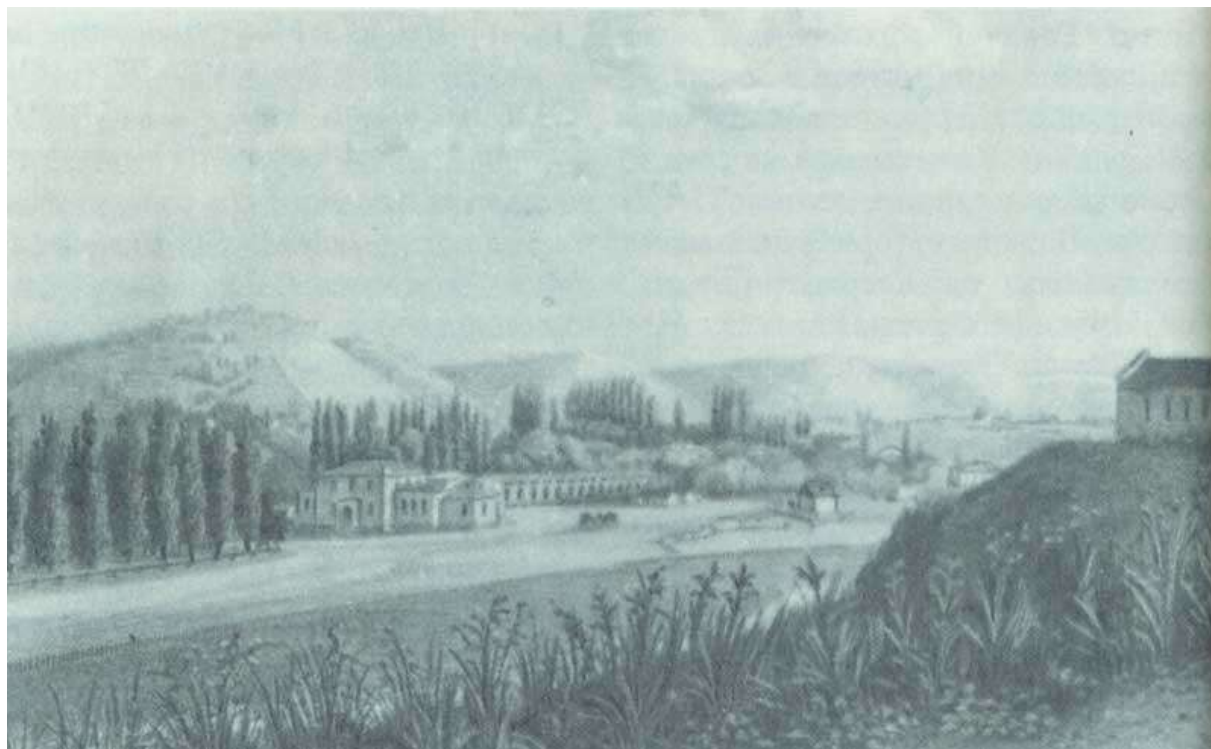
Ессентуки, питьевой бювет

Пятигорский провал, гравюра 19 века

Когда в 1825 г. вышла книга московского фармаколога профессора А.П.Нелюбина (кстати, изобретателя гемостатина – лекарства с говорящим за себя названием) «Полное историческое, медико-топографическое и физико-химическое описание кавказских минеральных вод», Ф.П. Гааз, бывший в это время московским штатт-физиком, рекомендовал ее к продаже.

В ЦИАМ имеется подписанный Гаазом документ, «О продаже книги «Описание кавказских минеральных вод», датированный 22 сентября 1825 г. за № 1955, в котором Медицинская контора просит *«...выслать на первый случай десять экземпляров книги проф. Нелюбина «Описание кавказских минеральных вод», ибо на сие интересное сочинение без сомнения много будет желающих»* (ЦИАМ. Фонд 1, опись 1, дело 2525).

Кисловодск начала 19 века

ХРИСТИАНСКОЕ МИРОВОЗРЕНИЕ

*«... Для меня образ Спасителя свят,
где бы он ни был освящен —
в Риме, в Кельне или в Москве.
И слово Божье истинно и благотворно
на всех языках. На латыни оно звучит
для меня привычней и поэтому особенно
прекрасно, но душе это слово внятно
и по-немецки, и по-славянски, и по-русски».*

Ф.П.Гааз

Как мы видим из цитаты, Федор Петрович Гааз был глубоко верующим и набожным человеком, состоял членом приходского совета католического храма Святых апостолов Петра и Павла. В 1845 г. в Милютинском переулке на пожертвования прихожан (стало быть, и Федора Петровича) для него было построено новое здание.

В ежедневно творимых утренних и вечерних молитвах Федор Петрович всегда поминал умерших отца и мать, родных и друзей, своих благодетелей и единомышленников московских губернаторов князей Голицына и Щербатова, тех, кто умер в больнице, иных уже не помня по имени, но тем пристальнее запоминая их лица, глаза. Обычно он молился дома, тихо, про себя. Однако в праздничные дни спешил хоть ненадолго зайти в упомянутый храм на Малой Лубянке, исповедовался, причащался.

«Имманентность в Боге и свободе настолько непротиворечива, что именно только свободное существо, поскольку оно свободно, - в Боге, а несвободное, поскольку оно несвободно, по необходимости - вне Бога».

«...Человек лишь весьма редко мыслит и действует в гармонии с теми предметами, коими занимается; он, как правило, зависим от многих обстоятельств, коих сам не знает и даже не подозревает о том, что они имеют к нему некое отношение и влияют на то, что он именуется своим суждением и своей волей. Эти внешние воздействия можно было бы наименовать предрассудками и тогда последовательно утверждать, что человек во всем, что он творит, есть игрушка предрассудков. Однако чем менее кто-либо сомневается в том, сколь многочисленны и сильны предрассудки, тем разумнее он бывает и тем более здраво судит о своих естественных поступках. Но зато другие люди тем чаще полагают его пристрастным и упрямым, а его суждения - странными... Сознавать, что человек в своих помыслах зависим, что он есть раб того, что мы называем суммой внешних обстоятельств, вовсе не значит отказываться объективно судить о качестве какого-то явления или от признания абсолютной свободы воли, без которой человек - это прекрасное создание - был бы только жалким автоматом. Это значит лишь признать, как редко встречаются среди людей настоящие люди.

Зависимость человека от обстоятельств требует снисходительного отношения к его заблуждениям и слабостям. В таком снисхождении, конечно, мало лестного для человечества; но упрекать и порицать людей за эту зависимость было бы и несправедливо, и жестоко. Зато часто полезно бывает в иных случаях именно так рассматривать и наши суждения и наши действия, т. е. сознавать нашу зависимость от внешних обстоятельств. Тогда ошибки наших ближних не станут сразу же вызывать гнев, а чья-либо поразительная добродетель не приведет в экстаз и можно будет лучше познать природу и причины каждого явления».

Гааз был убежден, что между преступлением, несчастьем и болезнью есть тесная связь. Он считал, что трудно, а подчас невозможно разграничить эти понятия, и потому к лишенному свободы надлежит относиться тройным образом.

«Преступления, кои свершаются разными людьми, - говорил Гааз, - бывают от разных причин. И вовсе не всегда от врожденного злодейского нрава - такое даже весьма редко бывает - и не так уж часто из корыстных и иных злых побуждений. Наибольшая часть преступлений свершается от несчастья - от несчастных случайных обстоятельств, при которых дьявол подавляет совесть и разум человека, одержимого гневом, ревностью, местью, обидой, либо от долгого тягостного несчастья, изнуряющего душу человека, преследуемого несправедливостью, унижениями, бедностью; такое изнурение души еще более опасно, чем случайный мгновенный порыв страсти. Немало преступлений свершается также еще из-за болезней - явных и сокровенных болезней телесных и душевных, подавляющих или злокозненно возбуждающих нрав человека,

ослепляющих и расслабляющих его так, что он становится послушным орудием в руках злодеев, невольным исполнителем повелений дьявольских. Болезни бывают причинами преступлений, но еще чаще становятся их последствиями. Арестант, подавленный сознанием греха и телесно угнетенный строгим наказанием - ударами кнута, клеймами на лице, кандалами, голодом, всеми тяготами тюремной жизни, легко становится жертвой любой болезни... Посему необходимо понимать, что есть постоянная связь между преступлением, несчастием и болезнью. И добродетельные, благополучные, здоровые люди должны помнить об этой горестной связи. Необходимо справедливое, без напрасной жестокости отношение к виновному, деятельное сострадание к несчастному и призрение больных...».

Как пример христианской морали Ф.П.Гааза приводим рассказ А.И.Богомолова (Издание «Вознесение», Ржев) (правда, ссылки на первоисточник нет, но по орфографии он, по-видимому, давний).

«Доктор Гааз лечил одного купца. Купец был кутила, привыкший ко всевозможным безстыдным похождениям.

Над кроватью больного купца висела соблазнительная картина. От этой картины даже в болезни он глаз не мог оторвать. И что всего возмутительней, своей картиной купец забавлял гостей...

Болезнь протекала трудно; лечить купца приходилось усиленно. Однако он не забывал о своей картине, что и подметил Гааз.

В конце лечения Фёдор Петрович сказал как-то купцу:

— Продайте мне, пожалуйста, эту картину.

Купец не согласился. Гааз упрашивал. Больной твердил, что картина ему самому нужна...

Гааз всё просил. Тогда купец сердито сказал:

— Вот таковы-то вы все, святоши. Говорите постоянно о праведной жизни, а чуть запахло сальцем — от того места вас не оттащишь...

Гааз настойчиво повторял свою просьбу. Купец отрезал:

— Не продам и не продам. Кончен наш разговор.

— А как же вы, — деликатно заметил Гааз, — утверждали, что не знаете, чем от благодарить меня за лечение. Вот и продайте мне картину...

Купец разгорячился:

— Коли так, берите картину даром.

— Даром картину я не возьму. Я в состоянии заплатить за неё деньги.

Купец умышленно назначил за милую себе вещь высокую цену. Этим способом он думал отбить навязчивого покупателя. Но он обманулся. Гааз согласился заплатить за картину столько, сколько с него просили. Завтра же обещал он принести деньги.

В назначенное время картина была увезена. Купец «пропадал» от тоски. Он не знал, чем заполнить образовавшуюся вокруг него пустоту.

И решил он поехать к Фёдору Петровичу, чтобы ещё раз посмотреть на любимую картину.

Явился. Гааз ласково принял гостя. Сели чаёвничать. Разговорились по-дружески. В комнате топился камин...

Купец нервно посматривал по сторонам. Наконец он не выдержал и спросил:

— Фёдор Петрович, где же моя картина?

Гааз спокойно указал на камин:

— Здесь.

— Где?..

— В камине. Я сжёл её.

— Как?.. Зачем, почему сожгли?

Фёдор Петрович серьёзно сказал:

— Я сжёл картину потому, что она была заразой для людей. Вы не только сами упивались этой заразой, — вы других тащили к ней. А это похоже на то,

как если бы чуму вы прививали людям. Это преступление... Я и сжѐг картину, истребляя соблазн.

Помолчав, Фѐдор Петрович прибавил:

— Возмутительно, на что люди расходуют свои таланты. Бог одарил художника смыслом, искусством, — а он куда его направляет. Чтобы рисовать гадость, изукрашивать человеческие страсти, порок...

Такое «искусство» — поругание над Творцом. Оно же является глумлением над нами. Какое право имеет художник наталкивать нас на пошлые картины?..

— Стыдно и вам, друг мой, — грешно, непростительно!..»

Почти каждый вечер он был желанным гостем в каком-нибудь доме, вроде дома Елагиных, средоточии умственной жизни Москвы, который современники называли «Республикой у Красных Ворот». Федор Петрович наверняка знал (и его знали) братьев Киреевских, Хомякова, Чаадаева, Вяземского, Александра Ивановича Тургенева, зимой сорок шестого приехавшего в пересыльную тюрьму на Воробьевых горах с милостыней, там простудившегося, заболевшего и вскоре скончавшегося, и многих других.

Характерно, что Гааз никогда не призывал ликвидировать самодержавие и крепостничество, он не покушался на право власть имущих распоряжаться своей собственностью, он не претендовал на организацию нового идеологического движения. Он всего лишь(!) смиренно выполнял Христовы заповеди и всякий раз ставил перед собой конкретную исполнимую цель победить добром зло и не отступался, пока не удавалось ее осуществить.

Декабрьское восстание 1925 года в Петербурге вызвало, конечно, взволнованную общественную реакцию в Москве. Выражалась она, правда, главным образом в горячих спорах в светских гостиных. Доктор Гааз, частый и желанный гость в образованных московских кругах, не мог не высказывать своего отношения к событиям, которое сложилось у него еще во времена его студенческой молодости. Наилучшим образом это отношение выражено в

материалах, собранных Львом Копелевым.

«Фёдор Петрович сочувствовал юношам, пылко рассуждавшим о свободе. — О, я понимаю вас. Я помню хорошо, как было у нас, когда приходила французская армия. Я был отрок тринадцать-четырнадцать лет, я тоже кричал вив ля републик, аба ля тирании. Я тоже очень хотел эгалите, либертэ, фратернитэ. Но мой батюшка, очень добрый и очень умный аптекарь и мой очень добрый учитель, очень умный прелат объясняли: «Ты есть наивный глупый юнош, ты просишь свобода, но свобода всегда была, везде есть, свободу нам дал Спаситель Христос. Каждый человек может свободно решать: хорошее дело он хочет делать или дурное, доброе или злое. И равенство всегда было и есть, самое главное равенство перед небом. Великий аристократ и маленький поселянин суть равные, если они добродетельны, а хороший работник есть перед Богом более высокий человек, чем плохой король. И братство всегда было. И всегда может быть; надо лишь помнить уроки Спасителя, Нагорную проповедь, послания Апостолов. Каждый христианин есть брат всем людям. И совсем не надо делать ребеллион и революцион, надо отдать кесарю кесарево и послушно уважать государство, ибо каждая власть от Бога; и каждый человек может свободно делать добро и понимать, что все люди суть равные, поелику все люди — смертные, все грешат, все могут спастись, если просить помощь Христа. И надо быть братом всем людям...»

Кстати, сам Гааз написал книгу о Сократе, которую завещал издать своему другу и душеприказчику, доктору Полю. Увы, по неведомым причинам книга так и не увидела свет, а рукопись ее бесследно исчезла.

Время его московской жизни совпало периодом, когда московскую кафедру возглавлял митрополит Филарет (Дроздов) (1783-1867), причисленный

позже Русской православной церковью к лику святых. Образованнейший человек, блестящий риторик, богослов и отчасти поэт, ответивший Пушкину на его “Дар напрасный, дар случайный” назидательными строками: “Не напрасно, не случайно жизнь от Бога нам дана...” , принявший активное участие в переводе на русский Священного Писания. Филарету принадлежит выражение – «Престолы воздвигаются и падают, а алтари стоят».

Митрополит любил беседовать с образованным доктором-католиком, который был, чуть ли не единственным достойным оппонентом просвещённого владыки. Отношения этих людей друг с другом, их зачастую весьма острые беседы и дискуссии по самым разным вопросам милосердия являются важнейшим источником по истории становления социального служения Русской православной церкви. Оба имели схожие мнения о милосердии, оба способствовали облегчению быта осужденных. Так, стараниями обоих во дворе Московского тюремного замка (Бутырской тюрьмы) были высажены сибирские тополя, организованы мастерские, где работали заключенные – мебельные, обувные и т.п., камеры были переустроены так, чтобы находившиеся в них заключенные могли наблюдать за ходом церковной службы

**Митрополит московский Филарет
(Дроздов Василий Михайлович, 1783—
1867) - «московский златоуст»**

Нередко Гааз приходилось вступать в спор с председательствующим на тюремном комитете митрополитом Филаретом. Однажды, когда Гааз в очередной раз стал требовать пересмотра дела по его мнению невинно осужденного, Филарет прервал: «Вы все говорите о невинно осужденных, Федор Петрович, но таких нет, не бывает. Если уж суд подвергает каре, значит, была на подсудимом вина...». Владыка спокойно и внятно объяснял, что заботясь об одном больном, одном страждущем, нужно помнить о здоровых, которых он может заразить, а если болеет и страдает преступник, т.е. враг людей, опасный враг общества и государства, то, заботясь о нём, о его пользе, должно помнить о тех, кого он обокрал, ограбил или убил.

Гааз вскочил и поднял руки к потолку.

-«Владыка, что Вы говорите?! Вы о Христе забыли».

Сказать такое митрополиту было не слыхано. Но такова была сила этого необыкновенного человека, что Филарет замолчал на несколько секунд и произнес:

«Нет, Федор Петрович, не так. Я не забыл Христа... Но, когда я сейчас произнес поспешные слова..., то Христос обо мне забыл». Поднялся, благословил всех и вышел.

Следует помнить о том, что католик Фридриха Гааза всеми своими деяниями и христианской сущностью, сам не замечая, как бы стирал межконфессиональные различия.

Он имел друга — врача и химика Фердинанда Рейса, набожного лютеранина-евангелиста. Служил в тюремном комитете под председательством митрополита Филарета, очень сдержанно относившегося к инославным, как и все тогдашнее русское духовенство

В этой атмосфере, чтобы стать «святым доктором» для православных, католиков и протестантов, нужно было совершить экуменический подвиг свидетельства о Христе, в котором нет ни эллина, ни иудея, ни мусульманина.

Лев Копелев приводит шутливое высказывание Рейса о спорной конфессиональной принадлежности Гааза: «Право же, дорогой мой Гааз, если бы Папа узнал обо всём, что Вы тут себе позволяете, он бы Вас отлучил, экскоммуницировал».

В этом подвиг католика Гааза, еще в начале XIX века взявшего на себя ответственность за единство христианского духа.

Друг Гааза Фердинанд Рейс (Рейсс)

У Федора Петровича были выдающиеся дни по счастью, к числу которых относится 8 апреля 1829 г. и 8 мая 1845 г.

В первый из этих дней московский генерал-губернатор кн. Д. В. Голицын приехал в Покровские казармы по докладу Федора Петровича ознакомиться с процедурой заковывания арестантов на прут. Убедившись в справедливости доводов Гааза, он распорядился отменить этот способ заковывания, а взамен его употребить ножные кандалы. «Происшествие 8-го апреля, - пишет Гааз, - почитаю важнейшим и счастливейшим в моей жизни».

Покровские казармы – детище Павла I (фото 1910 г.)

Кандалы же, изобретенные «святым доктором» (те самые, что попали на решетку ограды надгробья), и через полвека после его смерти называли «газами» или «газовскими кандалами».

Начиная с 30-х годов 19-го века ими постепенно заменяли казенные кандалы, которые были в 1,5-2 раза тяжелей газовских, облегченных до трех фунтов.

Но особые муки доставляла арестантам укороченная, в поларшина, цепь. («вольный шаг» человека составляет один аршин – 0,711 м.) Пройти тысячекилометровыми этапами в кандалах с укороченных цепью – долгая, мучительная пытка. «Арестанты страдали ногами», сбивая их в кровь, – пишут современники Федора Петровича.

У газовских же кандалов цепь легко подвешивалась к поясу за среднее кольцо, была как раз в один аршин, имела округленные обоймы, а с 1836 года кандалы стали повсеместно обшиваться кожей. В таких кандалах можно было проходить большие расстояния не уставая, без травм и других неприятностей

РАССУЖДЕНИЯ О МЕДИЦИНЕ, ВРАЧЕВАНИИ, ЗДОРОВЬИ

Книга «Моя поездка на Александровские воды» содержит не только описание целебных свойств источников и чудесной природы, но и философические размышления Ф.П.Гааза о религии, политике, медицине, здоровьи, болезнях, врачах и врачевании.

Гааз понимает здоровье, как свойство организма сохранять постоянство и стабильность, заложенные в нем природой, а болезнь как жизненное состояние между здоровьем и смертью.

Впоследствии, Гааз всерьёз задумается над этим призывом, роли долга и совести в деятельности врача. Эти размышления оформились в определения медицины не столько науки, сколько социального христианского движения, инициатива которого принадлежала лекарю-иноземцу. «Жизнь, за которой она, медицина наблюдает - это источник, цель и направление всего, что существует, потому что жизнь, наукой о которой она является, есть сама сущность медицины, а другие науки - лишь приложения к ней». Называя медицину «наукой о жизни», Гааз считал важнейшим признаком выздоровления как раз здоровье духовное, нравственное исправление греховного пути, которое человек обретает во Христе. Человеколюбие и милосердие должны стать, по мысли Гааза, не только разовым актом вдруг ожившего сердца, но постоянным долгом каждого служащего. Человек, выбравший это служение должен принести себя в жертву так, как это сделал Христос. В письме князю Голицыну в 1839 г. он писал: «Я даже сделал правилом для своих подчинённых, служащих

комитета, что среди нас не должно произноситься слово «милосердие». Другие посещают заключённых из милосердия, творят милостыню из милосердия, хлопчут за них перед начальством и родными из милосердия, - мы же, члены и служащие комитета, принявшие на себя это бремя, делаем это из чувства долга». Такими довольно скупыми, отнюдь не богословскими, словами, Гааз чётко разделил, часто соединяемое в одном, явление. Признавая, что есть дела милосердия, понимаемые как естественная социальная забота, доктор Гааз, понимал милосердие как «милость сердечную». Такое понимание милосердия приходит к человеку только от Христа, а не от общества, ибо «милость сердечная» творится от избытка, когда человек не может этого не делать. В отсутствии этого избытка Гааза упрекнуть никак нельзя и здесь он, пожалуй, первый, кто его имел на месте своего служения.

Здоровье Гааз связывает, прежде всего, с добродетельным образом жизни : «Всякий человек получает от Бога здоровье, здоровую природу. И всякий человек должен разумно заботиться о своем здоровье, ибо оно есть подарок Всевышнего. Почему бывают болести? Есть разные болести: от плохая пища; от плохие напитки; от плохой воздух; от сильный холод или от сильный жар; от раны, кои наносит оружие, огонь, разные несчастные случаи; от сильное беспокойство или сильное утомление души и тела... Можно сказать: наше здоровье от неба, от Божественного разума, а наши болести - от земли, от человеческого неразумия...»

Гааз считает возможным естественный путь излечения от болезней силами самого организма. Он пишет: «Идея заболевания пассивна, это идея кабалы... и каждая функция организма стремится отразить атаку».

Он восторгается медициной: «...Медицина – это наука, изучающая соотношения между различными субстанциями естества и между различными

состояниями человеческого организма. Медицина – царица среди наук. Она царица не потому, что жизнь, о которой она заботится, - вещь столь прекрасная и ценная для людей, она царица потому, что здоровье человека составляет условие, без которого не бывает ничего великого и прекрасного в мире; потому что вообще жизнь, рассматриваемая медициной, есть начало, конец и образец всего; потому что жизнь есть сама сущность медицины – науки, для которой атрибутами, производными и различными ее отражениями являются все другие науки».

«Медицина - королева наук. И не только потому, что жизнь, о которой она заботится, столь прелестна и столь дорога людям (ведь бывают и такие люди, которые предпочитают своему здоровью совсем иные предметы), медицина - королева потому, что предмет ее забот - здоровье человека, а оно есть условие, без коего в мире не может свершиться ничего великого, ничего доброго; и потому, что жизнь, как таковая, есть источник, цель и смысл всего на свете; и, наконец, потому, что жизнь, которую изучает медицина, является содержанием всех других наук, ибо все они суть лишь атрибуты, эманации и отражения жизни... Медицина - самая трудная из наук. Не только вследствие бесконечного множества болезней, и не потому, что ей потребно множество других вспомогательных наук, но главным образом потому, что никакие элементы ни одной из ее проблем не могут быть точно рассчитаны, но всегда устанавливаются и расцениваются приближенно. И на это способен лишь гений, врач, коему помогает то, что я называю чутьем опыта и что есть одно из самых утонченных свойств, которые могут быть присущи людям» (с. XVII).

«Поэтому все болезни надо лечить разумно и уповая на Бога. Надо помнить все, что велит наука медицины, помнить все, что велит опыт, и надо иметь любовь. Настоящий доктор медицины должен быть настоящим христианин. Он должен любить всякий больной, и тогда он будет внимательно смотреть и понимать его болезнь. Будет понимать не только глазами, ушами, носом, пальцами, но будет понимать умом и сердцем. И еще он должен иметь разумение, как спасать здоровье... И лечить надо разумно и просто. Главные лекарства от всех болезней - спокойствие и чистота. Надо сначала делать хорошая теплая ванна, надевать чистая теплая нижняя одежда, потом лежать спокойно в чистая теплая постель, дышать чистый свежий воздух. И надо кушать чистая хорошая пища. И немного кушать - надо иметь спокойный желудок. Если болезнь от холода, если кашляние, сморкание, горячка в голове, болит горло или грудь, надо очень тепло укрываться, пить только теплая

водица, мед, малина и можно давать порошок от горячка. Если болесть в животе, надо делать теплый чистый клистир-фонтанель, надо очень мало кушать и только самая легкая кушанья: кашица, кисель - и тоже спокойно лежать в чистая постель и положить на живот мешочек с горячий песок и можно давать немношко микстур или порошок против сильная боль.

Но все лекарства надо вкушать мало и осторожно. Доктор должен смотреть очень внимательно. Были многие такие случаи: один больной пил микстур - сделался здоров; другой больной имел такая самая болесть, пил такой самый микстур - сделался хуже болен или даже умер. Мой покойный батюшка был очень хороший аптекар, мой покойный дедушка был очень хороший доктор - спасал многие люди. Они меня учили: давай быстро только простые хорошие лекарства, какие никогда не могут повредить, но только пользоваться - ромашка, мед, каломель, ремень... А хитрые лекарства давай медленно, давай мало и осторожно».

Врач в понимании Гааза - это человек, который «...делит со своим больным его беду, безропотно выполняя свой долг перед обществом».

Истинной ценностью всякого врача является «... готовность обратить все свои знания и средства на облегчение участи страждущих, великое желание и готовность пожертвовать собой ради этой цели».

«...Все больные отличаются друг от друга лишь разумом и счастьем в выборе того, кому доверяют заботу об их жизни».

«...Врач среди ученых – то же, что человек среди творений природы».

«...Мы не признаем представителями этого священного искусства продажных личностей, которые гнусно нарушают свой долг и в равной мере жертвуют здоровьем больных ради своего тщеславия и алчности и своею честью – ради оскорбительных капризов хорошо чувствующих себя больных».

О лекарствах Гааз замечает «...Никакая вещь не может быть целительна сама по себе, любая вещь может стать таковою в зависимости от способа употребления ее организмом; любой медикамент может оказаться ядом при

определенных состояниях организма и при определенных способах его употребления».

В 1818 г. издательство Московского университета опубликовало написанную на немецком монографию Ф.П. Гааза по диагностике крупы («Beiträge Zuden Zlichen des Group»).

Сторонник активной профилактики, Гааз постоянно пропагандировал прививки против оспы.

Наряду со всеми московскими медиками Федор Петрович и в 1830, и в 1939, и в 1847-48 гг. участвовал в ликвидации эпидемий холеры, упрямо доказывая всем, что заражение ею происходит не контактным путем, а через питьевую воду и пищевые продукты.

В 1839 г. во время очень сильной эпидемии холеры, когда при Московской медицинской конторе был создан Временный медицинский совет, Московская временная карантинная комиссия выпустила рекомендации, составленные именитыми московскими врачами – Ф.П.Гаазом, И.Е.Дядьковским, М.Я.Мудровым, Е.О.Мухиным.

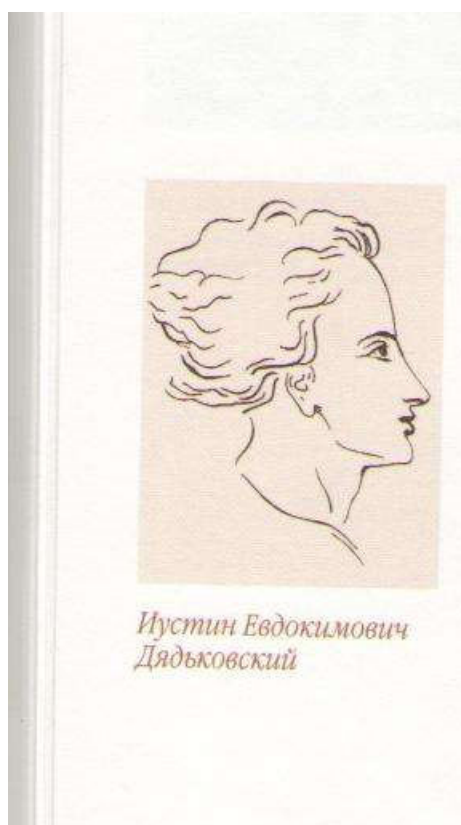
Московская карантинная комиссия по борьбе с холерой

Матвей Яковлевич Мудров

Ефрем Осипович Мухин

Христиан Иванович Лодер

А.Ф.Кони указывает: «В 1848 г., когда свирепствовавшая в Москве холера наводила панику не только на население, но и на врачей, и считалась

заразительною даже от простого прикосновения, он старался словом и делом рассеять этот страх. Чтобы доказать незаразительность холеры, он несколько раз садился в ванну, из которой только что вынули холерного больного, обнимал, целовал больных холерой. Гааз был очень популярен и любим в народе, народ безоговорочно верил ему».

Как бы то ни было, начавшаяся эпидемия холеры спасла Гааза от расправы и высылки из города, которой грозил ему московский полицмейстер

Во время эпидемии Москве не хватало врачей – в городе их имелось 217 служащих и 75 вольнопрактикующих, а количество заболевших доходило до 5 тысяч в месяц. Как это часто бывает на Руси, народный гнев оборачивался против врачей «...начальство и лекари напускают холеру».

Полицмейстер (по другим источникам министр внутренних дел граф Закревский) просит «добрейшего почтеннейшего доктора успокоить простолюдинов...» и при разъездах по Москве останавливаться в местах скопления народа и успокаивать людей. Летом 1848 г. часто можно было видеть в городе высокого, большого старика в старомодной одежде, вставшего в пролетке и говорящего собравшемуся вокруг народу. Народ с доверием слушал своего любимого доктора, верил ему и успокаивался.

Министр внутренних дел А.А.Закревский

С именем Гааза связана история Старо-Екатерининской больницы (ныне Миосковский областной научный клинический институт им. Владимирского), названной по имени основательницы ее императрицы Екатерины Второй. В малонаселенной окраине близ Крестовской заставы еще в феврале 1772 года был открыт один из городских чумных карантин. В его деревянных зданиях на Мещанской улице (ныне ул. Щепкина, 61/2). и разместили 19 июня 1776 года эту больницу на 150 коек. Сразу по открытии освятили первую больничную домовую церковь во имя иконы Божией Матери "Всех Скорбящих Радость", тоже деревянную, только в 1899 году ее перестроили каменной, с шатром.

В 1835 году она была отдана под арестантскую больницу Бутырской тюрьмы, и ее стал навещать Ф.П. Гааз, однако в 1841 году в Москве разразилась очередной эпидемии холеры в больницу стали поступать больные из работных домов и беднейшие жители города и уже в 1843 году она получила официальный статус "больницы для чернорабочих".

По другим сведениям, в 1840 году губернатор Сенявин предложил Гаазу занять место главного доктора Екатерининской больницы. Федор Петрович отклоняет это предложение, «чувствуя себя не в состоянии оному удовлетворить». Затем с тою же просьбой обратился к нему московский генерал-губернатор князь А. Г. Щербатов. По этому поводу Гааз пишет: «столь величайшая честь не могла преодолеть глубокую сознательность о несовершенствах моих и мое твердое намерение не увлекаться никакими земными похотениями».

**Князь
ЩЕРБАТОВ**
Алексей Григорьевич
1777 - 1848

**Исправляющий должность московского военного генерал-губернатора
6 июня 1843 - 14 апреля 1844,
московский военный генерал-губернатор
14 апреля 1844 - 6 мая 1848**

Однако Гааз должен был уступить настояниям кн. Щербатова. Заняв место главного доктора, он энергично принимается за переустройство этой, в то время очень запущенной, больницы. Прежде всего озабочивается устройством в этом учреждении водопровода. Окончив это сооружение, Гааз ходатайствует перед генерал-губернатором о возврате 1500 руб., израсходованных им, причем добавляет: «на это дело я употребил все свои средства, и мне трудно далее заимствоваться деньгами у других». Затем он производит ремонтные работы и планировку двора больницы, за всеми постройками следя сам и производя их хозяйственным способом.

Желая устранить столь обычные в то время грандиозные злоупотребления при постройках, он в 1842 году ходатайствует, чтобы

предстоящие в больнице постройки были отданы ему в виде подрядчика, ибо, пишет Гааз, «я подчиняю себя всем обязанностям подрядчика».

Желая формально обеспечить за собой право производить постройку, он просит в 1843 году генерал-губернатора отдать перестройку деревянного барака ему и «с понижением восьми рублей серебром против цены, заявленной подрядчиками при переторжке». Этот ремонт был произведен Гаазом очень успешно. Им были устроены согласно современным требованиям новые ванны, шкаф для серных ванн, души и дождевые ванны.

На постройки, ремонтные работы, также на дела благотворительности Гааз тратил, кроме отпускаемых в его распоряжение сумм, свои собственные средства, а также деньги, получаемые от своих добрых друзей; поэтому нам нетрудно понять причину его недоумения, высказанного в следующих словах его духовного завещания: «я часто удивлялся, что, приобретая иногда деньги, имевши тогда практику, не расходуя на себя ничего особенного, я все находил себя без денег».

Состоя главным доктором Екатерининской больницы, Федор Петрович озабочивается устройством особого лечебного заведения, в коем могли бы найти приют больные, не имеющие возможности по каким-либо причинам попасть в другие больницы.

Прошение о ее новом профилировании было подано на том основании, что немногочисленные городские больницы и отделения для простого народа переполнены, и неимущие больные рабочие, "не находя себе здесь приюта", уходят из Москвы в свои селения и умирают по дороге, т.к. они в основном были выходцами из деревень и малых городов.

Скорбященская («Всех скорбящих радости») церковь при Старо-Екатерининской больнице в Москве (ныне Московский областной научно-клинический институт им. Владимирского)

С переводом арестантов в новую клинику Старо-Екатерининская окончательно стала городской больницей для чернорабочих, и во второй половине XIX века были выстроены ее новые кирпичные корпуса.

Полностью бесплатной она не была. За больницу власти установили сбор по 70 копеек серебром в год с каждого чернорабочего, к коим относились мастеровые, фабричные, ремесленные, мануфактурные рабочие, землекопы, каменщики, печники, извозчики и даже лакеи. Это подобие "медицинского страхования" было введено одновременно с получением вида на жительство - или, выражаясь современным языком, московской регистрации для иногородних, приехавших в Москву на заработки. Каждый прибывший в Москву должен был явиться в контору адресов с паспортом, внести плату в 70 копеек за "гарантированное" медицинское обслуживание и получить "адресный билет" - без платы можно было получить такую регистрацию только на один месяц. И хотя позднее плата поднялась до рубля, а потом и до рубля с

четвертью, средств все равно не хватало: разница между доходами от уплаты больничного сбора и расходами по содержанию больницы составляла в 150 тысяч рублей, которую покрывал город из своего бюджета.

Однако нуждавшихся в больнице было множество, чему способствовала отмена крепостного права, когда в Москву хлынул поток наемной рабочей силы из деревень и провинциальных городов. Старо-Екатерининская клиника даже открывала свои филиалы, которые затем обратились в самостоятельные городские больницы - такие, как Яузская и Басманная.

ШТАДТ-ФИЗИКУС МОСКОВСКОЙ МЕДИЦИНСКОЙ КОНТОРЫ

В начале 1825г. московский генерал-губернатор князь Д.В.Голицын поручил Ф.П. Гаазу и известнейшему по тем временам терапевту А.И.Полу борьбу со свирепствовавшим в тюрьме тифом. Опытнейшие врачи приняли решение прежде всего изолировать заболевших, для чего развернули временную больницу в Покровских казармах, и вскорости эпидемия прекратилась.

Князь Голицын, оценив высокие организационные способности Гааза, предложил ему принять звание штатт-физика Москвы.

**Князь
ГОЛИЦЫН
Дмитрий Владимирович
1771 - 1844
Московский военный генерал-губернатор
6 января 1820 - 27 марта 1844**

Назначение произошло 14 августа 1825 г., и Ф.П.Гааз активно включился в новое для него дело, с утра до позднего вечера разъезжая по московским больницам, консультируя больных и помогая коллегам.

Гааз писал о необходимости всеобщего оспопрививания, получив, однако официальный ответ, что его «...записка отправлена по принадлежности» и, что «...уже существуют надлежащие законные постановления».

Сердобольного правдолюбца штадт-физика возмутило, что еще за 10 лет до его вступления в должность, в 1815г., в Екатерининской больнице было упразднено 50 кроватей для помещичьих людей (крепостных), так как владельцы их отказались платить за каждую по 5 руб. в месяц ассигнациями (немалые деньги по тем временам! – авт.), и в итоге с 1822 по 1825 г. было в

приеме отказано 2774 больным, некоторые из которых были оставлены на улице и там скончались.

Ссылаясь на увеличение средств Приказа общественного здравия, Гааз просил о восстановлении упраздненных кроватей. Ему опять ответили, что его «...прошение будет доведено до сведения по принадлежности». И опять никакого результата. Не правда ли, читатель, мало что не изменилось?

Гааз первым в истории Москвы поставил вопрос об организации в скорой медицинской помощи.

В 1825 г. согласно полицейским сведениям в Москве было зарегистрировано 176 случаев скоропостижно умерших.

Полагая, что большинство из них умерло от несвоевременной помощи или даже полного ее отсутствия, Гааз просил Медицинскую контору об учреждении в городе особого врача для наблюдения за организацией попечения о внезапно заболевших и нуждающихся в немедленной помощи.

Такая помощь существовала с 1808 г. в Гамбурге и за 18 лет благодаря ей было спасено 1677 жизней из 1794 близких к скоропостижной смерти.

Но Медицинская контора ответила, что мера эта излишняя и бесполезная, так как при каждой полицейской части города уже есть положенный по штату лекарь.

Предлагая упорядочить продажу «секретных» средств для лечения больных и облегчить возможность повседневного использования, Гааз также получил ответ, что по этому вопросу «...существуют уже надлежащие и достаточные законоположения».

Обследовав состояние дел в Преображенской больнице для душевнобольных, Гааз требовал изменить порядок их освидетельствования, когда вопрос о лишении дееспособности принимался «первейшими лицами губернского правительства» только по представлению полиции. Он полагал,

что необходимо предварительное обследование больных врачом, получение сведений от родных об их жизни, характере и признаках болезни и т.д.

Екатерининский богадельный дом на Стромынке.

Рядом с богадельней - строения (ул. Матросская Тишина, N 20) Преображенской больницы, старейшего в Москве учреждения, предназначенного для лечения душевнобольных, за гуманное отношение к которым хлопотал Гааз.

Все эти предложения Гааза обычно не принимались.

А.Ф. Кони пишет: «...канцелярская трясина засасывала почти каждое мнение или начинание беспокойного штатт-физика, отвечая на них своего рода указаниями – вроде занесенного в протокол замечания инспектора медицинской

конторы Добронравова о том, что «...конторе неизвестно, какими путями достиг, будучи иноземцем, доктор Гааз чинов».

Объяснив официальным письмом на имя инспектора, что еще 1-го марта 1811 года императрица Мария Феодоровна уведомила рескриптом главного директора Павловской больницы, что, «уважая искусство и рвение доктора Гааза, она испросила у Императора, Любезнейшего своего Сына, пожалование ему чина надворного советника, в ожидании, что он поощрится к усугублению ревностного своего старания», - Гааз прибавляет: «...с тех пор, уже 16 лет, я посвятил все свои силы на служение страждущему человечеству в России и если через сие не приобрел некоторым образом права на усыновление, как предполагает г. инспектор, говоря, что я иноземец, то я буду весьма несчастлив...».

В 1826 году его направляют на борьбу с эпидемической глазной болезнью.

В конце 1826 года московский комендант доносил генерал-губернатору, что развившаяся с необычайной силой в московском отделении для кантонистов эпидемическая глазная болезнь прекращена лишь благодаря энергии и знаниям нарочито приглашенного известного специалиста доктора Гааза.

Тверская улица в районе Гаазовской глазной больницы

Но чудес не бывает.

Власти травили иноземца.

27-го июля 1826 г. патриот полицмейстер Москвы Добронравов получил полное удовлетворение, иноземец Гааз оставил должность штатд-физика города Москвы.

Людям энергичным и чего-то добившимся всегда хватает завистников и недоброжелателей.

А мало ли найдется порядочных людей, которых бы не грызли завистники, нередко с помощью властных структур?

Появилось «Дело о растрате...», суть которого заключалась в следующем.

В запасной московской аптеке оказался испорченным от сырости большой запас ценного медикамента ревеня.

С разрешения генерал-губернатора Гааз сделал ремонт аптеки, стоивший 1502 руб. и сверх этой сметы устроил на верхних этажах сухое помещение для хранения ревеня и чуланчики при помещении служащих.

Из-за этого случая враги Гааза возбудили переписку «...о незаконном израсходовании бывшим штатд-физиком Гаазом 1502 рублей».

И хотя обустройство этого сверхсметного помещения Гааз письменно обещал компенсировать из собственных средств, если эти расходы не будут утверждены начальством, переписка по этому поводу тем не менее длилась целых 19 лет.

В итоге его действия были признаны совершенно правильными.

Оставив должность штатд-физика, Федор Петрович вновь вернулся к повседневным занятиям своей любимой практикой.

В конце 1826 г. московский комендант доносит генерал-губернатору, что «...развившаяся с чрезвычайною силой в московском отделении для кантонистов эпидемическая глазная болезнь прекращена лишь благодаря энергии и знаниям нарочито приглашенного известного специалиста доктора Гааза».

ГЛАВНЫЙ ВРАЧ МОСКОВСКИХ ТЮРЕМ,

ВЕЛИКИЙ ФИЛАНТРОП

24 января 1828 г. по представлению и настоянию московского генерал-губернатора князя Дмитрия Владимировича Голицина был учрежден в Московский губернский тюремный комитет.

А.Ф.Кони пишет о Голицине: «Правнук воспитателя Петра Великого, сын замечательной по своему образованию и характеру дочери графа Чернышева, прошедший свою юность в Париже, среди избранного французского общества, блиставшего тем возбуждением, которое предшествовало началу революции, - слушатель в нескольких германских университетах, отважный в боях, независимый и не нуждавшийся ни в средствах, ни в службе, - прямодушно преданный без искательства, - властный без ненужного проявления власти, - неизменно вежливый, приветливый и снисходительный, екатерининский вельможа по приемам, передовой человек своего времени по идеям, - князь Д.В. Голицын пользовался полным доверием императора Николая и нежною любовью москвичей. Он не мог не откликнуться на человеколюбивые планы Венинга и вся первоначальная организация московского комитета есть дело его рук, в самом буквальном смысле слова. Ряд постановлений и инструкций написано им лично; на множестве журналов комитета и на разных записках, туда представленных, есть масса его пометок, рассуждений, резолюций. Он входил во все, во все мелочи, излагая свои мнения, предложения и сомнения прекрасным, точным языком, - красивым, беглым, немного женским почерком. Нельзя не удивляться энергии и умению находить время для занятия новым делом человека, по условиям своего звания державшего в руках бразды правления «сердцем России», которое в это время, воспрянув после наполеоновского погрома, билось со всею полнотою и силою обновленной жизни».

29 декабря 1828 г. комитет был торжественно открыт князем Голицыным, произнесшим при этом: «...Давно чувствовал я, милостивые государи, необходимость лучшего устройства тюремных заведений в здешней

столице посредством попечительного комитета, но разные обстоятельства не позволяли мне того исполнить... С помощью Божьей приступая к открытию сего комитета, я в душе моей уверен, что от соединения взаимных трудов и усилий наших произойдут плоды вожделеннейшие, не только в отношении к обществу и нравственности, но и в отношении к самой религии, и что, может быть, мы будем столь счастливы, что найдем между заключенными в тюрьмах и таких, которые оправдают нашим попечением об них ту великую истину, что и злейшие из преступников никогда не безнадежны к исправлению...».

И далее А.Ф. Кони пишет: «Голицыным был лишь дан толчок, была указана возвышенная задача, - но задача эта могла оказаться неисполнимою и тщетною, если бы не нашелся человек, посвятивший ей свою жизнь, начавший биться как сердце нового учреждения, давая чувствовать свои толчки во всех артериях его сложного организма.

Человек этот был Федор Петрович Гааз».

Нужно отметить, что князю Голицыну пришлось делать весьма трудный выбор, ведь в состав комитета предполагались такие именитые и авторитетные в Москве врачи как М.Я.Мудров, Х.И.Лодер, Ф.Я.Рейс и А.И.Поль.

Князь Голицын угадал и почувствовал в Гаазе именно того человека, который силой своей всеобъемлющей любви, доброты, мудрости, непоколебимой веры может выполнить задачу, возложенную на тюремный комитет. Гааз сразу же ответил согласием: «Просто и полностью отдаюсь призванию члена тюремного комитета», тем более, что в числе членов образованного Комитета были два его друга и постоянные его сотрудники по общественной деятельности - проф. Поль и доктор Броссе.

И введенный в состав губернского «Попечительного о тюрьмах комитета», Гааз был назначен на должность главного врача московских тюрем.

С большой ответственностью и чувством истинного человеколюбия взялся Гааз за возложенное на него дело.

Кони пишет: «Он не понимал, что значит «уступчивость», когда требование предъявляется не во имя своего личного дела.

2-го апреля 1829 года, ссылаясь на свое звание доктора медицины, он настойчиво просил князя Голицына уполномочить его свидетельствовать состояние здоровья всех находящихся в Москве арестантов и подчинить ему в этом отношении полицейских врачей, с негодованием излагая в особой записке нравственную тягость своего положения в пересыльной тюрьме. Он рассказывал, как был отправлен с партией «старик-американец, имеющий вид весьма доброго человека», привезенный некогда в Одессу дюком де-Ришелье, и задержанный в Радзивиллове «за безписьменность», так как он не мог доказать своего звания, - отправлен с отмороженной ногою, от которой отвалились пальцы, - при полном невнимании к просьбам Гааза задержать его на некоторое время для излечения ноги и собрания о нем справок».

«Мне оставалось лишь, - пишет Гааз, - постараться истолковать ему причину его ссылки и ободрить его насчет его болезни, причем я имел счастье несколько его утешить и помирить с нерадивым о нем попечением».

Он рассказывал далее, как, несмотря на все его просьбы и даже на данное полицейским врачом обещание, писаря внутренней стражи «сыграли с ним штуку» и устроили отправку в Сибирь арестанта, зараженного венерической болезнью.

«Итак, - пишет Гааз, - сей несчастный отправился распространять свой ужасный недуг в отдаленные края, а я и полицейский врач вернулись домой, имея вид внутреннего спокойствия, как будто мы исполнили наш долг, и не более боимся Бога, как сих несчастных невольников; но все беды, которые будет распространять сей жалкий больной, будут вписаны – на счет московского попечительного о тюрьмах общества – в книгу, по коей будет судиться мир»!

С 1830 по 1835 г. Гааз был секретарем тюремного комитета.

«...Нужно внимать нуждам людей, заботиться о них, не бояться труда, помогая им советом и делом, словом любить их, причем чем чаще проявлять эту любовь, тем сильнее она будет становиться, подобно тому как сила магнита сохраняется и увеличивается от того, что он непрерывно находится в действии», - говорил он.

Гааза поражало небрежное, бездушное отношение к недугам арестантов, к их человеческим, душевным потребностям. На здоровье не обращается внимания, в пересыльной тюрьме от них стараются как можно скорее отделаться и отправить их по этапу, указывал Гааз.

Положение арестантов и в те времена было ужасающим.

Лишенные элементарной медицинской помощи, люди содержались в условиях не только полного отсутствия правил гигиены, но и к.-л. гуманного отношения. Ставшие изгоями общества, они погибали и от эпидемических заболеваний и от голода.

Тюрьмы России, многие из которых сохранились до нашего времени и служат тем же целям, представляли собой мрачные сырые почти лишенные

чистого воздуха помещения, часто с земляным или гнилым деревянным полом ниже уровня земли, битком набитые осужденными или подследственными.

Приводим описание А.Ф.Кони: «...Свет проникает в них сквозь узкие, наравне с поверхностью почвы, покрытые грязью и плесенью и никогда не открывающиеся окна, - если же стекло в оконной раме случайно выбито, оно по годам не вставляется и через него вторгаются непогода и мороз, а иногда стекает и уличная грязь. Нет ни отхожих мест, ни устройств для умывания лица и рук, ни кроватей, ни даже нар. Все спят вповалку на полу, подстилая свои кишацие насекомыми лохмотья, везде ставится на ночь «параша». В двух обыкновенного размера комнатах тюрьмы содержится сто человек так, что только небольшая их часть после ссор и пререканий может ночью прилечь в невообразимой тесноте. В комнатах, устроенных для тесного помещения пятидесяти человек, содержалось до двухсот, не имевших никакой возможности лечь. В этих местах, предназначенных при их учреждении, для возможного исправления и смягчения нравов нарушителей закона, широко и невозбранно царили: разврат, нагота, холод, голод и мучительство.

Плохо прикрыто и тело колодников. В плохо и даже вовсе не отапливаемых тюремных помещениях в суровые зимы очень холодно, причем холод этот на женской половине, где меньше скученности, доходит до того, что матери, упросив надзирателей, посылают по ночам своих детей, без различия пола и возраста, отогреваться на мужскую половину. Тут и варят пищу, тут и валяются заразительные больные...».

«Неоднократные законодательные распоряжения Екатерины II и Александра I, - пишет Кони, - об улучшении тюрем оставались лишь на бумаге, не проникая в жизнь».

«Дети, взрослые, старики, здоровые и больные, лица, лишь заподозренные в преступлении или виновные в полицейских нарушениях, сидели вместе с настоящими преступниками, отъявленными негодьями, убийцами».

Прескверное питание и полуголодное существование заключенных было особой заботой Гааза. Когда в 1847 и в 1848 гг. вышло распоряжение об уменьшении на одну пятую пищевого довольствия заключенных, Гааз «для улучшения пищи содержащихся в пересыльном замке» собственноручно внес в комитет в разное время до 11 000 руб. серебром от «неизвестной благотворительной особы».

А.Ф.Кони пишет: «Гааз принялся за дело ретиво, по несколько раз в день приезжал на работы, платил рабочим свои деньги, чтобы они не бросали некоторых работ и в праздники, после обедни; лазил по лесам, рисовал, рассчитывал, спорил, - и в половине 1833 года часть тюремного замка приняла не только приличный, но и образцовый по тому времени вид. Чистые, светлые камеры с нарами, которые поднимались днем, с окнами втрое шире прежних, были выкрашены масляною краскою; были устроены ночные ретирады и умывальники, вырыт на дворе собственный колодец и внутри двора посажены сибирские тополи, по два в ряд «для освежения воздуха».

Так образовался, к негодованию некоторых лиц, устроенный Гаазом, как они говорили, «приют, не только изобильный, но даже роскошный и с прихотями, избыточно филантропией преступникам доставляемыми».

С не меньшим отвращением российские «просвещенные» люди относились и к другим «неприличным затеям» доктора Гааза. Таким, скажем, как устройство канализации, водопровода, иноземных «ретирад» (вместо отечественных параш-нужников) и умывальников. Борьбой с российской вонью Гааз занимался с того самого момента, как оказался в России.

В каждом заведении (тюрем, больнице, конторе), куда он попадал, Гааз занимался борьбой с российской вонью.

К члену Московского тюремного комитета, известному архитектору академику Быковскому доктор Гааз обращался неоднократно по поводу замены больничных и тюремных параш «ретирадами». На просьбу о содействии

академик, не удостоив Федора Петровича официальным ответом, устно передал Гаазу, что полагает неприличным для интеллигентного человека заниматься устройством отправления естественных надобностей больных, больничных служащих и, тем более, арестантов.

В довершение «роскоши» этого приюта, при нем были устроены Гаазом, принявшим на себя звание директора работ, мастерские, и в них, при его посредстве, постепенно, к июню 1834 года, заведены для арестантов переплетные, сапожные и портняжные работы, а также плетение лаптей.

Гааз понимал, что преступник, предоставленный в тюрьме самому себе, не занятый работой и не поддерживаемый добрым словом или умной и назидательной книгой, не может исправляться и становиться лучше; наоборот, он, пожалуй, еще больше портится и развращается.

В 1836 году, по мысли Гааза и члена тюремного комитета Львова на собранные пожертвования при пересыльной тюрьме была устроена школа для арестантских детей. Гааз часто посещал ее, ласкал детей, сам экзаменовал их.

Большая пересыльная тюрьма располагалась на Воробьевых горах, туда принимали арестантов из северных, северо-западных, западных и многих центральных губерний. Сюда же присылались с востока и юга беглые крестьяне, а отсюда уходили все партии в Сибирь на каторжные работы и поселение.

«Через московскую пересыльную тюрьму шли арестанты, ссылаемые из 24 губерний, - пишет А.Ф. Кони, - и число их никогда не было менее 6 000 человек в год».

Федор Петрович сам осматривал всех новопривывших и тех, кого собирали в этап.

«Можно без преувеличения сказать, - пишет Кони, - что полжизни проведено им в посещениях пересыльной тюрьмы, в мыслях и в переписке о ней».

«По-прежнему «божий человек» ездит в пересыльную тюрьму на Воробьевы горы, - пишет Кони, - осматривает арестантов, лечит их и по мере сил отстаивает интересы каждого.

19-летнего Степанова задерживает на две недели вследствие «тяжелой усталости» сопровождающей его старухи-матери, арестанта Гарфункеля дважды оставляет по его убедительной просьбе, основанной на уверенности, что за ним непременно идет по этапу жена.

Отношение к Гаазу со стороны чиновников оставляет желать лучшего, но он непреклонен: «Несмотря на унижения, коим я подвержен, несмотря на обхождение со мною, лишаящее меня уважения даже моих подчиненных, и, чувствуя, что я остался один без всякой приятельской связи или подкрепления, я тем не менее считаю, что покуда я состою членом комитета, уполномоченным по этому званию волею Государя посещать все тюрьмы Москвы, - мне никто не может воспретить отправляться в пересыльный замок в момент отсылки арестантов, и я продолжаю, и буду продолжать там бывать всякий раз, как и прежде»...

Попасть в эту пересыльную тюрьму было счастьем: «У Гааза нет отказа».

По инициативе Гааза рядом с пересыльной тюрьмой на Воробьевых горах была воздвигнута Троицкая православная церковь. Он хотел, чтобы арестанты были как-то приписаны к этой церкви, имели возможность посещать богослужения и «окормляться» у ее священников.

Храм Троицы живородящей на Воробьевых горах

Арестанты относились к доктору с чрезвычайным почтением.

В своем проникновенном очерке о Гаазе А.Ф.Кони пишет: «Он входил всегда один в камеры «опасных» арестантов – с клеймами на лице, наказанных плетью и приговоренных в рудники без срока, - оставался там подолгу наедине с ними, и не было ни одного случая, чтобы мало-мальски грубое слово вырвалось у ожесточенного и «пропащего» человека против Федора Петровича».

Во все времена российской пенитенциарной системе (в российской версии - уголовно-наказательной, хотя по латыни слово «penitentia» означает «раскаяние») была свойственна жестокость и попрание человеческого достоинства, зачастую совершенно не соответствующие тяжести совершенного преступления.

Собранная в пересыльной тюрьме партия ссыльных заковывалась в кандалы и их как бы нанизывали на железный прут по 8-10 человек.

Вот как описывает страдания этих людей А.Ф.Кони: «...4-го апреля 1824 года, по распоряжению начальника главного штаба Дибича (истинного служачи, героя французской кампании, участника битвы при Бородино, сообщившего императору Николаю I время начала восстания декабристов - авт.), введены были, в виде перенимания западного опыта, особые ручные прутья («прут Дибича») для ссыльных, отправляемых в Сибирь через Казанскую, Пермскую и Оренбургскую губернии, а 12 мая следующего года, вследствие представления командира внутренней стражи графа Комаровского, прут был признан общим способом для препровождения арестантов всех наименований, кроме каторжных, по этапу. На толстый аршинный железный прут с ушком надевалось от восьми до десяти запястьев (наручней) и затем в ушко вдевался замок, а в каждое запястье заключалась рука арестанта. Ключ от замка клался, вместе с другими, в висевшую на груди конвойного унтер-офицера сумку, которая обертывалась тесемкою и запечатывалась начальником этапного пункта. Распечатывать ее в дороге не дозволялось. Нанизанные на прут люди – ссыльные, пересылаемые помещиками, утратившие паспорт и т.д., связанные таким образом вместе, отправлялись в путь рядом с каторжными, которые шли в одиночку, ибо были закованы в ручные и ножные кандалы... Прут соединял людей, совершенно иногда различных по возрасту (бывали дряхлые старики, бывали дети), росту, походке, здоровью и силам. Не менее различны бывали эти соединяемые между собою и по своему нравственному складу и по тому, что привело их к общему пруту. Прут убивал всякую индивидуальность, возможную даже в условиях этапного пути; он насильственно связывал людей, обыкновенно друг другу чужих, часто ненавистных. Неизбежные свидетели и слушатели всего, что делают и говорят случайные товарищи, нанизанные на прут ссыльные сбивались с ноги, не попевали друг за другом, слабые тяготили сильных, крепкие негодовали на немощных. Топочась около прута, наступая друг на друга, натирая затекавшие

руки наручнями, железо которых невыносимо накалялось под лучами степного солнца и ледянило зимою, причиняя раны и отморожения, ссыльные не были спускаемы с прута и на этапном пункте, без крайней к тому нужды. Эта нужда наступала лишь, если товарищи по пруту приволокли с собою умирающего или тяжело больного, на которого брань, проклятия и даже побои спутников уже не действуют ободряющим образом. Иначе все остаются на пруте, спят прикованные к нему и при отправлении естественной нужды каждого присутствуют все остальные... Можно себе представить, сколько поводов для ссор, для драк даже, подавало такое насильственное сообщество. И так двигались на пруте по России и по бесконечному сибирскому тракту много лет тысячи людей, разъединенных своею нравственною и физическую природою, но сливавшихся в одном общем чувстве бессильного озлобления и отчаяния... ».

Авторы «прута Дибича»

Начальник генерального штаба граф И.И.Дибич

Командир внутренней стражи граф Е.Ф.Комаровский

Гааз, поддерживаемый московским генерал-губернатором князем Голицыным, в течение длительного времени вел томительную переписку о необходимости отмены прута, направив первое послание в тюремный комитет 27 апреля 1829 года.

А.Ф.Кони пишет: «Принявшись горячо за исполнение обязанностей директора комитета и получив под свое наблюдение, между прочим, и пересыльную тюрьму, Гааз сразу пришел в соприкосновение со всею массою пересылаемых, и картина их физических и нравственных страданий, далеко выходящих за пределы установленной законом даже и для осужденных кары, предстала ему во всей своей яркости. Прежде всего, как и следовало ожидать, его поразило препровождение ссыльных на пруте. Он увидел, что тягости пути обратно пропорциональны признанной судом вине ссылаемых, ибо в то время, когда важнейшие преступники, отправляемые на каторгу, свободно шли в ножных кандалах, подвешивая их к поясу за среднее кольцо, соединявшее ножные обоймы цепи, - менее важные, шедшие на поселение, нанизанные на прут, стесненные во всех своих движениях и естественных потребностях, претерпевали в пути всевозможные муки и были лишены всякого отдыха при остановке на полуэтапах вследствие лишения единственного утешения узника – спокойного сна. Он услышал слезные мольбы ссыльнопоселенцев, просивших как благодеяния обращения с ними как с каторжными. Он нашел также прикованными к пруту не одних осужденных, но и препровождаемых «под присмотром», то есть пересылаемых административно на место приписки или жительства, просрочивших паспорта, пленных горцев и заложников, отправляемых на водворение в северные губернии, беглых кантонистов, женщин и малолетних и вообще массу людей, шедших, согласно оригинальному народному выражению, «по невродии» (то есть, говоря словами закона, «не в роде арестантов»). Он нашел также между ними не только

ссылаемых в Сибирь по воле помещиков, но даже и препровождаемых на счет владельцев принадлежащих им людей из столиц и других городов до их имений, то есть, вернее, до городов тех уездов, где состояли имения, причем внутренняя стража вела и их «в ручных укреплениях».

«Я открыл, - пишет Гааз комитету в 1833 году, - в диалектике начальников внутренней стражи изречение «иметь присмотр», которое в переводе на простой язык конвойных значит «ковать и содержать как последних арестантов», а по толкованию самих арестантов значит «заковывать еще строже, чем каторжных...».

Сообщение московского генерал-губернатора министру внутренних дел Закревскому о невозможности применять прут к препровождению арестантов, ибо «...сей образ пересылки крайне изнурителен для сих несчастных, так что превосходит самую меру возможного терпения», сразу оскорбило несколько самолюбий. Закревскому не могло нравиться, что московский генерал-губернатор возбуждает общий вопрос, не имеющий прямого отношения к Москве, и таким образом как бы указывает министру внутренних дел на недосмотры и непорядки в области его исключительного ведения. С другой стороны, заведование арестантами во время пути лежало на чинах отдельного корпуса внутренней стражи, находившегося под высшим начальством военного министра графа Чернышова, которому не по душе были не только вмешательства князя Голицына в действия этапных команд при пересылке арестантов, но и сам князь Голицын, представлявший как личность так мало с ним сходства. Наконец, был еще человек, выступивший передовым и упорным бойцом против Голицына и Гааза. Это был генерал Капцевич, командир отдельного корпуса внутренней стражи.

Уменьшено до 68%

Чернышев Александр Иванович

*Гравюра П.Райта по оригиналу Д.Дюу
(Из собрания Государственного Эрмитажа)*

1066 x 1538 (730,84 килобайт)

**Военный министр и начальник генерального штаба,
родоначальник русской военной разведки, участник войны с
Наполеоном, граф и светлейший князь Александр Иванович Чернышов**

Убежденный в правильности своего взгляда и не желая дожидаться окончания переписки о пруте, которая казалась ему одною лишь формальностью, Гааз в 1829 году принялся за опыты над такою заменою прута, которая устранила бы обычные нарекания в облегчении возможности побега.

Прежде всего, надо было освободить руки арестантам и ссыльным и сравнять их в этом отношении с приговоренными к каторжным работам, которые шли в ножных кандалах. Но их кандалы были тяжелы. Они были разного размера, длиною от одиннадцати вершков до одного аршина и четырех с половиной вершков и весом от четырех с половиной до пяти с половиной фунтов. Гааз занялся наблюдениями за изготовлением кандалов, облегченных до крайней возможности не в ущерб своей прочности. После ряда руководимых им опытов удалось изготовить кандалы с цепью длиною в аршин и весом три фунта, получившие затем в тюремной практике и в устах арестантов название «газовских». В этих кандалах можно было пройти большое пространство, не уставая и поддев их к поясу. Когда кандалы были готовы и испытаны самим Гаазом, он обратился к комитету с горячим ходатайством о разрешении заковывать в эти кандалы всех проходящих через Москву на пруте. Он в патетических выражениях рисовал положение прикованных, указывал на самоволие конвойных солдат, на жалкую участь «идуших под присмотром» и без вины караемых препровождением на пруте, представлял средства для заказа на первый раз новых кандалов, обещал именем «добродетельных людей» доставление этих средств и на будущее время и объяснял, что для изготовления облегченных кандалов можно приспособить кузницу, оставшуюся на Воробьевых горах от построек Витберга.

Этапников перековывают в гаазовские кандалы в тюремной кузнице на Воробьевых горах Гравюра Е.П. Самокиш-Судковской

(из книги А.Ф. Кони)

Формирование «этапа»

Слова Гааза, подтверждаемые самым вопиющим образом видом каждой этапной партии, встретили сочувственный отголосок в князе Голицыне, который решил «у себя» не стесняться более петербургскими проволочками. В декабре 1831 года он предложил комитету принять немедленно меры к приспособлению кузницы для перековки арестантов по указаниям доктора Гааза

и к переделке кандалов по новому образцу, представленному тем же Гаазом. Комитет, в заседании 22 декабря, приняв к исполнению предложение генерал-губернатора, просил его в свою очередь предписать командующему внутренним гарнизоном в Москве и приказать начальникам местных этапных команд не препятствовать исправлению кандалов под руководством доктора Гааза и наложению их на пришедших в Москву на пруте арестантов.

Таким образом, без шума, без всякой переписки по инстанциям в Москве прут оказался фактически уничтоженным благодаря смелому почину влиятельного генерал-губернатора, умевшего среди окружавшей его роскоши и обаяния власти найти время, чтобы серьезно задуматься над страданиями людей, за которых среди общего жестокого равнодушия предстательствовал уроженец чужой страны, чутко привлеченный им к делу тюремного благотворения.

Правда, в Москве, по распоряжению генерал-губернатора князя Дмитрия Владимировича Голицына, с 1832 года стали перековывать всех этапников в гаазовские кандалы – до шести тысяч человек в год перековывали. Федор Петрович говорил потом, что это было счастливейшим событием в его жизни...

Несмотря на то, что командир корпуса внутренней стражи, генерал Капцевич честил его за это “утрированным филантропом” и призывал “сократить”, Федор Петрович пошел дальше.

Он предложил вариант облегченных кандалов, обтянутых кожей, длиной в один аршин и цепью весом до 3 фунтов (более 1 килограмма) взамен тяжелых, которыми арестанты отмораживали и стирали в кровь свои руки и ноги. Старые кандалы были весом от четырех с половиной до пяти с половиной фунтов (фунт около 410 граммов) и размером от четырех с половиной вершков (4,5 сантиметра, в аршине 16 вершков) до аршина.

Командир корпуса внутренней стражи генерал П.М.Капцевич

«Цепь Капцевича»

Пересылаемые встретили нововведение Гааза с восторгом, но для того, чтобы оно могло удержаться, чтобы вызванная князем Голицыным готовность содействовать ему не охладела и по нашей всегдашней привычке не перешла в

апатию и в то, что князь В.Ф.Одоевский характеризовал в своей записной книжке словом рукавспутие, нужно было энергетически следить за делом на месте, не уставая и не отставая.

Это и делал Гааз.

Целые дни проводил он на Воробьевых горах, наблюдая за устройством кузницы, и затем в течение всей своей жизни, за исключением последних ее дней, не пропускал ни одной партии, не сняв кого только возможно с прута и с цепи Капцевича и не приказав перековывать при себе в свои кандалы. Ни возраст, ни упадок физических сил, ни постоянные столкновения с этапным начальством, ни недостаток средств не могли охладить его к этой «службе» и удержать от исполнения ее тягостных обязанностей. В столкновениях он побеждал упорством, настойчивым отстаиванием введенного им обычая, просьбами и иногда угрозами жаловаться, ни перед чем не останавливаясь. Недостатку средств на заготовку гаазовских кандалов он помогал своими щедрыми пожертвованиями, пока имел хоть какие-нибудь деньги, а затем приношениями своих знакомых и богатых людей, которые были не в силах отказать старику, никогда ничего не просившему... для себя».

Ручные кандалы Гааз предложил обшивать кожей.

О ручных кандалах один из арестантов рассказывал: «Летом цепь суставы ломает, зимой от нее все кости ноют: в нашей партии цепь настыла, холоднее самого мороза стала и чего-чего мы на переходе не напринимались! Мозг в костях, кажись, замерзать стал, таково было маятно и больно, и не в людскую силу, и не в лошадиную!..».

Вот что говорил о докторе Гаазе в одной из своих проповедей св. архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий), сам прошедший через страдания лагерей и ссылок: «Он видел, как угоняли на каторгу колодников в кандалах, он знал, что они должны были идти тысячи верст в Сибирь, и его сердце терзалось жалостью к ним. Для того чтобы ясно представить себе их мучения, он однажды

надел на свои ноги кандалы и несколько часов подряд маршировал в них по двору своего дома, чтобы почувствовать, каково идти людям в них.

У тяжелых преступников была привилегия - право на «персональные» цепи - ручные и ножные кандалы. Со слезами на глазах просили «легкие» преступники, чтобы их приравнивали к «тяжелым». Воистину прав Александр Сергеевич Пушкин: «Я не хотел бы никакого другого отечества... но пренебрежение человеческим достоинством, честью и даже жизнью... могут довести до отчаяния!» Да и цепи были слишком тяжелыми. Длиной до одного метра и весом до пяти с половиной фунтов. Федор Петрович сконструировал так называемые «цепи Гааза» длиной в три четверти метра и весом три фунта. Однажды, придя к Гаазу, его товарищ услышал непрекращающийся лязг цепей. Доктор, закованный в цепи, неумоимо шагал из угла в угол своей комнаты, считая шаги. Это он сам на себе проверял свое «изобретение», решив пройти в кандалах расстояние этапа. Сначала Гааз хотел пройти в цепях по улицам Москвы и дальше по Владимирке: от Воробьевых гор до Горенок. Но это московские власти ему запретили».

Разорванные кандалы стали символом Гаазовского человеколюбия и украшают его памятники на московском Введенском (Немецком) кладбище и в его родном германском городе Мюнстерайфеле.

В 1836 г. Гааз представил в тюремный комитет список арестантов с отмороженными от гаек руками. Это так взволновало генерал-губернатора Голицына, что он немедленно и в самой настойчивой форме представил министру внутренних дел о необходимости осуществить мысль «затейливого доктора».

«На этот раз последовавший в том же 1836 г. указ о повсеместном в России обшитии гаек у цепей кожей, дал Гаазу полное и ясное

удовлетворение, не допускавшее никаких недоразумений...». «На всех его действиях лежала печать постоянной сердечной тревоги о ходе взятого на себя дела и отсутствия всякой заботы о самом себе, - отражался тот особый взгляд его на развертывавшуюся перед ним картину человеческих немощей, падений и несчастий, который Достоевский назвал бы «проникновенными», - пишет А.Ф. Кони.

В 1849 году Ф.М.Достоевский, будучи членом кружка студента Петрашевского, вел вольнолюбивые разговоры, за что был арестован и за чтение письма Белинского к Гоголю был приговорен к расстрелу. Когда, ожидая казни, осужденные стояли с завязанными глазами, был зачитан императорский указ о помиловании. Один из осужденных сошел с ума. Всем помилованным казнь была заменена лишением свободы. Достоевский получил 4 года безписьменной каторги.

Ф.М.Достоевский

Будучи в составе одном из каторжных этапов, шедших через Москву, Достоевский в пересыльной тюрьме на Воробьевых горах впервые увидел Гааза и не в своих произведениях обращался к его образу.

Цитата из "Записок из мертвого дома": «Не могу не сказать об этом хотя несколько слов, прежде чем приступлю к продолжению моего описания. Я говорю о кандалах, от которых не избавляет никакая болезнь решенного каторжника. Даже чахоточные умирали на моих глазах в кандалах. И между тем все к этому привыкли, все считали это чем-то совершившимся, неотразимым. Вряд ли даже и задумывался кто-нибудь об этом, когда даже и из докторов никому и в ум не пришло, во все эти несколько лет, хоть один раз походатайствовать у начальства о расковке труднобольного арестанта, особенно в чахотке. Положим, кандалы сами по себе не бог знает какая тягость. Весу они бывают от восьми до двенадцати фунтов. Носить десять фунтов здоровому человеку неотягчительно. Говорили мне, впрочем, что от кандалов после нескольких лет начинают будто бы ноги сохнуть. Не знаю, правда ли это, хотя, впрочем, тут есть некоторая вероятность. Тягость, хоть и малая, хоть и в десять фунтов, прицепленная к ноге навсегда, все-таки ненормально увеличивает вес члена и чрез долгое время может оказать некоторое вредное действие... Но положим, что для здорового все ничего. Так ли для больного? Положим, что и обыкновенному больному ничего. Но таково ли, повторяю, для труднобольных, таково ли, повторяю, для чахоточных, у которых и без того уже сохнут руки и ноги, так что всякая соломинка становится тяжела? И, право, если б медицинское начальство выхлопотало облегчение хотя бы только одним чахоточным, то уж и это одно было бы истинным и великим благодеянием».

Много лет спустя воспоминания о тюремном докторе вошли в его записные книжки, рукописи «Преступления и наказания», а в романе «Идиот» ему посвящены следующие строки: «В Москве жил один старик, был «генерал»,

то есть действительный статский советник с немецким именем; он все свою жизнь таскался по острогам и по преступникам, каждая пересыльная партия в Сибирь знала заранее, что на Воробьевых горах ее посетит «старичок генерал», он проходил по рядам ссыльных, которые окружали его, останавливался перед каждым, каждого расспрашивал о его нуждах, наставлений не читал почти никогда никому, звал их всех «голубчиками». Он давал деньги, присылал необходимые вещи – портянки, подвертки; холста, приносил иногда душеспасительные книжки и оделял ими каждого грамотного, с полным убеждением, что они будут их дорогой читать и что грамотный прочтет неграмотному. Про преступление он редко расспрашивал, разве выслушивал, если преступник сам начинал говорить. Все преступники у него были на равной ноге, различия не было. Он говорил с ними как с братьями, но они сами стали считать его под конец за отца. Если замечал какую-нибудь ссыльную женщину с ребенком на руках, он подходил, ласкал ребенка, пощелкивал ему пальцами, чтобы тот засмеялся. Так поступал он множество лет, до самой смерти; дошло до того, что его знали по всей России и по всей Сибири, то есть все преступники. Мне рассказывал один бывший в Сибири, что он сам был свидетелем, как самые закоренелые преступники вспоминали про генерала, а между тем, посещая партии, генерал редко мог раздавать более двадцати копеек на брата».

И Гааз при поддержке Голицына добился-таки введения кандалов облегченного типа («гаазовских» кандалов, как их стали называть в народе) и отмены прута.

Кроме того, Гааз добился того, что арестантам стали разрешать выдавать, по их желанию, вместо ручных кандалов ножные (матерям, имеющих маленьких детей, мужчинам, сопровождаемым женам с маленькими детьми, чтобы они могли в дороге помогать им с детьми).

Но постепенно по поводу кандалов вновь начались столкновения с начальством.

В 1848 г. Гааз вновь вошел в комитет с просьбою о возобновлении распоряжения о «выдаче арестантам ножных кандалов вместо ручных, если они о том будут просить», на что министр внутренних дел Закревский отвечал, что удовлетворение подобных просьб арестантов зависит от снисхождения того начальства, которое отвечает за целостность препровождаемых арестантов, и он находит предложение г.Гааза не заслуживающим внимания, потому более, что заботится не столько о предоставлении арестантам незаслуженных ими удобств, сколько о способах облегчения этапных команд в надзоре за арестантами.

«Эта резолюция, - пишет Кони, - обратила просьбы глубоко огорченного старика в мольбы и присоединила к его уговорам трогательные старческие слезы. Семидесятилетний Гааз приезжал на Воробьевы горы к приходу и отправлению партий по прежнему и своим почтенным видом и шедшими от сердца словами призывал к возможному смягчению страданий, названному графом Закревским «незаслуженными удобствами».

Не имея возможности добиться выполнения своих просьб относительно облегчения участи арестантов, он однажды сказал конвойному чиновнику, чтобы он вспомнил, что судьей его несправедливых действий есть Бог!».

Но не все бывали равнодушны к его призыву.

Арестантов, все-таки, продолжали перековывать, не всегда, но часто.

«Это видно, между прочим, из того, - пишет Кони, - что в сентябре 1853 г. кузнец при витбергской кузнеце на Воробьевых горах обращался в комитет с просьбою уплатить ему за последнюю партию в 120 облегченных кандалов, сделанных летом того же года по заказу доктора Гааза, умершего в августе» (надо отметить, что после смерти в 1844 г. князя Д.В. Голицына, главного покровителя и защитника идей Гааза и после ухода от дел князя Щербатова, который молчаливо поддерживал «святого доктора», в 1848 г. начальником

Москвы был назначен бывший министр внутренних дел граф Закревский, люто ненавидевший Гааза и все, что с ним было связано).

А.Ф.Кони пишет: «Но не один вид закованных без всякого между ними различия по поводам их пересылки смущал Гааза. Во избежание побегов и для облегчения поимки закон 29 января 1825 года предписывал брить половину головы пересылаемым по этапу. Бритье шло поголовно. С бритой половиною головы оказывались, как видно из записки Гааза, представленной комитету, пересылаемые на родину для водворения после суда, коим они оправданы; просрочившие паспорт и просто отправляемые по требованию обществ, опекунов и наследников населенных имений; высылаемые из столицы за нищенство и т.п. Гааз указывает случаи бритья половины головы крестьянину, не имевшему средств возвратиться к своему господину с заработков из Барнаула, тринадцатилетнему еврейскому мальчику, возвращаемому домой в Гродно вследствие неправильной отдачи его в военную службу.

Ярко и образно описывая несправедливость и жестокость такого бритья, Гааз 23 ноября 1845 года просил комитет хлопотать о его отмене для не лишенных всех прав состояния. О том же просил он и генерал-губернатора князя Щербатова в особой докладной записке. Усилия его увенчались успехом, и 11 марта 1846 года вследствие представления тюремного комитета общее бритье головы всем пересылаемым было отменено Государственным советом, будучи удержано лишь для каторжных».

Гааз добился организации в 1832 г. тюремной больницы на 120 коек при пересыльной тюрьме на Воробьевых горах и был назначен ее главным врачом. На оборудование больницы и ее содержание, кроме средств, выделяемых комитетом, Гааз расходовал свои собственные и добываемые у благотворителей средства.

Гааза очень беспокоило состояние здоровья пересылаемых арестантов, зачастую в ссыльную партию включались явно больные или просто сильно

ослабленные люди. Отношение к недугам пересылаемых было небрежное, бездушное. Он видел, что на здоровье их не обращается никакого серьезного внимания и что от них спешат как можно скорее избавиться, отправив по этапу. Никто не думал о том, что жестоко и безнравственно не обращать никакого внимания на их нужды и просьбы. Когда он начал просить более внимательного к ним отношения, над ним просто смеялись. Когда как член попечительного о тюрьмах комитета, он стал требовать более серьезного отношения к просьбам и нуждам арестантов, ему резко дали понять, что это его не касается – это дело полицейских врачей.

Жена английского посла, посетившая пересыльную тюрьму в 1847 г. вспоминала: *«...Когда я вошла в тюрьму, один арестант стоял на коленях перед Гаазом и, не желая встать, рыдал надрывающим душу образом...Перед отходом партии была переключка. Арестанты начали строиться, креститься на церковь; некоторые поклонились ей до земли, потом стали подходить к Гаазу, благословляли его, целовали ему руки и благодарили за все доброе, им сделанное. Он прощался с каждым, некоторых целуя, давая каждому совет и говоря ободряющие слова...»*

2 апреля 1829 г. Гааз, ссылаясь на свое звание доктора медицины, просил генерал-губернатора князя Голицына уполномочить его освидетельствовать состояние здоровья всех находящихся в Москве арестантов и подчинить ему в этом полицейских врачей, и при необходимости своей властью оставлять больных арестантов до излечения их в Москве.

При этом Гааз никогда не ограничивался только назначением лекарств. «Врач, - говорилось в составленной Гаазом инструкции для врача при пересыльной тюрьме, - должен помнить, что доверенность, с каковою больные предаются, так сказать, на его произвол, требует, чтобы он относился к ним чистосердечно, с полным самоотвержением, с дружескою заботою о их нуждах, с тем расположением, которое отец имел к детям, попечитель к питомцам». —

«Комитет требует, - говорится далее в той же инструкции, - чтобы врач пользовался всяким случаем повлиять на улучшение нравственного состояния ссыльных; этого достигнуть легко, надо только быть просто добрым христианином, - т.е. заботливым, справедливым и благочестивым. Заботливость должна выразиться во всем, что относится к здоровью ссыльных, к их кормлению, одежде, обуви и к тому, как их сковывают; - справедливость в благосклонном внимании к просьбам ссыльных, в осторожном и дружеском успокоении их насчет их жалоб и желаний, и в содействии удовлетворению их; - благочестие в сознании своих обязанностей к Богу и в заботе о том, чтобы все ссыльные, проходящие через Москву, пользовались духовную помощью.

Необходимо с уверенностью надеяться, что врач при попечении о здоровье ссыльных в Москве – не оставит ничего желать и будет поступать так, чтобы, по крайней мере, никто из страждущих ссыльных не оставлял Москвы, не нашедши в оной помощи и утешений, каких он имел право ожидать и по своей болезни, и по лежащему на тюремном комитете долгу, и по мнению, которое русский человек привык иметь о великодушии и благотворительности матушки-Москвы» - пишет А.Ф.Кони.

«При всей своей преданности идеям добра и человечности, - далее указывает он, - он не был только идеалистом, чуждым знакомства с жизнью и теми искажениями, которым она подвергает идеалы на практике. Веря в хорошие свойства человеческой природы, он не скрывал от себя ее слабостей и низменных сторон. Он знал поэтому, что «все законы писать, если их не исполнять», и что в русской жизни исполнитель самого прекрасного правила почти всегда быстро остывает, заменяя не всегда удобное чувство долга сладкою негою лени. Живая натура Гааза и беспокойство о том, что не все части широкой программы, начертанной им, будут выполнены, заставили его, так сказать, «впрячься в корень» и нести на себе, с любовью и неутомимостью, всю тяжесть освидетельствования».

Всех, кого он находил больными, Гааз помещал в больницу, заботясь при этом не только об их здоровье, но и помогая в нужде и ободряя ослабших духом.

Зачастую под видом больных он оставлял в больнице арестантов, которые хотели дождаться прибытия родных и получить с ними последнее свидание, тех, кто не хотел покинуть заболевшего товарища.

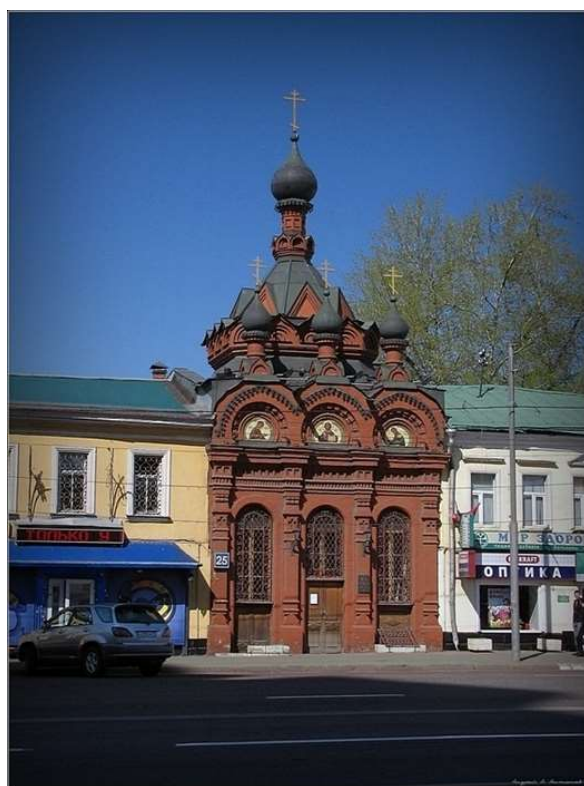

Тюремное начальство было недоволено всем этим, но Гааз твердо стоял на своем и добивался того, чего хотел. Гааз бывал резок и настойчив, когда дело касалось его бедных подопечных. Кони описывает столкновение Гааза по этим вопросам с московским гражданским губернатором.

«В одно воскресенье поехал я туда (на Рогожский полуэтап, речь идет о случае, рассказанном А.Ф. Кони, старшим членом петербургской судебной палаты Е.А. Матисеном) для присутствования при тяжелом зрелище отправления этих несчастных в Сибирь; в числе их была одна женщина – приговоренная к каторжным работам; она уже поставлена была в общий строй, для шествия пешком, когда приехал гражданский губернатор; на просьбу этой арестантки дозволить ей сесть на одну из телег, всегда сопровождающих конвой и назначенных для детей и слабосильных, он в резких выражениях отказал; тогда приблизился к ней доктор Гааз и, удостоверившись в крайнем истощении

ее, обратился к губернатору с заявлением, что он не может позволить отправления ее пешком; губернатор возражал и упрекал его в излишнем добродушии к преступнице, но Гааз настаивал и, отозвавшись, что за больных отвечает он, приказал принять эту женщину на телегу; губернатор хотел отменить это распоряжение, но Гааз горячо сказал, что он не имеет на это права, и что он тотчас донесет об этом генерал-губернатору Закревскому; тогда только губернатор уступил, и женщина отправлена была в телеге. В тот же день я был очевидцем, как одного каторжника заковали и так неумело, что нога его оказалась в крови, и он от боли не мог встать – тогда Гааз велел его расковать, приняв на себя ответственность за возможный побег».

Необходимо отметить, что Рогожский полуэтап был организован по инициативе Гааза, располагался на территории между современными станциями метро «Площадь Ильича» и «Римская».

Часовня Спасо-Андроникова монастыря на Вороньей улице .

**В этой часовне ссыльные молились перед долгим путем по Владимирскому тракту у Рогожской заставы. На Руси на месте прощания с отходящими путниками у городских застав ставили часовни - «прощи». По преданию на этом месте преподобный Сергей Радонежский, отправляясь в Нижний Новгород в 1365 году, простился со своим учеником, основателем Спасо-Андроникова монастыря преподобным Андроником.
(Перестроена архитектором А.А. Латковым в 1889-1890 гг.)**

Еженедельно на Воробьевых горах собиралась очередная партия осужденных на каторгу. Служили молебен и двигались в скорбный путь, останавливаясь у Рогожской заставы. Близким разрешалось провожать их до деревни перед Балашихой. Поэтому она и получила название - Горенки.

И.Левитан. Владимирка

Никакие препятствия не могли охладить деятельность Гааза. Прощение всех было главным движением его души, и он всегда надеялся, что добро, оказанное преступнику, злодею тронет его душу и поможет ему стать на путь истины.

А.И.Герцен

А.И.Герцен в двенадцатой главе второй части своей книги «Былое и думы» описывает такой случай из жизни Гааза: «Гааз жил в больнице. Приходит к нему перед обедом какой-то больной посоветоваться. Гааз осмотрел его и пошел в кабинет что-то прописать. Возвратившись, он не нашел ни больного, ни серебряных приборов, лежавших на столе. Гааз позвал сторожа и спросил не входил ли кто кроме больного? Сторож смекнул дело, бросился вон и через минуту возвратился с ложками и пациентом, которого он остановил с помощью другого больничного солдата. Мошенник бросился в ноги к доктору и просил помилования. Гааз сконфузился. – Сходи за квартальным, - сказал он

одному из сторожей. – А ты позови сейчас писаря. Сторожа довольные открытием, победой и вообще участием в деле, бросились вон, а Гааз, пользуясь их отсутствием, сказал вору: - Ты – фальшивый человек, ты обманул меня и хотел обокрасть; бог тебя рассудит: а пока беги скорее в задние ворота, пока солдаты не воротились... Да постой, может, у тебя нет ни гроша, вот полтинник; но старайся исправить свою душу: от бога не уйдешь, как от будочника! Тут восстали на Гааза и домочадцы. Но неисправимый доктор толковал свое: - Воровство – большой порок, но я знаю полицию, я знаю, как они истязают, - будут допрашивать, будут сечь; подвергнуть ближнего розгами гораздо больший порок; да и почему знать, может мой поступок тронет его душу».

Гааз постоянно подчеркивал, что наказание преступника не должно быть только возмездием, что наказывать должно не только так, чтобы карать преступника и устрашать слабых духом, но и так, чтобы исправлять наказанного, побуждать его к раскаянию, наставлять на добро ожесточенные сердца.

Он указывал, что в настоящее время тюрьма, каторга и ссылка не средство охранения общества и государства, а постоянные школы преступности и разврата. Они не подавляют зло, а способствуют его распространению.

Гааз указывал, что истинная справедливость и милосердие, подаяние, даже просто ласковое слово участия, сочувствия смягчают самые ожесточенные сердца и способны просветить самые темные умы.

В своей неукротимой жажде спасти страждущих Гааз не задумывался о собственном достоинстве и самолюбии. Это показывает, среди многих других, известная история о том, как ради помилования престарелого раскольника Дениса Королёва Фёдор Петрович стал на колени перед государем и отказывался встать, пока тот не изрек старику прощение. К

«коленипреклонениям» доктор прибежал и перед губернатором и начальником тюрьмы, и даже перед командиром конвоя, чтобы умолить не разрушать очередную арестантскую семью, не отнимать у матери ребенка. Он оправдывался: «Унизительно бывает просить на коленях милостей для себя, своей выгоды, своей награды, унизительно молить недобрых людей о спасении своего тела, даже своей жизни... Но просить за других, за несчастных, страдающих, за тех, кому грозит смерть, не может быть унизительно, никогда и никак».

Он говорил, что видел таких, кто пришел в тюрьму злодеем, но встретил там справедливого начальника, услышал проповеди доброго пастыря, почувствовал христианскую заботу и он уходил в Сибирь в кандалах, но с облегченной душой.

«Пришел преступник, - говорил Гааз, - злодей, а ушел на каторгу или в ссылку раскаянный грешник, несчастный, страдающий, но уже взыскующий добра, мечтающий возвратиться для новой добродетельной жизни». Гааз считал, что и злейшие из преступников никогда не безнадежные к исправлению. И еще он подчеркивал, что пусть они грешные, пусть есть преступники, злодеи, но все они люди, а в тюрьмах Москвы, указывал он, больше просто несчастных, чем преступных. Гааз был уверен, что излишняя жестокость не исправляет человека, что к каждому виновному нужно относиться справедливо.

Гааз внимательно осматривал арестантов, расспрашивал их не только о том, что у них болит, но и о том, что у них на душе, чем они опечалены. Добрый доктор не только лечил в случае необходимости, но и успокаивал, утешал. Говоря сегодняшним языком, Гааз работал с арестантами не просто как врач, но и как психотерапевт. Он всматривался в мрачные лица ссыльных, выискивая среди них тех, кому было нужно его утешение. Заметив в глазах этих людей

боль и страдание, он никогда не проходил мимо. Для всех он находил слова утешения.

Гааз писал: «Добрый совет, сочувствие и сострадание – есть тоже помощь и иногда очень действенная».

А.Ф.Кони пишет: «Каждый раз обходил он все помещения пересылаемых, говорил с последними, расспрашивая их и, так сказать, дифференцируя с виду безличную, закованную и однообразно одетую массу. Не из праздного или болезненного любопытства вызывал он их на рассказы своей печальной или мрачной повести и на просьбы. Ссылки на болезнь, на слабость, на какую-нибудь поправимую нужду, встречали в нем внимательного и деятельного слушателя. Вновь захворал или не окреп после прежнего недуга ссылаемый, - слабы его силы для длинного и тяжелого пути, - упал он внезапно духом пред «владимирской», - смертельно затосковал, «распростившись с отцом, с матерью, со всем родом своим - племенем», как поется в арестантской песне «Милосердной», - или ярко затеплилась в нем искра раскаяния, которую искреннее слово утешения и назидания может раздуть в спасительный нравственно пожар – Гааз уже тут, зоркий и добрый! Надо дать укрепиться, отойти, согреться душевно, - решает он, и оставляет таких, как подлежащих врачебному попечению, на неделю, две, а иногда и более».

Как и следовало ожидать, эти распоряжения вызывали против него массу нареканий. К генерал-губернатору и в комитет постоянно с разных сторон поступали жалобы на произвольные его действия, как врача, слишком смело шагавшего за рамки устава о ссыльных и слишком горячо и настойчиво отстаивавшего присвоенные им себе права».

Гааз настаивал и во все времена напоминал, что устав издан в пользу пересыльных, а не пересыльные созданы для устава.

Гааз подчеркивал, что арестанты, уходя из Москвы, испытывали внимательное отношение к ним и их нуждам, чувствовали, что они не

выброшены из жизни, что кто-то думает и беспокоится о них. «Материнское попечение о них может отогреть их оледеневшее сердце и вызвать в них теплую признательность».

Гааз требовал, чтобы тюремные служащие, «приставники» (как он их называл) вели себя правильно, «не впадали в прегрешение», тогда и случаи нарушений со стороны заключенных будут реже.

«В управлении больничном я нахожу, - указывал Гааз, - чрезвычайно полезным начинать взыскание со старших приставников, кои, при справедливом разбирательстве, почти всегда оказываются виновными в неприятностях, учиненных их подчиненными. То же полагал бы применять и в замке, а не противные закону истязания...».

До вмешательства Гааза ссыльные отправлялись дальше из пересыльной тюрьмы немедленно по составлении статейных списков и получении ими необходимой обуви и одежды, что занимало обычно 2-3 дня. Гааз настаивал, чтобы пересыльные оставались в Москве не менее недели, не считая дня их прихода. Он считал это необходимым, чтобы можно было ознакомиться и с их нуждами и с их недугами, чтобы дать им возможность собраться с силами для предстоящего тяжелого пути. Кроме того, Гааз считал необходимым заботиться о пересылаемых и после выхода их из Москвы. По его просьбе князь Голицын предписал городничему города Богородска представлять тюремному комитету (т.е. самому Гаазу) свидетельство местного лекаря о состоянии здоровья пересыльных - благополучно ли они дошли из Москвы, не болен ли кто из них и не требуется ли кому-либо из них возвращение в Москву для лечения.

Во время недельного пребывания пересыльных в Москве Гааз не менее четырех раз посещал каждую партию – по субботам тотчас по приходе в Москву, в середине следующей недели, в следующую субботу накануне отправления и в воскресенье перед самым отправлением. Гааз тщательно осматривал всех, выслушивал их просьбы. Терпеливо выслушивал всех, даже

если удовлетворение этих просьб было явно невозможно или жалоба была несправедлива. Но он понимал, что иногда для этих людей важно было хотя бы просто выговориться, почувствовать, что ты кому-то интересен, что есть человек, который может тебя понять и хотел бы тебе помочь. Он разговаривал с ними, утешал, выслушивал их просьбы и жалобы.

А.Ф.Кони пишет: «Зная правила Гааза, излишне говорить о заботливости его о больных и о внимании к их душевному состоянию, независимо от врачевания их телесных недугов. Обходя палаты, он требовал, чтобы его сопровождали ординаторы, фельдшеры и впервые им введенные сиделки мужских больничных палат. Он просил о том же и священников при церквях тюремного и пересыльного замков. Часто, садясь на край кровати больного, он вступал с ним в беседу о его семье, об оставленных дома, - нередко целовал больных, приносил им крендели и лакомства. В первый день Пасхи он обходил всех больных и христосовался со всеми; - то же делал он в губернском замке и на Воробьевых горах, где обыкновенно бывал у заутрени. В большие праздники и в день своих именин, как рассказывал о нем его крестник, доктор Зедергольм, сын известного в Москве пастора, современника Гааза, - Федор Петрович получал, вместе с поздравлениями, много сладких пирогов и тортов от знакомых. Собрав их все с видимым удовольствием, он резал их на куски и, сопровождаемый Зедергольмом или кем-нибудь другим, отправлялся к больным арестантам раздавать их. Много раз, в присутствии своего крестника, Гааз участливо расспрашивал арестантов о здоровье, называя их ласковыми именами: «голубчиком», «милым» и т.д., справляясь, хорошо ли они спали и видели ли приятные сны».

В 1851г. для контроля над Гаазом, который под предлогом нездоровья часто задерживал пересыльных в Москве, губернское правление откомандировало члена врачебной управы Николая Христофоровича Кетчера (врача и известного лингвиста, блестящего и тщательнейшего переводчика на

русский Шекспира), который по замыслу должен был контролировать Ф.П.Гааза при отправке пересыльных партий.

Но Кетчер, будучи жизнерадостным и добрым человеком, стал оказывать Гаазу всяческую помощь и поддержку. Имена арестантов, которых Гааз хотел бы оставить до следующего этапного дня, писались на записочке, которая передавалась Кетчеру при рукопожатии людьми из тюремного персонала, которые сочувствовали Гаазу. И Кетчер находил, что такой арестант «кажется не совсем здоров». И Гааз немедленно восклицал: «Оставить его! Оставить! В больницу!».

Однажды во время посещения Бутырской тюрьмы Николаем I ему шепнули, что некоторые арестанты симулируют, а Гааз их покрывает. Император стал упрекать Гааза, тот упал на колени и заплакал. Николай I думая, что Гааз просит у него прощения, сказал: «Ну полноте, Федор Петрович, я на Вас не сержусь». “Не за себя, государь, хлопочу, а за семидесятилетнего старика (раскольника Дениса Королева – авт.) , который по дряхлости не может идти в Сибирь. И за двух сестер, молодых девушек, ссылаемых туда же. Они неразлучны, но одна заболела, ее оставляют, а другую ссылают. Больная просит, чтобы и ее отправили, лишь бы не разлучаться”. Теперь император бросил гневный взгляд уже в сторону свиты... и помиловал их.

Император Николай I

В 1844 г. после смерти своего благодетеля московского губернатора князя Голицина, видя, что отказ от «прута Дибича» может быть приостановлен, Гааз пишет письмо прусскому королю Фредерику – Вильгельму IV, прося его о том, чтобы он сообщил своей родной сестре – супруге Николая I о многих варварствах в отношении заключенных, чтобы она рассказала об этом императору.

Супруга императора Николая I императрица Мария Федоровна

**Брат императрицы Марии Федоровны
пруссский император Вильгельм IV**

Это, наверное, первый случай в истории русской медицины, когда влиятельный врач, не получающий поддержки на своей родине, обращается за помощью к влиятельным иностранцам.

Второй известный нам случай закончился печально – крупнейший советский хирург Сергей Сергеевич Юдин попросил у посла Великобритании в СССР Керра, чтобы тот замолвил словечко перед министром иностранных дел СССР В.С.Молотовым о необходимости реконструкции Института скорой помощи им.Склифосовского. На несчастье Сергея Сергеевича его еще поздравил с Новым годом премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль.

Объявленный врагом народа, один из лучших хирургов страны прошел через все ужасы тюрем и лагерей, но не был сломлен. Вернувшись в Москву

через несколько лет, он вновь смог приступить к работе, но жизнь была исковеркана.

Однако, вернемся к Федору Петровичу.

Подготовленная к отправке партия должна была дальше идти «по Владимировке». Но первый переход от Москвы до Богородска был длинным и очень утомлял людей, тем более, что выступали из пересыльной тюрьмы довольно поздно, между 2 и 3 часами дня.

По ходатайству Гааза на другом конце Москвы за Рогожскою заставой был устроен на средства купца Рахманова, рогожский полуэтап где партия могла бы переночевать и уже утром выйти окончательно в дальний путь.

Гааз нашел средства, отыскал благотворителей и Рогожский полуэтап стал последним московским приютом для ссыльных и их семей. Гааз на собранные деньги привозил и раздавал еду (калачи, яйца, ситец на рубахи, деньги на еду в дальней дороге). Некоторые жертвователи приезжали и сами раздавали подаяние арестантам. Наделив привезенными им припасами остальных, благословив и поцеловав тех, кто, по его выражению, "hat es nicht los gemeint", следовал с ними, утешая разговорами и проходя порой, по несколько верст.

С устройством Рогожского полуэтапа местное начальство внутренней стражи распорядилось, чтобы партии с Воробьевых гор водили по окраинам Москвы, чтобы миновать ее оживленные, населенные улицы и не тревожили видом ссыльных и звоном кандалов обитателей города.

Однако, Гааз счел это неправильным, идущим наперекор добрым свойствам русского человека, который не хранит злобы, против наказанного, несчастного человека. Этапирование ссыльных по окраинам города лишало их обильных подаяний, имевших место в центре Москвы. И Гааз стал требовать отмены этого распоряжения через тюремный комитет, с тем же требованием

обратился к коменданту Москвы генералу Стаалу и добился отмены этого распоряжения.

А.И. Герцен писал- «...Гааз ездил каждую неделю в этап на Воробьевы горы, когда отправляли ссыльных. В качестве доктора тюремных заведений он имел доступ к ним, он ездил их осматривать и всегда привозил с собой корзину всякой всячины, съестных припасов и разных лакомств: грецких орехов, пряников, апельсинов и яблок для женщин. Это возбуждало гнев и негодование благотворительных дам, боящихся благотворением сделать удовольствие, боящихся больше благотворить, чем нужно, чтобы спасти от голодной смерти и трескучих морозов.

Но Гааз был несговорчив и, кротко выслушивая упреки за «глупое баловство преступниц», потирал себе руки и говорил: «Извольте видеть, милостивый сударинь, кусок хлеба, грош им всякий дает, а конфекту или апфельзину долго они не увидят, этого им никто не дает, это я могу консеквировать из ваших слов: потому я и делаю им это удовольствие, что оно долго не повторится».

Часто Гааз некоторое время еще много верст шел вместе с партией ссыльных по Владимирскому тракту, провожая их и ласково беседуя с арестантами. Зимой он шел в старой волчьей шубе и порыжелых сапогах, а летом в черном поношенном фраке с Владимирским крестом в петлице и коротких панталонах. Москвичи издали узнавали эту фигуру. «Это святой доктор, «Божий человек», Федор Петрович!» – говорили они. Пользуясь дружбою петербургского негоцианта Мерилиза, он склонил его к обширным пожертвованиям (до ста тысяч экземпляров) духовно-нравственными книгами и Священным Писанием, для раздачи арестантам, сам, кроме того, закупал большие партии таких книг для отсылки в Сибирь.

Зачастую Гааз выходил с ходатайством о пересмотре тех или иных дел, о помиловании и смягчении наказания арестантам.

Правовед И.Т.Тарасов, изучая архивные материалы тюремного комитета, обнаружил, что за период 1829-1853 г.г. в журнале Московского тюремного комитета записаны 142 предложения Ф.П. Гааза с ходатайством о пересмотре дел заключенных.

А.Ф. Кони пишет, что Гааз ходатайствует то об «учреждении приюта для выходящих из тюрем, - то вносит для раздачи освобождаемым из мест заключения собранные им у «благотворительных особ» 750 руб. сер., - то хлопчет о надзоре за воспитанием двух круглых сирот-девочек, отданных тюремным начальством, по смерти их матери-арестантки, какому-то поручику Сангушко, - то сам доносит комитету, что убедил вдову купца Мануйлова взять на воспитание трехлетнего летнего сына умершей арестантки, «непомнящей родства», - то настаивает на расследовании жалоб арестантов пересыльной тюрьмы на неполное возвращение им отобранных у них вещей, - то, наконец, усомнясь в справедливости осуждения за поджог некоего шемахинского жителя Генерозова, просит комитет дать ему средства отправиться в Сибирь, с семейством, на поселение не по этапу – и, получив отказ комитета, покупает ему на свой счет лошадь, а затем, когда невиновность Генерозова действительно открылась, высылает ему от «одной благотворительной особы» 200 руб. для возвращения из Сибири – и т.д., и т.д.

Арестантов, приходивших в Москву, встречала и ободряла молва о тюремном докторе, который понимает их нужды и прислушивается к их скорбям; - уходившие часто уносили о нем прочное и благодарное, надолго неизгладимое воспоминание. И кто знает! – быть-может, не менее сильно, чем раздаваемые им книги, действовала на них в далекой Сибири облагораживающим и умиротворяющим образом память о человеке, который так просто и вместе горячо осуществлял на деле то, что, как идеал, было

начертано в этих книгах? Могло ли не утешать и не укреплять многих из этих злополучных, загнанных судьбою в пустыни и жалкие поселения Восточной Сибири сознание, что в далекой Москве, как сон промелькнувшей на их этапном пути, есть старик, который думает о их брате, скорбит и старается о нем. А старик действительно думал непрестанно...».

Большое сочувствие вызывали у него раскольники. Ходатайствуя за трех стариков-беспоповцев, прибывших на Воробьевы горы в пересыльную тюрьму, он писал, что его истинное убеждение, что люди эти просто не понимают того, о чем спорят, так что не следует их упорство считать упрямством, это лишь заблуждение.

Столкновения с комитетом бывали у Гааза по самым различным поводам, - указывает Кони, - «То, убоясь переписки и возможности отказа, представляет он в комитет счет цехового Завьялова на 45 руб. за 21 бандаж, отданный освобожденным из смирительного и рабочего домов арестантам, страдающим грыжею, - и комитет разъясняет ему, что не считает себя обязанным покрывать такой расход, предоставляя ему самому изыскать средства к удовлетворению одного из других источников, т.е. обрекает его, за неимением им собственных средств, на необходимость просить кого-нибудь быть «благодетелем». То, удрученный своим устранением от освидетельствования пересыльных арестантов и боясь, что они останутся вовсе без призора, он просит обязать членов комитета бывать, по очереди, на Воробьевых горах четыре раза в неделю, и комитет «не усматривает для его домогательства законных оснований»; то просит он комитет ходатайствовать у высшего начальства, чтобы, кроме пересылаемых слепых, глухих и немых бродяг, в губернских городах оставлять, не отсылая в Сибирь, и тех, «кои окажутся с повреждением ума», и комитет, к огорчению его, «не полагает на сие никакого решения»; - то, в 1845 г., он просит комитет внушить членам своим обязанности частого посещения мест заключения вообще, чрез что

«злоупотребления, населяющие их как насекомые и паутина, будут исчезать сами собою, а добрые дела мало-помалу рождаться одно из другого...».

«Журналы комитета переполнены, - отмечает А.Ф. Кони, - указаниями на его многочисленные хлопоты...».

В 1833г. Гааз настаивает в своем ходатайстве разрешить следовать сестрам за одинокими ссылаемыми братьями.

В 1835 г. он просит разрешить арестантам свидания с родными в день Нового года, в 1831 г. предлагает в ознаменование дня открытия тюремного комитета разрешить арестантам ежегодно в этот день дополнительные свидания с родными, а также разрешить арестантам свидания в ознаменование дней рождения и кончины основателя попечительного о тюрьмах комитета императора Александра I.

В журнале также много заявлений Гааза о доставке в Сибирь писем и книг ссыльным, о пересылке им денег, о сообщении им разных сведений по их делам и ходатайствам. Все это требовало много времени и это шло помимо его, основных занятий – посещений больниц, этапа, острога и заседаний комитета. Причем нужно было время не только на поиски необходимых сведений, но и на сообщение о полученных результатах.

«Трудно, - пишет Кони, - перечислить все отдельные проявления этой деятельности «утрированного филантропа». То он систематически, чрез известные сроки, требует от комитета денег (обыкновенно по сто рублей) для помощи семействам арестантов и представляет в них отчет, - то распределяет испрошенные им у г-жи Сенявиной тысячу рублей между нуждающимися арестантами, - то берет на свое поручительство слабосильных ссылаемых и доставляет их на свой счет в места водворения».

И далее А.Ф.Кони пишет: «Так действовал, до конца своей многотрудной жизни, Федор Петрович Гааз. Одинокий и в общественной, и в личной жизни, забывавший все более и более о себе, с чистою совестью

взиравший на приближающуюся смерть, он тем более отдавался своему призванию, чем меньше оставалось ему жить. Жилось ему не легко. Лично видевшая его старая москвичка, графиня Сальяс (Евгения Тур) пишет о нем: «Борьба, кажется, приходилась ему не по силам; посреди возмущающих душу злоупотреблений всякого рода, посреди равнодушия общества и враждебных распоряжений, в борьбе с неправдой и ложью, силы его истощались. Что он должен был вынести, что испытать, пережить, перестрадать!

Про него можно сказать словами Некрасова, что он провел свою богатую трудом и добровольными лишениями жизнь «упорствуя, волнуясь и спеша». И у него была – и осталась такою до конца – «наивная и страстная душа». Немногие друзья и многочисленные, по необходимости, знакомые часто видели его грустным, особенно когда он говорил о тех, кому так горячо умел сострадать – или гневным, когда он добивался осуществления своих прав на любовь к людям. Но никто не видел его скучающим или предающимся унынию и тоске. Сознание необходимости и нравственной обязанности того, что он постоянно делал, и непоколебимая вера в духовную сторону человеческой природы, в связи с чистотою собственных помыслов и побуждений – спасали его от отравы уныния и от отвращения к самому себе, столь часто скрытого на дне тоски . . . Бестрепетно и безоглядно добиваясь всего, что только было возможно при существующих условиях и очень часто разменивая свои общие усилия на случаи помощи в отдельных, по видимому ничем между собою не связанных, случаях – он систематически и упорно, собственным примером служил будущему, в котором задачу тюремного дела, как одного из видов наказания, должно будет свести к возможно большей общественной самозащите при возможно меньшем причинении бесплодного личного страдания. И в этом его заслуга – и уже в одном этом его право на благодарное воспоминание потомства...».

Гааз постоянно считал деятельность попечительного о тюрьмах комитета недостаточной.

29 декабря 1839 г. в день, когда исполнилось 10 лет со дня открытия в Москве тюремного комитета, он писал гражданскому губернатору Олсуфьеву: «Мне хочется сей день, который бы следовало праздновать высокаторжественным образом, провести в глубоком трауре. Это самый печальный день, который имел я во все время существования комитета, видя нарушения достигнутого десятилетними трудами облегчения вверенных нам людей. Ваше превосходительство сами можете постигнуть, какие должны быть мои чувства, когда даже в вас не могу еще заметить сострадания к несправедливым поступкам, кои я претерпеваю отовсюду от того единственно, что я старался всем сердцем и всеми способами о соблюдении тех правил, которые должны были быть соблюдаемы касательно сих людей».

Гааз считал, что задача тюремного комитета не ограничивается только заботой о правильном содержании арестанта в стенах тюрьмы. За стенами тюрьмы был целый мир, в котором еще вчера он жил, в котором остались его семья, его друзья, все его корни, за стенами тюрьмы был суд, который определил ему меру наказания, послал его в тюрьму. Над этим судом был другой суд, к справедливости которого можно было взывать, наконец, надо всем этим был высший в государстве источник милости и справедливости – император. Но арестант был отрезан ото всего этого стенами тюрьмы и живой стеной тюремного начальства, чаще всего черствой и равнодушной. Необходим был посредник между арестантом и внешним, закрытым от него миром, считал Гааз. Эта мысль о необходимости такого посредника, ходатая, «справщика», как называл его Гааз, не покидала его.

Вскоре после создания тюремного комитета, уже в 1829 г. Гааз писал князю Голицыну о необходимости иметь в составе комитета человека, который

бы представлял интересы арестантов: «Если бы кто из них стал требовать изложения письменной просьбы по делам своим».

В 1834 г. Гааз представил в комитет подробный проект об учреждении должности такого лица, имеющего официальное право хлопотать об арестантах.

На очередном заседании тюремного комитета Гааз говорил: «Мы должны опекать многие тысячи людей, несчастных либо по своим грехам и преступлениям, либо по своей печальной судьбе, по ошибкам других людей. Но именно несчастных и потому достойных сожаления и призрения от христиан и, особенно, от нашего комитета. Когда я стою здесь в сей прекрасной теплой зале перед столь досточтимыми особами, взирая на благородные добродетельные лица, и знаю, что после нашего заседания поеду к себе в благоустроенный дом или, ежели пожелаю, поеду в гости к доброму приятелю, то я не смею забывать, что в это самое мгновение, две-три версты отсюда, страдают люди в оковах, в холоде, грязи, в тесноте между суровых и злодейских лиц своих невольных спутников, с которыми не могут ни на миг расставаться, никуда ни на шаг не могут отдалиться, ибо все двери и ворота замкнуты, и нет у них никаких радостей, никаких облегчений, ни даже надежд на облегчение. Полагаю своим долгом доложить комитету о случаях, кои наблюдал я самолично в истекающем месяце на Воробьевой горе.

Пересылался из Нижнего в Смоленск духовщинский мещанин Иван Рубцов с женою, у коей грудной ребенок и семилетняя дочь. Он просил, как величайшую милость, дозволения идти в ножных кандалах, кои имел он собственные, а не приковывать с прочими за руку, дабы не быть лишены возможности вспомоществовать дорогою жене и детям. Но начальник инвалидной команды, отказавши уже ему, не хотел согласиться и на мою о том просьбу.

Другой случай был: один человек, пересылаемый с женой в Могилев, также просил заковать его в собственные ножные кандалы по той причине, что

он имеет на руке струп не совершенно зажившей еще раны, от закования при пересылке до Москвы к железному пруту. А как начальник инвалидной команды не согласился и на сие, то я счел обязанностью остановить сего человека до излечения его руки...».

Некоторые члены комитета слушали внимательно, сочувственно кивали, другие перешептывались: «Опять завел свои причитания наш плакальщик». Митрополит неподвижно пристально глядел на Гааза, который возбужденно размахивал руками и даже притоптывал нетерпеливо, когда не находил нужного листа в пачке бумаг, лежавших перед ним, или когда запинался, забыв слово, фамилию...

Нас упрекают некоторые строгие чиновники и офицеры, что мы слишком милостивы к преступникам. Осмелюсь полагать такие попреки несправедливыми. Они противоречат христианским правилам жизни, но и несправедливы против закона. Ибо для нас это прямой долг не только надзирать за порядком, чистотой в тюрьмах и телесным здоровьем арестантов, но и дружески выслушивать все просьбы ссыльных и заключенных. В устав моих обязанностей секретаря комитета я включил пункт шестой, каковой гласит: «В особенности должен исполнять обязанности стряпчего, по воззванию арестантов, если бы кто из них стал требовать изложения письменной просьбы». (Л.Копелев).

Гааз следил, чтобы всякий знал, в чем он обвиняется; чтобы не было опущено никаких справок, требуемых им к своему оправданию; чтобы содержание в тюрьме не отягощалось медленностью, и чтобы те, кого можно законом освободить – были освобождены.

Гааз сам лично выходил с ходатайствами о пересмотре дел, о помиловании осужденных, о смягчении им наказания.

А.Ф. Кони приводит письма к Гаазу арестантов, просящих о заступничестве. «Не имею защитника и сострадателя, кроме вас, - пишет ему в 1845 г. крестьянин Евсеев, - вы один нам отец, вы брат, вы – друг человеков». «Спасите, помогите, Федор Петрович», - пишет в 1846 г. ему Василий Метлин.

Иногда ходатайства Гааза были связаны не с самим делом осужденного, а с другими обстоятельствами.

Так, в 1840 г. он просит о помиловании 64-летнего старика Михайлова, так как на его попечении находится малоумный Егоров, он его кормит, ухаживает за ним, лечит его.

В 1842 г. он просит освободить из-под стражи трех «аманатчиков» (на Кавказе царские генералы много лет старались привести к покорности горцев и, когда старейшины побежденного племени клялись в верности царю, их вынуждали отдавать в заложники – аманаты их сыновей), следующих с Кавказа в Финляндию для выдворения, в виду сурового климата последней страны. Зачастую, если его заступничество не достигало успеха, Гааз обращался в более высокие инстанции.

В 1839 г. он собрал 11 случаев своих ходатайств, которые комитет не решил положительно, и отправил эти ходатайства президенту общества, не получив от последнего ответа, Гааз отправил их императору Николаю Павловичу.

Гааз сам бегал по разным инстанциям до официального утверждения такого ходатая, собирая необходимые справки по делам арестантов. Однажды он обратился за какой-то справкой в полицейскую канцелярию, у этого сотрудника было много работы в то время, сообщенные Гаазом сведения оказались не полными и сотрудник этот сказал Гаазу, что так не может выдать просимую справку. Шел проливной дождь, но спустя 3 часа, промокший до костей Гааз вернулся и принес этому сотруднику все самые подробные сведения по интересующему его делу.

А когда в 1849 г. тюремный комитет постановил повысить оклады всем работникам тюремных больниц и Гаазу, как главному врачу московских тюрем, повысить годовое содержание с 514 руб. до 1 000 руб. , он отказался, записав в протокол заседания комитета: «Насчет прибавления жалованья служащим в больницах согласен, но не желаю сам пользоваться им. Имею честь изъясниться, что, размышляя о том, что мне остается только мало срока жизни, решился не беспокоить комитет никакими представлениями сего рода».

Гаазу было тягостно всякое внимание лично к нему.

Несмотря на настойчивые просьбы друзей и знакомых, несмотря на письменную просьбу лондонского библейского общества, он ни за что не позволял снять с себя портрета. Сохранившийся чрезвычайно редкий портрет его в профиль, нарисован тайно от него художником, которого спрятал за ширмы князь Щербатов, усадивший пред собою на долгую беседу ничего не подозревавшего Гааза. И только благодаря этому, мы имеем единственный портрет Ф.П. Гааза.

Очень важным считал Гааз не просто наказать виновного, посадив его в тюрьму, отправив по этапу в ссылку или на поселение, но попытаться его исправить, возродить в нем то лучшее, что в нем осталось. Поэтому очень важным Гааз считал раздачу книг священного писания.

«Гааз, со свойственной ему серьезной вдумчивостью, не мог не сознать, - пишет А.Ф.Кони, - что, если с одной стороны, отсутствие настоящего религиозно-нравственного развития нередко лишало человека, смущаемого преступным замыслом, могущественного орудия для борьбы с самим собою, то, с другой стороны, отсутствие такого же назидания для совершившего преступления отнимало почти всякое исправительное значение у наказания и оставляло арестанта на жертву тлетворному влиянию тюрьмы и этапного хождения».

Уходящим по этапу Гааз старался дать с собою Евангелие. Еще в самом начале работы тюремного комитета 5 февраля 1829 г. он выступил с заявлением о необходимости раздачи арестантам духовной литературы и о более широком применении случаев духовного напутствия арестованным. Он отмечал «нужно видеть то усердие, с которым люди эти книги просят, ту радость, с которой они их получают, и то услаждение, с которым они их читают». Однако средств комитета, которые, в основном, уходили на чисто хозяйственные нужды, не хватало на покупку таких книг, и Гааз стал на собственные средства приобретать для раздачи книги духовного и нравоучительного содержания. В дальнейшем Гааз нашел богатых благотворителей, которые снабжали его такой литературой.

В первые 15 лет существования комитета Гаазом было роздано арестантам 71 190 азбук церковных и гражданских, 8 170 святцев и часословов, 20 350 книг священной истории и катехизисов, 5 479 евангелий, 1 830 евангелий на иностранных языках, 8 351 псалтырей на церковно-славянском и русском языках и 584 на иностранных языках.

В 1841 г. он издал за свой счет книжку для заключенных «Азбука христианского благонравия. Об оставлении бранных и укоризненных слов и вообще неприличных на счет ближнего выражений и о начатках любви к ближнему».

Эта книга явилась основой и для другого его труда для детей «АБВ, о помощи ближнему и неругании бранных слов».

Ему хотелось каждого арестанта снабдить нравственным руководством. Это маленькая книжка, формата с $\frac{1}{4}$ листа А₄, была напечатана в огромном количестве экземпляров. «В прочувственных выражениях, - пишет Кони, - убеждает автор читателя не предаваться гневу, не злословить, не смеяться над несчастными ближнего и не глумиться над его уродствами, а главное – не лгать. Книжка, проникнутая чувством искренней любви к людям, чуждая громких

фраз, изложенная вполне удобопонятно и просто, но без всякой искусственной подделки под народное понимание – высокомерие которой обыкновенно бывает равносильно незнанию народа, который берется поучать – заключается, как общим выводом и вместе заветом, словами Апостола: «умоляю вас братия, вразумляйте беспорядочных, утешайте малодушных, поддерживайте слабых – терпеливы будьте ко всем...».

Книжка начинается 18 текстами из Евангелия и апостольских посланий, проповедующих христианскую любовь, мир, телесную чистоту, кротость и прощение. Далее Гааз пишет, что истинный христианин ласков со всеми, кроток со строптивыми, любит и не любящих. Нельзя произносить бранных слов. Употребление бранных слов показывает в нас недостаток терпения, а терпение служит выражением и мерою нашей любви к ближнему.

«Бранными словами, - пишет Гааз, - ни исправить, ни вразумить прочно и верно никого нельзя, они большей частью выражение нашего собственного гнева и обнаруживают только слабость нашего характера, показывая, что мы не можем владеть своими страстями».

Далее Гааз предлагает, что, если кто-то все-таки скажет бранное слово «откладывать или записывать на себя какую-либо сумму денег... и употреблять их на какое-нибудь доброе дело».

Затем Гааз призывает: «Привыкай никогда не лгать». «Если произнесешь ложь нечаянно, то исправь ее как только сможешь. Если ложь твоя причинит кому-то вред, почитай это таким же тяжким грехом как воровство и немедленно постарайся загладить нанесенный вред».

Далее в этой книжке шли рассказы из жизни и истории, советы и наставления. Гааз горячо убеждал не предаваться гневу, не смеяться над другими людьми, не злословить, не лгать.

Он сделал небольшие сумочки, которые вешались на шею каждому и туда клались эти книжечки.

Книжка Гааза заканчивалась словами: «Итак, уповая на всемогущую помощь Божию, от души обещаюсь во всех моих отношениях к ближним памятовать, яко правило, наставление св. Апостола Павла: «Братия! Если и впадет человек в какое согрешение, исправляйте его в духе кротости, но смотрите и за собою, чтобы не впасть в искушение; носите бремена один другого и таким образом исполняйте закон Христов.

В твердом намерении исполнять сии правила, т.е.: 1) не употреблять бранных слов; 2) никого не осуждать; 3) не лгать и 4) соблюдать упомянутое наставление Апостола для сильнейшего впечатления в душе своей... подписуюсь...».

Дальше шла чистая полустраница, на которой при раздаче книжек умевшие писать ставили свои фамилии, а умевшие только читать ставили три креста. И таким образом, книжке этой придавался характер какого-то договора, нарушать который эти люди считали и стыдно и грешно. Это был наивный способ, придуманный Гаазом для отвращения арестантов от дурных наклонностей. Это было свидетельство трогательной веры Федора Петровича в лучшие стороны человеческой природы и доверия его к способности простого человека к нравственному возрождению.

Книжка эта проникнута чувством искренней любви к людям.

Помимо духовного назидания, необходимого для будущего арестанта, Гааз видел, что нередко арестанты нуждаются и в настоящем в религиозном утешении. Через Москву в большом количестве шли и иноверцы, и Гааз стремился дать им возможность в Москве услышать слова утешения от духовного лица своей веры, иногда задерживал для этого их отправление по этапу «дабы они укрепились сердечно пред вступлением в новую для них жизнь».

«Была еще одна категория людей, душевное состояние которых очень беспокоило Гааза, - пишет Кони, - это были приговоренные к «торговой казни»

(то есть к наказанию плетью). Его беспокоило их отчаяние и мрачное озлобление в ожидании предстоящего истязания опытной и тяжелой рукою палача. Он выписал в 1847 году, на отдельных листках, из Фомы Кемпийского («О подражании Христу», III, 29) молитву и дал ее нескольким арестантам, очень волновавшимся пред предстоящею торговою казнью. По замечанию директора комитета Фонвизина, чтение этой молитвы благотворно и успокоительно подействовало на трех из этих арестантов – и Гааз тотчас же стал настаивать в комитете на том, чтобы эту молитву напечатать на особых листах для раздачи в губернском тюремном замке. Он встретил возражения со стороны митрополита Филарета. «Молитва эта, - объяснял московский владыка, как записано в журналах комитета, - есть изложение слов Христовых, читаемых в евангелии от Иоанна (XII, 28), но прилично ли молитву Спасителя пред крестным страданием приложить к преступнику пред наказанием его»? Впрочем, не отрицая, что «молитва сия могла оказать действие по вере и любви давшего ее, - коего и надобно просить, чтобы он не прекращал своего христианского действия, - и по действию послушания принявших ее, в чем также есть уже некоторая степень веры», - Филарет предложил заменить предложенную Гаазом молитву вновь составленною молитвою заключенного в темнице, одоблив также и молитву Ефрема Сирина, что и было принято комитетом, с признательностью, к исполнению. Обе молитвы были напечатаны на 600 листах для раздачи в местах заключения, и добрая цель Гааза... была достигнута».

Гааз требовал от всех своих сотрудников, чтоб между ними никогда не произносилось слово «милость». Он говорил, что многие благотворители посещают этих обездоленных людей из милости. Но все сотрудники тюрем, тюремной и пересыльной больниц, пересыльных этапов общаются с этими обездоленными людьми не из «милости», а по долгу.

В 1851 г. сенатор Арцимович, бывший в свите сенатора Анненкова, ревизовавшего Западную Сибирь, рассказывал, что он перед возвращением в Петербург ненадолго остановился в Москве. Далеко за полночь он вернулся от знакомых и уже ложился спать, когда к нему постучали, и вошел запыхавшийся Гааз. Быстро покончив с извинениями в том, что потревожил своим приходом так поздно, пришедший сел на край кровати удивленного Арцимовича, взял его за руку и, взглянув ему в глаза доверчивым взглядом, сказал «вы, ведь, видели их в разных местах, - ну, как им там! Не очень ли им там тяжело? Ну, что им там особенно нужно?.. извините меня, но мне их так жалко!..» И растроганный Арцимович почти до утра рассказывал своему необычному посетителю о них – и отвечал на его расспросы.

Председатель Петербургского тюремного комитета Лебедев, изучавший историю жизни Гааза и написавший о нем труд «Федор Петрович Гааз», утверждает в этом труде: «Гааз, в двадцать четыре года своей деятельности, успел сделать переворот в нашем тюремном деле. Найдя тюрьмы наши в Москве в состоянии вертепов разврата и уничижения человечества, Гааз не только бросил на эту почву первые семена преобразований, но успел довести до конца некоторые из своих начинаний, и сделал один, и не имея никакой власти, кроме силы убеждения, более, чем после него все комитеты и лица власть имевшие».

В его жизни было происшествие, ставшее легендой.

А.Ф. Кони так описывает это событие: «В морозную зимнюю ночь он должен был отправиться к бедняку-больному. Не имев терпения дожидаться своего старого и кропотливого кучера Егора и не встретив извозчика, он шел торопливо, когда был остановлен, в глухом и темном переулке, несколькими грабителями, взявшимися за его старую волчью шубу, надетую, по его обычаю, «в накидку». Ссылаясь на холод и старость, Гааз просил оставить ему шубу, говоря, что он может простудиться и умереть, а у него на руках много больных

и притом бедных, которым нужна его помощь. Ответ грабителей и их дальнейшие, внушительные угрозы, понятны. «Если вам так плохо, что вы пошли на такое дело, - сказал им тогда старик, - то придите за шубой ко мне, я велю ее вам отдать или прислать, если скажете – куда, - не бойтесь меня, я вас не выдам, - зовут меня доктором Гаазом и живу я в больнице, в Малом Казенном переулке..., а теперь пустите меня, мне надо к больному...» - «Батюшка, Федор Петрович! – отвечали ему неожиданные собеседники, - да ты бы так и сказал, кто ты! Да кто ж тебя тронет, - да иди себе с Богом! Если позволишь, мы тебя проводим...».

Потом они служили у Гааза в больнице – двое рабочими, а один истопником.

Простые люди Москвы знали и любили Гааза, не напрасно в народе ходила поговорка: «У Гааза нет отказа».

Сегодняшние арестанты, имеющие опыт современной тюремной медицины, старую присказку переиначили: «...От гаазы нету мазы» (т.е. шанса, возможности, поддержки, надежды).

Когда молодой доктор Жизневский приехал в Москву и нанимал извозчика, сказал, чтобы он отвез его в полицейскую больницу. Тот поправил: «Это значит в гаазовскую». – «А ты разве знаешь доктора Гааза»? – «Да как же не знать доктора Федора Петровича, его вся Москва знает. Он помогает бедным и тюрьмами заведует...», - отвечал ему извозчик.

«Как и следовало ожидать, вмешательство Гааза, его распоряжения вызывали против него массу нареканий, - пишет Кони, - к генерал-губернатору и в комитет постоянно с разных сторон поступали жалобы на произвольные действия как врача, слишком смело шагавшего за рамки устава о ссыльных и слишком горячо и настойчиво отстаивавшего присвоенные им себе права. Ранее всех и, пожалуй, сильнее всех ополчился на него генерал Капцевич. «Арестант просит не отправлять его с партией, ибо он ожидает жену или брата, с которыми хочет проститься, - и г-н Гааз оставляет его, а между тем батальонным командиром уже бумаги о сем арестанте изготовлены; оставляя при осмотре многих отправляющихся ссыльных по просьбам весьма неуважительным, доктор Гааз заставляет конвойных в полной походной амуниции ожидать сего осмотра, или разбора просьб, или прощаний его с отсылающимися преступниками; начальник же команды, сделавший расчет кормовым деньгам и составивший список отправляемым, вынужден все это переделывать . . . и конвойные и арестанты, собравшиеся уже к походу, теряют напрасно время на Воробьевых горах и прибывают на ночлег поздно, изнуренные ожиданием и переходом».

Так писал негодующий Капцевич, доказывая, что Гааз вреден, возбуждая своею неуместною филантропией развращенных арестантов к ропоту...».

«Любовь у Гааза, - пишет профессор И.Т. Тарасов, в вышедшей о Гаазе в 1909 г. книге, - была святая, безграничная и всеобъемлющая и она разливалась, как свет, на сотни тысяч несчастных и болящих людей, проходивших через его руки. Всякой жестокости, всякой неправде он всю свою жизнь сопротивлялся всей силой любви своей, и той силы было достаточно, чтобы человек без громкого имени, без связей, без влиятельного служебного положения, без средств, ибо все они без остатка ушли на помощь ближним, выходил полным победителем в таких делах, в которых нередко и сильные мира сего терпят неудачу и поражения».

«Подобно Диккенсу Гааз считал, что «мудрость любви есть величайшая мудрость, какая только была когда-либо известна на земле» и считал, что «всякое великое дело совершается путем любви и непоколебимой веры в торжество правды» (А.Ф. Кони).

«ГААЗОВСКАЯ» ПОЛИЦЕЙСКАЯ БОЛЬНИЦА

Приказ о переустройстве «Полицейской больницы в Малоказенном переулке», подписанный генерал-губернатором после доклада и по просьбе доктора Гааза в марте 1844 года, был последним добрым делом князя Голицына. 27 марта он умер.

8 мая 1845 г., исключительно благодаря заботам Гааза, открыта больница для бесприютных. По этому поводу он пишет: «когда в 1844 году родилась нужда перевести из Екатерининской больницы оставшихся там бесприютных больных и найти прибежище на будущее время такого рода нуждающимся больным, то оказалось чрезвычайно счастливо и как особенное Провидение Божие приготовило сей случай, что сей дом находился у начальника города и мог быть назначен на сей предмет». Несомненно и день 8 мая 1845 г. был тоже один из счастливейших в жизни Федора Петровича.

В 1844 году больные арестанты были окончательно переведены из Старо-Екатерининской больницы в новую клинику, открытую доктором Гаазом на собственные средства в Малом Казенном переулке близ Земляного Вала. Эта клиника получила потом название Полицейской больницы им. императора Александра III. Ее домовая церковь тоже была освящена во имя иконы "Целительницы", и это в то время, когда в самой Старо-Екатерининской больнице такой церкви еще не существовало.

В мае состоялось открытие новой лечебницы. Официально она стала называться «Полицейская больница для бесприютных».

Исторически усадьба сформировалась на территории Земляного города (в границах Садового кольца) на месте тяглых дворов Казённой слободы XVII века.

Первым известным хозяином строений был купец И.И.Иванов, владелец кирпичного завода, продукция которого немало способствовала изменению деревянного облика первопрестольной столицы на каменный. В 1735-1747 гг. купцу И.И.Иванову принадлежала территория, на которой располагался кирпичный завод и имелись каменные постройки.

С 1751 по 1783 гг. усадьба находилась во владении генерал-майора И.И.Дивова, а потом его детей. В это время был построен первоначальный двухэтажный объём главного дома. В 1783 году усадьбу приобрёл генерал-майор В.С.Нарышкин. В 80-х годах XVIII столетия главный дом был надстроен до трех этажей и перестроен в классическом стиле.

В 1816 году владение было приобретено генерал-майором П.Н.Ивашёвым. Летом 1817 года в саду усадьбы генерал-майора Ивашева забил водяной ключ. Вызванные сюда видные ученые университета — химик Ф. Ф. Рейс, естествоиспытатель Г. И. Фишер фон Вальдгейм и фармаколог В. М. Котельницкий (дед будущего писателя Ф. М. Достоевского) установили большую лечебную ценность родника, вода которого напоминала по своим свойствам минеральные воды целебных германских источников.

Хозяин владения генерал-майор Ивашев, сподвижник и друг знаменитого Суворова, бесстрашный участник легендарных штурмов Очакова и Измаила, решил немедленно передать владение с домом, садом, источником и с устроенными пробными ваннами городским властям для организации здесь больницы, чтобы лечить “страждущих.., военнослужащих и бедных”.

Но по прошествии нескольких лет целебный источник исчез так же внезапно, как появился. Высох в саду и большой пруд.

В этом доме 23 января 1826 года был арестован его сын декабрист Василий Петрович Ивашёв. Здесь же в 1830-1831 гг. жила его будущая жена, француженка Камилла Ле-Дантю. Супруги обвенчались и умерли в Туринске. Романтическая и самоотверженная любовь этих двух людей стала основой для одной из сюжетных линий известного кинофильма «Звезда пленительного счастья».

**Генерал-майор
Пётр Никифорович Ивашев**

Декабрист Василий (Базиль) Петрович Ивашев

Декабрист Василий Ивашев родился 3 октября 1797 года.

В 1815 г. после окончания Пажеского корпуса он был направлен в кавалергардский полк. Офицеры жили республиканскими идеями, критиковали порядки в стране. Здесь служили П. И. Пестель, С. Н. Волконский и другие передовые люди. Огромное идейное влияние оказал на него Петербургский период жизни подготовивший Василия Петровича к вступлению в тайные организации. В 1819 году Ивашев был направлен во II Южную армию адъютантом главнокомандующего армии Витгенштейна. Штаб армии находился в украинском городе Тульчине. Там он встретился с Басаргиным, Пестелем, Фонвизинным. В. П. Ивашев стал членом «Союза благоденствия» и вошёл в состав ядра тульчинской группы общества, возглавляемой П. И. Пестелем. Ивашев разделяет взгляды Пестеля об уничтожении крепостного права, свержении самодержавия и установлении республики.

Полковник Пестель был для Ивашева соратником по борьбе, и другом. В. П. Ивашев стал свидетелем создания знаменитого документа декабристов «Русской правды» и был первым её читателем.

В 1821 г. было создано «Южное общество». Его возглавили: Пестель, Юшневский, Муравьев-Апостол. В Совет из 9 человек входил и Ивашев. На первых заседаниях общества, главный директор П. И. Пестель предложил добиваться республиканской формы правления, и крайние меры вплоть до царубийства. Ивашев находился среди шести членов Совета, голосовавших за это предложение. Участие в этом заседании стало главным пунктом его обвинения.

Восстание 14 декабря 1825 г. застало Ивашева дома, в Ундорах, где он находился в длительном отпуске. Узнав о происшествии, В. П. Ивашев немедленно отбыл в полк, но был арестован в Москве, отправлен в Петербург и заключён в Петропавловскую крепость. Верховный суд приговорил его к

пожизненной ссылке на каторжные работы.

При утверждении приговора царь смягчил его, Ивашев был присуждён к лишению дворянства, чинов и 20 годам каторжных работ. Каторгу Ивашев отбыл в Чите, а после окончания срока был сослан с женой в Туринск Тамбовской губернии.

Камилла де Дантю

Будучи моложе предмета своей любви на 11 лет, дочь гувернантки дома Камилла де Дантю глубоко и с детства тайно любила Базиля Ивашева. После неожиданного для всех его ареста она тяжело заболела и только тогда призналась своей матери в любви.

За разрешением на брак необходимо было обращаться к самому императору. В 1828 г. разрешение получено. В 1830-31 гг. Камилла жила в доме своего будущего свекра, затем отбыла в Сибирь. 1831 г состоялась их свадьба, венчание прошло в церкви Петровского завода. Посаженной матерью была Мария Волконская, посаженным отцом - комендант Петровской тюрьмы генерал-майор Станислав Романович Лепарский.

Камилла родила Базилю троих детей, но в 1839 году уже живя в г. Туринске Екатеринбургской губернии, куда они с мужем после окончания срока каторги были определены на жительство и будучи беременной четвертым ребенком, умерла от простуды.

Мы рискуем выдвинуть предположение, что тайной причиной покупки Гаазом именно этого дома было неразделенное платоническое чувство к этой

женщине в память о ней. Именно любовью к ней он руководствовался, творя милосердие к ссыльным каторжанам, любовью к Богу стараясь облегчить и ее страдания в сибирской ссылке.

С 1832 года судьба здания тесно связана с медициной и здравоохранением. В этот год усадьба была приобретена казной для Ортопедического института - первого подобного лечебного учреждения в России.

В 1844 году усадьба передана Попечительскому о тюрьмах Комитету для размещения Полицейской больницы, основанной доктором Ф.П.Гаазом. В Главном доме усадьбы Ф.П.Гааз работал и жил со дня основания больницы и вплоть до смерти в 1853 году.

Рабочий стол Ф.П.Гааза

Далее уже через много лет после смерти Гааза 1883 году строение было передано Московскому генерал-губернатору для больницы имени Императора Александра III, при которой в 1891 году была открыта первая в России Пастеровская станция для лечения от бешенства.

Враги Гааза негодовали, что он не только осматривает и лечит больных, но и разговаривает со здоровыми преступниками, участливо расспрашивает их, выслушивает жалобы, наблюдает за тем, как их заковывают, мешает кузнецам, а когда партия уходит в этап при прощании даже целуется с преступниками.

«Деятельность Гааза по отношению к больному ничем не отличалась от его деятельности по отношению к преступному и к несчастному человеку. И в области прямого призвания и служебных обязанностей отзывчивое сердце Федора Петровича, полное возвышенного беспокойства о людях, давало себя чувствовать на каждом шагу», - пишет Кони.

С 1838 по 1854 г.г. в тюремных больницах числилось больных 31 142 человека; в лазаретах пересыльной тюрьмы – 12 673.

Тюремное начальство, полицейские, распорядившиеся конвоями видели в Гаазе «затейливого и придирчивого чудака», помогавшего «всякой сволочи» - арестантам, бродягам, нищим и мешавшего их «нормальной» работе.

Гааз не успевал дать объяснения по поводу одного доноса, как его опять вызывали к губернатору по поводу новой жалобы на него. Генерал Капцевич даже настойчиво убеждал общество и комитет попечительства о тюрьмах отстранить доктора Гааза от работы с арестантами «ибо он не только бесполезен, но даже вреден, возбуждая своею неуместной филантропией развращенных арестантов к ропоту».

А.Ф. Кони пишет: «Постоянно разъезжая по Москве, встречаясь с бедностью, недугами и несчастиями лицом к лицу, Гааз наталкивался иногда на обессиленных нуждою или болезнью, упавших от изнеможения где-нибудь на

улице и рискующих, под видом «мертвецки пьяных», быть отправленными на «съезжую» ближайшей полицейской части, где средства для распознавания и лечения болезней в то время совершенно отсутствовали, а средства «для вытрезвления» отличались простотою и решительностью. Он забирал таких несчастных в свою пролетку и вез в одну из немногочисленных больниц Москвы. Но там часто не было места, или больной почему-либо не подходил под специальное назначение той или другой больницы. Крайне тревожимый этими случаями, Гааз рядом письменных представлений и личных просьб добился от Голицына распоряжения о том, чтобы, в случае непринятия больницею заболевших бесприютных, полиция присылала их для помещения на свободные от арестантов места временной лечебницы в Мало-Казенном переулке. Здесь у Гааза место всегда находилось. При лечебнице этой была маленькая квартира из двух комнат, в которой жил Гааз и, когда в лечебнице не было места, а поступали новые больные, он клал их в своей квартире и ухаживал за ними неустанно...

Наконец, пристройка к тюремному лазарету была окончена и освящена. В нее перевели арестантов из Мало-Казенного переулка – и в лечебнице оказались лишь бесприютные, не предусмотренные ни в каком уставе и не подлежащие ведению тюремного комитета. В комитете начали подниматься голоса против этой лечебницы – и ей стало грозить уничтожение. Но Гааз решился всеми силами поддержать жизнь своего детища. Получая, в качестве старшего врача больницы, всего 285 руб. 72 коп. в год, он добывал средства от богатых купцов, чтобы ничего не требовать от казны на ремонт; сражался с комитетом, переписывался с обер-полицеймейстром, под начальство которого перешла лечебница, умолял нового генерал-губернатора, князя Щербатова, сохранить учреждение, которому симпатизировал его предшественник, - и добился того, что «полицейская больница» была признана постоянным учреждением для приема больных, поступающих на попечение полиции «по

внезапным случаям, для пользования и начального подания бесплатной помощи». К таким больным были отнесены люди, поднимаемые на улице в бесчувственном виде, не имеющие узаконенных видов, ушибленные, укушенные, отравленные, обожженные и т.д. В ней было положено 150 кроватей, и на каждого из больных и умерших стала отпускаться определенная, очень небольшая сумма. Но население Москвы росло, число бесприютных больных увеличивалось, слава «Гаазовской больницы» проникала в народ, отказывать в приеме Гааз был не в силах, и вскоре число больных, находивших себе кров и уход, тепло и помощь, стало превышать установленную норму чуть не вдвое. Началась тягостная переписка с комитетом и разным другим начальством, требование объяснений и отчетов во всякой мелочи, пошло производство начетов...

Снова стали раздаваться обычные обвинения против Федора Петровича в нарушении порядка и в его переходящей здравые и законные границы «филантропии», не желающей ничего знать, кроме своих излюбленных больных – босоногих бродяг и оборванцев.

Гааз старался отмалчиваться или давал объяснения, признаваемые «явно неудовлетворительными», но числа больных все-таки не сокращал. Между служившими при нем и вскоре после него в полицейской больнице сохранился рассказ о том, что выведенный из себя жалобами на постоянные переборы, делаемые им против высшего предела расходов на полный комплект больных, князь Щербатов призвал его к себе и, горячо упрекая, требовал сокращения числа больных до нормы. Старик молчал, поникнув головою . . . Но, когда последовало категорическое приказание не сметь принимать новых больных, пока число их не окажется менее 150-ти, - он вдруг тяжело опустился на колени и, ничего не говоря, заплакал горькими слезами. Князь Щербатов увидел, что его требование превышает силы старика, - сам растрогался и бросился поднимать Федора Петровича. Больше о больнице не было и речи до самой

смерти Гааза. Гааз выплакал себе право неограниченного приема больных», - писал А.Ф. Кони.

Эта больница стала называться Полицейской, однако, в народе она была известна как Гаазовская больница. С момента открытия больницы до смерти Гааза в ней перебивало до 30 000 больных, из них выздоровело около 21 000.

Гааз постоянно разъезжал по Москве, подбирая бездомных, больных, упавших от изнеможения людей и приводил их в Полицейскую больницу. Гааз добился распоряжения генерал-губернатора о том, чтобы и полиция, подбирая таких людей, приводила их в Полицейскую больницу.

Начальство больницы занималось не только чисто лечебными вопросами – престарелых устраивали в богадельни, хлопотали об отправлении крестьян на родину, о снабжении выписывающихся одеждой и деньгами, о получении больным паспортов, о помещении рожденных в больнице детей в воспитательный дом, осиротевших детей на воспитание к людям.

В больницах, где он работал, Гааз завел строгие порядки: при принятии на работу он брал с сотрудников подписку о воздержании от вина и в случае употребления крепких напитков требовал штраф в размере дневного жалования. Позднее в 1838 г. комитет, получая жалобы на взыскание Гаазом таких штрафов, запретил впредь введенные Гаазом подписки.

На службе Гааз требовал неуклонного соблюдения пяти правил: 1) всякому человеку дать ответ на его вопрос обстоятельно и чистосердечно 2) ежели, что обещал, то обязательно исполнить 3) стараться исполнять все правила, изложенные в его книжке «Азбука христианского благонравия» 4) не употреблять крепкие напитки 5) стараться и других убедить в необходимости соблюдения этих правил.

Широко практиковалась им система штрафов за ложь, неаккуратность, небрежность, грубость.

В полицейской больнице им была заведена кружка, в которую любой в наказание за ложь должен был класть деньги (для служащих больницы – свое дневное жалование). При принятии на службу это объявлялось вновь принимаемому и всегда строго выполнялось. Это распространялось и на посторонних и применялось и в тюремной больнице. Когда однажды император усомнился в правильности диагноза, поставленного Гаазом нескольким пересыльным, из-за которого он считал нужным задержать их в Москве и направил своего врача осмотреть их, тот не нашел, что они больны. Гааз настоял на повторном осмотре и при более тщательном осмотре его диагноз был подтвержден. Пересыльные были задержаны в Москве для долечивания. Уходя, этот врач извинился перед Гаазом, в ответ, на что Гааз протянул ему кружку для денежного штрафа.

Иногда, собрав несколько таких штрафов, Гааз не опускал их в кружку, а тихонько клал под подушку какого-нибудь больного, которому предстояла скорая выписка.

Обычно из кружки деньги высыпались раз в месяц и распределялись в присутствии ординаторов и надзирательниц, между наиболее нуждавшимся выздоровевшими больными и семействами еще находившихся на излечении или приходившими в амбулаторию, где заседал Федор Петрович, окончив обход больницы...

Система денежных штрафов в кружку, откуда они шли на благотворительные цели, практиковалась Гаазом широко. Они накладывались также за неаккуратность, небрежность, грубость.

А.Ф. Кони описывает случай, когда одному из друзей Гааза пришлось присутствовать при взыскании такого штрафа. В Гаазовской больнице во время оригинального суда над сиделкою, заподозренною в краже. Разбирательство происходило в присутствии всех служащих в больнице. Гааз внимательно выслушивал оправдания, подробно расспрашивал свидетелей, попутно

штрафовал некоторых из них – и, между прочим, самого себя, за отсутствие надлежащей заботы об ограждении служащих от похищения у них вещей. Подозрения в краже в данном случае не подтвердились.

Самые различные люди, попадавшие в Гаазовскую больницу, с восторженной благодарностью относились к Федору Петровичу.

«Врачуя их тело, Гааз умел утешать и их упавший или озлобленный дух, возродив в них веру в возможность добра на земле. Описывая свое посещение Гаазовской больницы, один из его друзей говорил, что видел там несчастную француженку-гувернантку, сошедшую с ума от горя, вследствие павшего на нее, без всякого основания, подозрения в домашней краже. Она была постоянно беспокойна и часто впадала в бешенство, сопровождаемое ужасными проклятиями. Но стоило ей увидеть Федора Петровича, как она тотчас утихала, становилась кроткою и радостно шла на его зов. Старик гладил ей волосы, говорил ей с участием несколько ласковых слов – и на недавно еще мрачно-изступленном лице злополучной жертвы клеветы начинала играть улыбка душевного спокойствия...», - пишет Кони.

Об отношении Гааза к больным директор клиник Московского университета проф. Новицкий рассказывал: «Как дежурному по клинике ассистенту, мне пришлось принять один раз в Екатерининской больнице, где клиники находились, Федора Петровича и представить ему поступившую туда чрезвычайно интересную больную – крестьянскую девочку. Одиннадцатилетняя мученица эта поражена была на лице редким и жестоким болезненным процессом, известным под именем водяного рака, который в течение 4-5 дней уничтожил целую половину ее лица, вместе со скелетом носа и одним глазом. Кроме быстроты течения и жестокости испытываемых девочкой болей, случай этот отличался еще тем, что разрушенные омертвением ткани, разлагаясь, распространяли такое зловоние, подобно которому я не обонял затем в течение моей почти 40-летней врачебной деятельности. Ни врачи, ни

фельдшера, ни прислуга, ни даже находившаяся при больной девочке и нежно любившая ее мать не могли долго оставаться не только у постели, но даже в комнате, где лежала несчастная страдальца. Один Федор Петрович, приведенный мною к больной девочке, пробыл при ней более трех часов кряду и потом, сидя на ее кровати, обнимал ее, целуя и благословляя. Такие посещения повторялись и в следующие дни, а на третий – девочка скончалась...» (А.Ф. Кони).

Гааз был первым, кто еще в XIX в. ввёл женский персонал в больницы и заложил основы женского диаконического служения. После смерти Гааза его детище — Полицейская больница для бесприютных — стала школой для многих женщин, избравших путь сестры милосердия и посвятивших свою жизнь спасению людей.

Именно в этой больнице у доктора Гааза получали первые уроки самоотверженного служения страждущим сестры из организованной княгиней Натальей Борисовной Шаховской, княгиней Н.Б.Трубецкой, княжной М.М.Дондуковой-Корсаковой и другими Городской общины сестер милосердия «Утоли моя печали». ЗДЕСЬ

В 1910 г. Полицейская (гаазовская) больница, была переименована в больницу имени Александра III, и с тех пор стала называться «Александровкой». Сестры из «Александровки» жили в одноэтажном доме (№5), вытянутом вдоль Малого Казенного переуллка, и долго сохраняли «общинный» порядок проживания. Хотя они жили в отдельных комнатах, у них был общий стол и прислуга. В основном, в доме проживали сестры, в свое время окончившие курсы общины сестер милосердия «Утоли моя печали» имени княгини Н.Б. Шаховской.

Следует отметить, что порядки в заведении были весьма строгими. Члены общины должны были полностью посвятить себя служению страждущим, и те сестры, которые выходили замуж, теряли право быть в ее рядах.

АРЕСТАНТЫ ДОЛГОВОЙ ЯМЫ

Была еще одна категория несчастных людей – арестанты долговой тюрьмы, содержащиеся в так называемой «Яме», месте содержания должников, которая находилась ниже уровня площади. А.Ф. Кони так описывает эту «Яму»: «Внутри здания губернских присутственных мест, на Воскресенской площади, рядом с Иверскою часовнею, на месте нынешней городской думы, помещалась знаменитая «Яма». Так называлась долговая тюрьма, место содержания неисправных должников, находившееся ниже уровня площади. Здесь, в разлуке с семьею, в принудительном сообществе случайных сотоварищей по заключению, в вынужденном бездействии, содержались неисправные должники, относительно которых угроза кредиторов «посадить в Яму» была фактически осуществляема представлением «кормовых денег». Население «Ямы» было довольно пестрое: в ней, как видно из замечаний сенатора Озерова, сделанных еще в 1829 году, содержались также дворовые люди, присланные помещиками «в наказание», и очень стесняли других жильцов «Ямы». Единство и равенство в способах надзора и размерах ограничения личной свободы существовало только на бумаге.

Среди этого населения была группа совершенно своеобразных должников. Это были бывшие арестанты, отбывшие свои сроки наказания в тюрьме, рабочем и смирительном домах, но имевшие несчастье заболеть во время своего содержания под стражею. Их лечили в старой Екатерининской больнице и стоимость лечения, по особому росписанию, вносили в счет. Когда наступал день окончания срока заключения, освобождаемому предъявляли этот счет, иногда очень крупный, если тюрьма, при своих гигиенических порядках, наградила его недугами, требовавшими продолжительного лечения.

Обыкновенно у освобождаемого, который почти при полном отсутствии правильно организованных работ в месте заключения, часто выходил из него «гол как сокол», не было средств уплатить по счету, и его переводили в «Яму», зачисляя должником казны. Срок пребывания в «Яме» сообразовался с размером недоимки... Несомненно, что такие «неисправные должники» чувствовали на себе, и в нравственном, и в материальном отношении, тяжесть сидения в «Яме», - после промелькнувшей пред ними возможности свободы, - с особою силою. Самое пребывание их в ней звучало для них горькою ирониею. Заслужив себе свободу иногда несколькими годами заключения за преступление, они лишались ее вновь за новую вину, избежать которой было не в их власти: - они позволяли себе быть больными!

Впрочем из рассмотрения дел московского тюремного комитета оказывается, что содержание в «Яме» являлось привилегией особо избранных, а крестьяне и, в особенности, крестьянки оставались «на высидке до уплаты долга приказу общественного призрения» там же, где содержались по приговору суда, причем, в случае особой болезненности арестантки или хронического у нее недуга, лишение свободы грозило продлиться все ее жизнь.

Так, из донесений Гааза комитету видно, что в июле 1830 г. в московском тюремном замке содержалась крестьянка Дарья Ильина за неплатеж 30 рублей, издержанных на ее лечение, - а в сентябре в тот же замок посажена даже не арестантка, судившаяся и отбывшая наказание, а бывшая крепостная помещика Цветкова, Матрена Ивановна. Она была поднята на улице в болезненном состоянии «от чрезмерного кровотечения» и отправлена в Екатерининскую больницу, пробыв в которой семь месяцев, вернулась к помещику со счетом за лечение. Но он предпочел дать ей вольную. С этого времени она стала должницею приказа общественного призрения и без дальних околичностей была посажена в тюрьму «впредь до удовлетворения претензии».

– «Неизвестное благотворительное лицо» выкупило ее, чрез посредство Гааза»,
- пишет А.Ф. Кони.

На этих должников Гааз обратил особое внимание и с 1830 г. стал хлопотать об организации «искупления должников».

Он сам внес в комитет небольшой капитал, сюда же благодаря ему стали поступать пожертвования, особую сумму отпускал ежегодно комитет и так был образован некоторый денежный фонд для выкупа несостоятельных должников, содержащихся в долговой тюрьме за недоимки.

По предложению Гааза комитет постановил ежегодно в день кончины императора Александра I, основателя попечительного о тюрьмах общества, выкупать подобных должников. Причем Гааз сам следил за тем, чтобы недоимки начислялись правильно, постоянно препирался по этим вопросам с тюремным начальством и присяжными попечителями.

Беспокоила его и проблема семей должника. Семья такого должника лишалась кормильца.

В 1832 г. по почину Гаазу и при участии одного из выдающихся директоров комитета Львова, комитет постановил из своих сумм, выделять деньги на помощь семействам должников.

ЗАБОТЫ О ДЕТЯХ

Разлучить с ссылаемым крепостным жену помещик не имел право, однако решение взять им с собой детей – мальчиков старше 5 лет и девочек старше 10 лет зависело от хозяина, и, конечно, чем старше были дети, становящиеся рабочей силой, тем труднее было получить для них это разрешение.

Гааз хлопотал за этих людей, много представлял ходатайств помещикам для разрешения детям ссылаемых крепостных ехать в Сибирь за родителями. В

журналах тюремного комитета имеется 217 ходатайств Гааза такого рода. В ряде случаев, когда помещики отказывались отпускать детей, Гааз выкупал их от имени одного «благотворительного лица», чаще всего видимо этим лицом он был сам. С 1840 г. ему в этом стал помогать Ф.В. Самарин, который принял на себя пожизненное обязательство вносить ежегодно 2 400 руб. ассигнациями в комитет для помощи женам с детьми, сопровождающим в ссылку мужей.

Гааз любыми способами пытался облегчить участь крепостных, подвергнутых наказанием помещиков. Он пытался найти правильное толкование статей закона, когда они не всегда были ясно сформулированы и толковать их в пользу крепостных. Так, помещики имели право ссылать своих крепостных в Сибирь, но были случаи, когда помещики делали это в порыве гнева, а потом хотели отменить это свое наказание.

В статье же, дававшей им это право, не ясно было указано, когда они могут просить о возвращении сосланных ими людей. Поэтому толковалась эта статья закона различно – так московские губернские прокуроры считали, что момент отправки ссылаемого из губернского города помещика закрывает всякую возможность ходатайства о его возвращении, другие считали, что такое ходатайство невозможно, когда ссылаемый поступает в ведение чинов отдельного корпуса внутренней стражи и о нем посылается уведомление в тобольский приказ о ссыльных.

Гааз же доказывал, что местом приведения в исполнение определения губернского правления, состоявшегося по требованию помещика, следует считать Сибирь и соответственно помещик имеет право возвратить крепостного во все время следования его по России и Сибири до прибытия в место ссылки.

Этот вопрос был поднят Гаазом, когда один орловский помещик просил вернуть ему из московской пересыльной тюрьмы сосланного им в Сибирь дворового, а комитет отказал ему в этом. Гааз писал много ходатайств по этому случаю, прибегал к грамматическим и логическим толкованиям

соответствующей статьи закона. Он писал, что «сим помещик может предупреждать преступления между крепостными людьми, а именно способом действия на нравственность своих людей правом помилования». Много сил и времени потратил Гааз, пытаясь доказать свою правоту, но в данном случае его ходатайство не было уважено комитетом.

Более успешными были его хлопоты по делам детей крепостных.

«Журналы тюремного комитета, - пишет А.Ф. Кони, - полны его ходатайствами о сношении с помещиками для разрешения детям ссылаемых крепостных следовать в Сибирь за родителями. Со свойственным ему своеобразным красноречием рисует он перед комитетом тяжкое положение матерей, настойчиво взывая о заступничестве комитета за драгоценнейшие человеческие права». И горячая, настойчивая просьба Гааза часто трогала членов комитета и они через местных губернаторов связывались с помещицами (поскольку по данным журнала тюремного комитета в трех четвертях всех подобных случаев дело имели именно не с помещиками, а с помещицами).

Так, в 1842 году помещица В-ва ссылает в Сибирь своего крестьянина Михайлова и не разрешает жене его взять с собою никого из 6 человек малолетних детей. Выслушав в пересыльной тюрьме печальную повесть Михайловой, Гааз поднимает тревогу, и г-жа В-ва после неоднократных просьб комитета, постепенно опускает с родителями пять человек детей, в возрасте от 5 до 13 лет, и, наконец, уже в 1844 году, последнюю, Ефимью, 16 лет от роду, за небольшое вознаграждение со стороны «одной благотворительной особы». Но Ефимья, отправленная в Сибирь на средства из «Самаринского капитала», не застаёт уже родителей, умерших еще в 1843 году в Тюмени, и тогда ей посылается из того же капитала еще 200 руб. на обратный путь, вместе с другими сиротами.

Так, в 1847 г. отпущена следовать за мужем, ушедшим в ссылку раньше, крестьянка Феодосья Ильина с четырьмя малолетними детьми. В виду

неизвестности пребывания мужа в Сибири, по особому настоянию Гааза, ей разрешается идти не с партией, и из сумм «Самаринского капитала» рассылается по местным тюремным комитетам на большом сибирском тракте 250 руб. для выдачи, по частям, Ильиной.

Но не один выкуп крепостных детей, для возвращения их родителям, был, по почину Гааза, совершаем московским тюремным комитетом (всего с 1829 по 1853 г.г. выкуплено на свободу на средства комитета и, главным образом, на представленные и собранные Гаазом деньги – семьдесят четыре души.

А.Ф. Кони пишет: «Этот неутомимый заступник за несчастных побуждал иногда комитет к действиям, имевшим в виду устранение тяжелых страданий, не только уже существующих в настоящем, но и предполагаемых в будущем.

Так, например, в 1838 году Гааз сообщал комитету, что содержащийся в тюремном замке «не помнящий родства бродяга Алексеев «случаем чтения Нового Завета, тронутый словом Божиим, смирился силою совести и открыл, что он – беглый дворовый помещика Д., к которому и должен быть ныне отправлен». Опасаясь, однако, что Алексеев будет подвергнут своим владельцем суровым наказаниям, он убеждал комитет принять меры «к умягчению гнева помещика» и о том же, в особой записке, просил местного губернатора, к которому комитет, со своей стороны, постановил препроводить заявление Гааза».

Не знающий домашнего тепла и забот близких, Гааз всем сердцем тянулся к детям. Часто бывал в «своей» школе, принося с собой угощение для малышей, о которых никогда не забывал. Дети, конечно же, платили ему горячей искренней привязанностью и любовью. Они ждали его посещений так, как только могут ждать одинокие и обездоленные. По словам графини С.А. Толстой, дети облепляли Гааза со всех сторон, карабкались к нему на колени,

всячески тормошили. Все это сопровождалось оживленными разговорами и звонким ребячьим смехом. В такие минуты Федор Петрович отвлекался от бесконечных дел и, видимо, отдыхал душой.

Он брал ребенка на руки и, взяв маленькую детскую ручонку, загибал по очереди детские пальчики и говорил при этом, какими чертами должен обладать ребенок – загибая большой палец, говорил – «благочестие», загибая указательный, говорил «благодетель», «вежливость». Дойдя до мизинца, он повторял несколько раз «не лгать, не лгать...»!

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ОДИНОКОЙ ЖИЗНИ

Занимаясь подвижнической деятельностью, Гааз вел одинокую жизнь. Семьи у него не было. 10 лет с ним прожила в России его старшая сестра Вильгемина, однако потом она должна была уехать заниматься осиротевшими племянниками, мать которых умерла.

«Любовь и сострадание живут в сердце каждого! – восклицал Гааз, - зло есть результат лишь ослепления. Я не хочу, я не могу верить, чтобы можно сознательно и хладнокровно причинять людям терзания, заставляющие иногда пережить тысячу смертей до наступления настоящей... «Не ведают, что творят» - святыя и трогательные слова, смягчающие вину одних, несущие утешение другим. Вот почему надо быть прежде всего снисходительным... Способность к такому снисхождению не есть какая-либо добродетель, это – простая справедливость»!

А.Ф. Кони пишет, что чистая, одинокая и целомудренная жизнь его, постоянная подвижная деятельность, большая умеренность в пище и питье долго сохраняли его цветущее здоровье. Несмотря на седьмой десяток, он

оставался бодр и вынослив, и хотя совсем не заботился о здоровье – никогда не бывал серьезно болен.

До конца сороковых годов, хотя Гааз и встречал весьма активное противодействие всем своим начинаниям в тюремном комитете, его поддерживали московские генерал-губернаторы князь Голицын и князь Щербатов, люди больших достоинств. И хотя у них была обширная область их прямой деятельности, отвлекавшая их от тюремного дела, тем не менее они понимали Гааза и прислушивались к нему. Особенно в первые годы существования комитета, когда генерал-губернатором был создатель тюремного комитета в Москве князь Д.В. Голицын, который умел разглядеть в шумливом и беспокойном члене коллегии душу чистую и самоотверженную.

После ухода от дел в конце сороковых годов один из членов комитета, обратившись к беспокойному старику, сказал, что «...он дожидается того, что его не станут приглашать в комитет. – «Я сам приду» - спокойно сказал Гааз. - «Перед вами запрут двери». – «Ну, что ж – я влезу в окно» - ответил на это Гааз».

«Выходки» Гааза нарушали спокойную жизнь чиновников.

Он призывал членов тюремного комитета жить по-божески, он призывал их, чтобы Бог был бы виден во всех их действиях. Но его предложения очень часто приобщались к делу как не заслуживающие внимания. Но в самый последний период его жизни почти все примирились с его «странностями» и «чуждачествами».

«Разнообразные личные воспоминания о нем, - пишет А.Ф. Кони, - дают возможность представить его день и составить более или менее полную картину его привычек, обычаев и образа жизни в последний ее период, - период, когда почти все примирились со «странностями» и «чуждачествами» Федора Петровича, а многие поняли, наконец, какой свет и теплоту заключают в себе эти его свойства».

У Гааза он был крестник и воспитанник, бесприютный сирота еврей Лейб Марков Норшин.

Мальчик был призван из Литвы кантонистом в военное поселение, но по дороге заболел, попал в полицию, откуда Федор Петрович его вытащил, готовил к занятиям, обучал математике, латыни, фармакологии, основам медицинских наук. Николай Агапитович Норшин стал студентом медицины, успешно закончил курс университета, получил звание лекаря, был назначен служить в Рязань.

Гааз вставал всегда в шесть часов утра и, немедленно одевшись в свой традиционный костюм, садился пить, вместо чаю, который он считал для себя слишком роскошным напитком, настой смородинного листа. Если не нужно было ехать на Воробьевы горы, он до восьми часов читал и часто сам изготавливал лекарства для бедных. В восемь начинался прием больных. Их сходилось масса. Советы его были безвозмездны.

«Лекарство, - пишет Кони, - стояло у него на втором плане». Самое главное, по мнению Гааза были забота, сердечное участие, при необходимости горячая защита.

Не возлагая особых надежд на лекарства, он более всего верил в целительную силу условий жизни больного.

Когда к нему за советом обратился один из его друзей, Гааз на рецепте написал: « если тебе нужны врачи, да будут тебе таковыми три средства: веселое расположение духа, отдых и умеренная диета».

Он придавал значение покою и теплу, из внутренних средств чаще употреблял каломель. Но в своих больницах он видел основную силу в человеческом отношении к больному, которое давало ему возможность понять, что он не брошен на произвол судьбы, что он не одинок в мире. Гааз отличался не только пониманием душевных нужд несчастного, но и снисхождением к его житейским потребностям и привычкам.

В конце сороковых годов, в московский тюремный замок поступил арестант за покушение на убийство человека, который соблазнил жену арестанта и побудил ее бросить маленьких детей. Этот арестант был в ужасном состоянии, к его тоске и отчаянию присоединилась болезненная потребность курить. Федор Петрович счел нужным прописать ему порошок из каких-то трав и снадобий, который по распоряжению Гааза приносились этому арестанту большими пакетами «из аптеки» и «удовлетворенный курильщик, - пишет Кони, - перестал испытывать страдания физических лишений».

В начале двенадцатого Гааз уходил в полицейскую больницу, откуда ехал в тюремный замок и в пересыльную тюрьму. Ездил он на старинных дрожках, в которые были запряжены две старые, разношерстные лошади. Москвичи шутили, что доктору, кучеру и лошадям вместе четыреста лет. Если одна из лошадей становилась уже непригодной для службы, она оставлялась спокойно доживать свой век, а Гааз шел на конную площадь, где покупал опять какую-нибудь старую лошадь, предназначенную на убой и спасенное им от убоя животное продолжало жить, потихоньку таща старинные дрожки со «святым доктором».

Концы по Москве приходилось делать большие, и проголодавшийся Гааз, иногда останавливался у какой-нибудь пекарни и покупал четыре калача – один для себя, один для кучера и два для лошадей. В 1850 году почитатели Федора Петровича, желая облегчить ему разъезды по Москве, послали ему в подарок, при письме без подписи, карету и пару лошадей, но Гааз немедленно отправил присланное к известному в то время каретнику, прося купить все это, и полученные затем деньги немедленно роздал бедным. Обедал Гааз в пять часов, очень редко вне дома, причем был очень умерен в пище и ничего не пил, но если в гостях подавали фрукты, то брал двойную порцию и клал в карман, говоря с доброю улыбкою: «для больных»! Тотчас после обеда он отправлялся

по знакомым и влиятельным людям хлопотать и просить за бедных и незащищенных.

Выглядел Гааз своеобразно. Он всегда носил костюм его молодости – черный фрак, белое жабо и манжеты, короткие до колен панталоны, старые, все уже в дырочках черные шелковые чулки и башмаки с пряжками. Волосы пудрил и собирал сзади в короткую косу.

«Высокий, широкоплечий, немного сутуловатый, - пишет А.Ф. Кони с крупными чертами широкого сангвинического лица, Гааз с первого взгляда производил более своеобразное, чем привлекательное впечатление». Но лицо его всегда выражало доброту. Глаза сияли лаской и любовью.

Жил в двух комнатках Полицейской больницы, где ночами иногда рассматривал в телескоп звездное небо.

Ложь он не переносил совершенно, считал ложь самым большим грехом, ложь всегда приводила его в негодование.

В начале августа 1853 г. Федор Петрович заболел. На шее у него образовался громадный карбункул. Он сидел в своей комнате, за ширмами. Лицо его сияло каким-то святым спокойствием и добротой. Он не мог лежать, постоянно сидел в кресле, у него были сильные боли и он очень страдал.

Его современники писали: «Несмотря на болезнь, благообразное старческое лицо его выражало по обыкновению доброту и приветливость, - он не только не жаловался на страдания, но вообще ни слова не говорил ни о себе, ни о своей болезни, а беспрестанно занимался своими бедными, больными, заключенными, - делал распоряжения, как человек, который готовится в далекий путь, чтобы остающимся после него было как можно лучше. Он до конца остался верен себе, забывая себя для других. Он знал, что скоро умрет, и был невозмутимо спокоен; ни одна жалоба, ни одно стенание, не вырвались из груди его; только раз сказал он своему другу, доктору Полю: «я не думал, чтобы человек мог вынести столько страданий». (А.Ф. Кони)

Федор Петрович велел пускать к себе всех, кто пожелает прийти. Приходили больные, он давал им советы и наставления, приходили знакомые, соседи. Когда в тюрьмах узнали о его болезни, арестанты просили тюремного священника отслужить молебен о здоровье Гааза.

Писательница Елизавета Драшусова навещала его ежедневно. Она вспоминала:

«Несмотря на болезнь, благообразное старческое лицо его выражало необыкновенную доброту и приветливость, он не только не жаловался на

страдания, но вообще ни слова не говорил о себе, ни о своей болезни, а непрестанно занимался своими бедными, больными, заключенными - делал распоряжения, как человек, который готовится в далекий путь, чтобы остающимся после него было как можно лучше».

16 августа Гааза не стало, он заснул и уже не проснулся.

ЗАВЕЩАНИЕ ГАЗА

«Я все размышляю о благодати, что я так покоен и доволен всем, не имея никакого желания, кроме того, чтобы воля Божия исполнялась надо мною. Не введи меня во искушение, о Боже Милосердный, милосердие Коего выше всех Его дел! На него я, бедный и грешный человек, вполне и единственно уповаю. Аминь».

«Поскольку я признан совершенно неимущим, мои родственники не могут предъявлять никаких притязаний на оставшееся от меня имущество. Точно так же мои кредиторы, после того как они разделят между собой то, что будет присуждено им судом, не будут притязать на мое наследство. Из этого я осмеливаюсь заключить, что власти не встретят затруднений в исполнении моей покорнейшей просьбы не печатывать могущее остаться от меня имущество, но, согласно моему искреннему желанию и моей просьбе, передать его моему старому верному другу, действительному статскому советнику Андрею Ивановичу Полю. Его же прошу о согласии быть моим душеприказчиком с помощью наших коллег и друзей Павла Яковлевича Владимирова, Федора Михайловича Елецкого, Василия Филипповича Собакинського, Льва Григорьевича Гофмана, Ивана Алексеевича Нечаева, а также наших старых друзей Ивана Федоровича Померанцева и Василия Ивановича Розенштрауха. Я убежден, что это не составит ему особого труда. Я предоставляю Андрею Ивановичу (Полю), безо всякого отчета, определить все, что должно быть сделано. Я прошу Андрея Ивановича каждому, кто захочет сохранить память обо мне, подарить что-нибудь. Все книги назидательного содержания и подходящие для библиотеки нашего храма я дарю этой библиотеке, а равно и фортепиано, и латинские песни, которые у меня находятся. Оба тома Бландшардова Лексикона пусть пойдут в контору Полицейской больницы для бесприютных больных, по усмотрению Андрея Ивановича также и некоторые медицинские книги, так, чтобы создать для больницы небольшую врачебную библиотеку. Из остальных медицинских книг, сколько Андрей Иванович сочтет нужным, подарить Николаю Агапитовичу Норшину. Все остальные книги и вещи - продать и вырученные деньги разделить на две части. Одну часть Андрей Иванович разделит между бедняками нашего прихода. Другую часть

должен получить мой друг Павел Яковлевич Владимиров для раздачи в нашей больнице, как он уже и раньше делал в великое мне утешение и благодарность.

Если после моей смерти останутся наличные деньги, то я желаю, чтобы все имеющиеся переплетенные „Азбуки благонравия" и все картоны „Азбуки" были переплетены и хранились для постепенной продажи или бесплатной раздачи, как Павел Яковлевич сочтет за лучшее. Драгоценнейшего Алексея Николаевича Бахметьева я покорнейше прошу при случае присмотреть за достойным сожаления Филиппом Андриановичем. Первое благодеяние, оказанное ему Алексеем Николаевичем, стало причиной всему, что я мог сделать после него. Очевидно, само Провидение передало его в наши с ним руки.

На моем столе стоит маленький ларчик, в нем чернила, перо и реликвии святого Франциска Сальского. Этот ларчик следует передать Любовью Давыдовне Боевской, которая со временем устроит так, чтобы реликвии эти хранились в католическом храме в Иркутске. В верхнем ящике комода лежат два портрета, моего батюшки и моей матушки. Я оставляю их ей же, с тем, чтобы она спокойно хранила их у себя. Отменного моего благодетеля, Николая Алексеевича Муханова, покорнейше прошу продолжать через Андрея Ивановича еще некоторое время ежемесячную выплату десяти рублей серебром неимущей добрейшей Боевской; она мне духовная дочь и сестра. Да не оскудеет для меня рука твоя, почтеннейший Николай Алексеевич!

Есть и еще несколько бедняков, которым я каждый месяц раздавал кое-что от господина Муханова: Анне Петровне Тринклер два рубля, госпоже Бессоновой - рубль, госпоже Рылеевой - рубль, бедной девушке Ирине в Набилковском приюте - рубль, госпоже Мелединой - рубль. Матрена с дочерьми получает рубль, что я прошу продолжать с помощью Ивана Яковлевича.

Портреты двух моих благодетелей, графа Зотова и генерала Бутурлина, я оставляю другу моему Андрею Ивановичу Полю, разделяющему мои к ним чувства любви и преданности.

Что касается картины Ван Дейка, которую почетный гражданин Федор Егорович Уваров подарил мне, когда я лежал больным, то я не в состоянии выразить чувство глубочайшей благодарности и полагаю, что этим подарком он сделал мне наиприятнейшее из всего, что могло ожидать меня в этом мире. Молю Бога, да воздаст Он сторицею Федору Егоровичу за все, что я почувствовал, приняв от него этот подарок. Прошу причт нашего храма, господина Еларова, господина Кампиона и Михаила Дормидонтовича

Быковского, принять надлежащие меры, чтобы поместить эту картину в нашем храме рядом с алтарем Божией Матери. Ее следует поставить на четырехгранный мраморный цоколь, на котором должны быть начертаны слова, которые Матерь Божия сказала слугам: „Что скажет Он вам, то сделайте" (Иоанн, гл. 2, с. 5).

Не нужно бояться расходов, чтобы сделать это как можно лучше. Мой добрый друг Андрей Иванович соберет нужные для этого деньги.

Еще два дела меня сейчас занимают: 1. Сделанное мною представление к наградам служащих больницы. К моему другу Александру Ивановичу Оверу я обращаюсь с покорнейшей просьбой попросить Ивана Васильевича Капниста, чтобы он сам занялся этим.

Впрочем, я надеюсь целиком на моего дорогого Андрея Ивановича, будучи уверен, что он найдет способ наградить всех, кто столько заботился обо мне. Очень хотелось бы мне, чтобы маленькие книжечки „Проблемы Сократа" были бы напечатаны в память нашей дружбы с Николаем Николаевичем Бутурлиным, сыном великого моего благодетеля генерала Бутурлина. Мне думается, что эти „Рассуждения о системе Сократа" многим были бы полезны. Еще прошу покорнейше господ Пако, Чадаева и Цурикова по-христиански принять участие в этом деле и потрудиться довести эти „Рассуждения" до приличествующего им окончания. Господина Еларова я просил похоронить меня за счет церкви на двуконной подводе и безо всякого убранства.

Москва 21 июня 1853 года».

Тело его не сразу вынесли в церковь, а оставили в квартире, чтобы все желающие могли проститься с ним в той обстановке, в которой большинство прощающихся привыкло видеть его. «Гление пощадило его, - пишет Кони, - привычная добрая улыбка застыла на губах».

Похоронен Гааз был на казенный счет. После его смерти осталось несколько рублей и мелких медных денег, плохая мебель, поношенная одежда, книги и астрономические инструменты. Отказывая себе во всем, Гааз имел одну

слабость: по случаю он покупал телескопы, разные приборы к ним. По ночам, отдыхая от дневных забот, он любил смотреть на небо, наблюдая за звездами.

К сожалению, мы не смогли найти ни архивы А.И. Поля, ни архивы генерала Бутурлина, где, по предположениям некоторых исследователей, могла бы храниться рукопись «Размышления о системе Сократа»..

Похоронить себя он просил за счет церкви на двуконной подводе без всякого убранства. И он был похоронен на Введенском кладбище. Неизвестный друг поставил на его могиле памятник в виде гранитной глыбы с крестом и выбитыми на глыбе словами Гааза: «Спешите делать добро».

В своей повести «Юродивый доктор», посвященной Ф.П. Гаазу, М.И. Вострышев так описывает похороны «святого доктора»: «Двадцатитысячная толпа москвичей провожала девятнадцатого августа 1853 года к месту последнего успокоения на кладбище Введенских гор главного доктора московских тюремных больниц действительного статского советника Федора Петровича Гааза.

Полицмейстер Цинский, которого генерал-губернатор граф Закревский отрядил для организации порядка на похоронах, увидев всю Москву в скорби возле гроба святого доктора, вместе с отрядом своих казаков спешил и до самого кладбища шел пешком в толпе простолудинов.

Вопреки церковным правилам (хоронили не православного, а католика) в нескольких церквах, с разрешения митрополита Филарета, служили панихиды.

Над могилой друга бедных москвичи стояли тихо, речей не произносили. Все вдруг поняли, что никакие слова не в силах передать печаль о кончине человека, которого любили без зависти и страсти, к которому привыкли, как к чему-то столь же необходимому, как хлеб и вода. Лишь позже, за домашними запорами, шепотом повторяли его предсмертные слова: «Я не знал, что человек может вынести столько страданий» - и судачили: о себе это он сказал, о

несчастных арестантах, которым помогал всю жизнь, или о всех нас?... Выходило, что, как ни поверни, - все правда.

Невозможно обстоятельно перечислить разнообразные полезные начинания юродивого доктора в мрачные времена первой половины девятнадцатого века, когда многие русские люди, презирая всякую деятельность при существующем строе, привыкли к лени, равнодушию и даже пренебрежению к отечеству. Гааз добился для арестантов права подавать в Москве прошения на пересмотр дел, желающие могли трудиться в мастерских при Загородном пересыльном замке и обучаться в школе.

Была улучшена тюремная пища, детей и жен, следующих за своими осужденными кормильцами в Сибирь, стали снабжать деньгами и теплой одеждой, охотники до просвещения могли бесплатно получать книги. Гааз строил больницы, выпрашивал пожертвования, бегал по канцеляриям за справками для оправдания невинно осужденных. Арестанты сложили поговорку: «У Гааза нет отказа» - и со слезами благодарности покидали старушку Москву».

После смерти Гааза его друг А.И. Поль за свой счет издал написанный Гаазом призыв к женщинам.

«В этом своего рода духовном завещании, - писал А.Ф. Кони, - Гааз в форме обращения к русским женщинам излагает те нравственные и религиозные начала, которыми была проникнута его жизнь».

Женщине, хранительнице семейного очага, матери, воспитывающей подрастающее поколение, Гааз придает первостепенное значение в воспитании общества.

«Вы призваны содействовать перерождению общества, - пишет Гааз, обращаясь к женщинам: - и этого вы достигнете, действуя и мысля в духе кротости, терпимости, справедливости, терпения и любви. Поэтому, избегайте злословия, заступайтесь за отсутствующих и беззащитных, оберегайте

окружающих от вредных увлечений, вооружаясь твердо и мужественно против всего низкого и порочного, не допускайте близких до злоупотребления вином, до увлечения картами . . . Берегите свое здоровье. Оно необходимо, чтобы иметь силы помогать ближним, оно – дар Божий, в растрате которого без пользы для людей придется дать ответ пред своею совестью. Пусть требование блага ближнего одно направляет ваши шаги! Не бойтесь возможности уничтожения, не пугайтесь отказа... Торопитесь делать добро! Умейте прощать, желайте примирения, побеждайте зло добром».

Гааз изложил в этой книге 10 правил этического поведения для женщин. Гааз писал, что, чтобы содействовать перерождению общества, «женщина должна подчинить все слова свои и дела духу христианства, которое проникнуто добротой, смирением, заботой о спасении душ, снисходительностью, справедливостью, скромностью, терпением и милосердием».

«Содействуйте, - говорил он, - «по мере сил, учреждению и поддержанию больниц и приютов для неимущих, для сирот и для людей в преклонной старости, покинутых, беспомощных и бессильных. Не останавливайтесь на этом пути пред материальными жертвами, не задумывайтесь отказаться от роскошного и ненужного. Если нет собственных средств для помощи, просите кротко, но настойчиво, у тех, у кого они есть. Не бойтесь возможности унижения, не пугайтесь отказа. Всякое унижение, которое вы будете переносить при исполнении воли Христа и ради желания пользы ближнему, в свое время превратится для вас в драгоценную жемчужину. Торопитесь делать добро. Умейте прощать, желайте примирения».

Он призывал женщин облечься в милосердие, благость, кротость, долготерпение, смиренномудрие, делать добро скромно, не тщеславясь и стараясь как можно меньше тратить на себя.

Гааз подчеркивал, что все доброе завершается миром, женщинам он вверил сохранение мира.

Главные источники зла, пишет Гааз – злоязычие, страсть к вину, к ссоре и к преступным связям.

«Каждый раз, - пишет Гааз, - когда женщины нарушают одно из правил, высказанных здесь, мы просим их подать милостыню бедным, чтобы вспомнить о милосердии, забытом ими и о словах писания: «милостыня от смерти избавляет и может очищать всякий грех».

«Мы слишком легко забываем правила, которым хотели бы следовать и потому нужно часто их нам напоминать».

Гааз подчеркивает, что женщины должны нести эти истины в свои семьи и «тщательно заботиться о том, чтоб эта истина вливалась капля за каплей в сердца мужчин с самого раннего их детства и обратившись в привычку, проникла в их практическую жизнь».

Русские писатели и публицисты по разному относились к личности доктора Гааза: А. И. Герцен называл его юродивым и повреждённым, Л. Н. Толстой – филантропом, Н. К. Михайловский – человеком большого ума и образования, превратившимся в «одно ходячее сострадание», И. В. Киреевский и его брат П. В. Киреевский – человеком прекрасным, великим в «его безоглядном человеколюбии», Ф. М. Достоевский – благородным человеком, подвижником добра и человечности: «...на земле очень много благородных людей!»...

Многие поколения москвичей воспитывались на легендах о Федоре Петровиче. О Гаазе писали Герцен, Тургенев, Куприн, Кони, Домбровский, Окуджава... В 1912 году в Лейпциге вышла наиболее полная биография Гааза «Реформатор русского тюремного дела», написанная Карлом Хетцелем.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Конечно, Ф.П. Гааз не был ни единственным, ни первым и ни последним гуманистом, филантропом, человеком, целиком посвятившим себя бедным, униженным и обездоленным людям, но он – самая яркая страница в истории русской филантропической медицины.

Его предшественником был английский филантроп Джон Говард, его последователями Н.И.Пирогов, В.А. Казем-Бек, всемирно известный Альберт Швейцер и еще многие и многие подвижники, память о которых оказалась не так глубока.

Самый яркий лидер клинической медицины в СССР в 20-е – 30-е годы (и жертва политических репрессий 1937 года) Д.Д.Плетнев напомнил о «словах великого русского гуманиста XIX века доктора Газа: «способность к снисхождению не есть какая-то добродетель; это простая справедливость», и назвал самых известных из тех, кто шел в России трудным путем врача-филантропа: «С благоговением вспоминаем мы великих русских гуманистов: доктора Газа, доктора Франковского, профессора Гиршмана» (Д.Д.Плетнев. Избранное. М., 1989, с. 299, 301). Владислав Андреевич Франковский (1819 – 95) – харьковский детский врач, акушер, инфекционист – днем и ночью лечил бедняков на свои собственные средства, основал первую в России провинциальную детскую больницу (1878) и прославился благодаря «массе добра», сделанной им; с полувековым юбилеем подвижнической работы поздравляли его не только российские коллеги, но и лидер всей европейской медицины Р.Вирхов. Леонард Леопольдович Гиршман (1839 – 921) – врач-офтальмолог, профессор Харьковского университета, демократ, оставивший

университет в 1905 году в знак протеста против незаконных репрессий по отношению к студентам, - пользовался такой любовью населения, что для него на средства, собранные жителями Харькова, построили и в 1908 году открыли глазную больницу с амбулаторией, которыми он руководил до конца жизни. Были, конечно, и другие. Так, Феофил Гаврилович Яновский (1860 – 928) – профессор Киевского университета, крупнейший специалист по болезням легких и почек, первым из клиницистов избранный в Академию Наук Украины (1927), - был символом бескорыстия, доброты, принципиальности, был избран «судьей чести» Киевского общества врачей; при жизни и он удостоился народного звания «святого доктора», а хоронил его тоже «весь Киев»: путь до кладбища был убран белыми лилиями, процессия останавливалась и покойного поочередно отпевали по православному, католическому и иудейскому обрядам. «Свой Гааз» был и в Минске: Л.З.Копелев, ссылаясь на «Дневник писателя» Ф.М.Достоевского, напомнил нам о докторе Гинденбурге – немце, протестанте, который сделал столько добра и умер в такой бедности, что весь город хоронил его как святого и над его могилой держали речь и пастор, и раввин – и оба плакали.

Мы не знаем, какими критериями руководствовалась история, когда так своевольно распорядилась посмертной их славой – одних канонизировала, других предала забвению. Важнее другое: в новых условиях жизни общества, с иными ценностными установками, иной моралью, не забыть бы их всех окончательно вместе с гуманным началом врачевания! Ведь только незрячему не видно, что современная медицина, здравоохранение нуждаются в этом уходящем начале, быть может, больше, чем когда-либо.

И все же среди всех этих имен немец Гааз занимает особое положение.

Нисколько не умоляя значения других гуманистов, филантропов XIX, XX веков, мы хотели бы подчеркнуть необычность такой фигуры, как Ф.П. Гааз. Все известные гуманисты были вполне обеспеченными людьми, многих из них поддерживало общество.

«Однако, - пишет А.Ф. Кони, - есть менее счастливо обставленные деятели. Они проходят бесшумно по тернистой дороге своей жизни, сея направо и налево добро и не ожидая среди общего равнодушия и всевозможных препятствий не только сочувствия своему труду, но даже и справедливого к нему отношения. Внутренний, сокровенный голос наполняет их шаги, а глубоко коренящееся в душе чувство наполняет и поддерживает их, давая им нужную силу, чтобы бодро смотреть в глаза прижизненной неправде и посмертному забвению».

«Гааза окружали – косность личного равнодушия, бюрократическая рутина, почти полная неподвижность законодательства и целый общественный быт, во многом противоположный его великодушному взгляду на человека».

Другие наши отечественные врачи – гуманисты и филантропы, и меценаты пусть и не имели широкой, государственной и общественной поддержки, но все они имели дом, жили во вполне нормальных условиях и не умирали в нищете как Ф.П. Гааз, который все свое состояние потратил на несчастных, обездоленных, зачастую бездомных людей и сам умер в нищете.

Многие филантропы давали философское обоснование необходимости гуманистической деятельности. Лев Толстой писал: «человеку нельзя жить, не пользуясь трудами людей, прежде живших, теперь живущих, и поэтому очевидно, что человек должен, трудясь для других, стараться отдавать то, что берет. Взвесить, сколько я беру и сколько даю, не может ни один человек, и потому, чтобы не быть в долгу, каждый человек должен стараться брать как можно меньше, а давать как можно больше» (Б.М. Носика)

Даже Лев Толстой, по словам Кони, упрекал Гааза в том, что тот «не отряс прах с ног своих» от тюремного дела и продолжал быть, к примеру, старшим тюремным врачом. По другим источникам ², Лев Николаевич был убежден, что «такие филантропы... не принесли пользы человечеству».

Но к исходу 19-го столетия, по утверждению А.Ф. Кони, имя Гааза звучало «как нечто совершенно чуждое и не вызывающее никаких представлений. Даже среди образованных людей, соприкасающихся с тюремным и судебным делом, даже среди врачей...». И несколькими строчками ниже А.Ф. Кони добавляет: «Мы мало умеем поддерживать сочувствием и уважением тех немногих, действительно замечательных деятелей, на которых так скупа наша судьба. Мы смотрим обыкновенно на их усилия, труд и самоотвержение с безучастным и ленивым любопытством, «с зловещим тактом, — как выразился Некрасов, — сторожа их неудачу».

Но когда такой человек внезапно сойдет со сцены, в нас вдруг пробуждается чувствительность, очнувшаяся память ясно рисует и пользу, принесенную усопшим, и его душевную красоту, — мы плачем поспешными, хотя и запоздалыми слезами, в бесплодном усердии несем ненужные венки... Каждое слово наше проникнуто чувством нравственной осиротелости. Однако все это скоро, очень скоро проходит. Скорбь наша менее долговечна, чем башмаки матери Гамлета. На смену ей являются равнодушие и потом забвение... У нас нет вчерашнего дня. Оттого и наш завтрашний день всегда так туманен и тускл. Поэтому и смерть выдающегося общественного и государственного деятеля напоминает у нас падение человека в море...»

Гааз не давал никакого обоснования своему гуманизму, его гуманизм был не гуманизм ума, но гуманизм сердца, он жил, прежде всего, сердцем. Написанным выше, мы несколько не хотим принизить значимость и величие подвига других филантропов, гуманистов. Мы лишь хотим подчеркнуть, что даже среди таких великих и прекрасных людей Федор Петрович Гааз стоит особняком. «Божий человек» говорили современники о Гаазе.

Кончина Гааза, его внушительные похороны произвели большое впечатление в Москве.

Появились теплые некрологи, на чрезвычайном заседании тюремного комитета вице-президент комитета гражданский губернатор Капнист в своей речи по поводу смерти Гааза сказал: «Убеждения и усилия Федора Петровича доходили часто до фанатизма, если так можно назвать благородные его увлечения; но это был фанатизм добра, фанатизм сострадания к страждущим, фанатизм благотворения – этого благородного чувства, облагораживающего природу человека . . .». (А.Ф. Кони)46

Между сослуживцами Гааза была открыта подписка на образование капитала для выдачи, в день кончины Федора Петровича, процентов с него бедным семействам арестантов; решено было для этой цели отчислить из сумм комитета 1 000 руб. Это решение было утверждено президентом попечительного общества, графом Орловым, изъявившим комитету свою благодарность за чувства, выраженные им о христианской деятельности покойного Гааза.

В некрологе на смерть Ф.П. Гааза в газете «Московские ведомости» писали: «Сострадание его доходило до самоотвержения, милосердие до страсти, любовь к человечеству до фанатизма... Вся жизнь его была постоянно и одинаково исполнена добра, смирения и простоты. Он скорбел о пороках, ужасался злодеяниями, но в самом ожесточенном преступнике видел брата своего и потому-то умел высказывать те слова любви и утешения, которые пробуждали раскаяние в самых закоренелых сердцах и вели к нравственному возрождению».

Однако вскоре наступило обычное забвение. «Не нашлось никого, - пишет А.Ф. Кони, - кто бы тотчас, под неостывшем еще впечатлением, с умилением пред личностью «утрированного филантропа», набросал дрожащею от душевного порыва рукою его «житие . . .». В настоящее время в нашем обществе имя Гааза звучит как нечто совершенно незнакомое, чуждое и не вызывающее никаких представлений. Даже среди образованных людей,

соприкасающихся с тюремным и судебным делом, даже среди врачей, которым следовало бы с чувством справедливой гордости помнить о главном враче московских тюрем, имя его вызывает недоумевающий вопрос: «Гааз? – Кто такой Гааз? – Что такое Гааз?»

И далее А.Ф. Кони пишет: «Таково, впрочем, свойство нашего образованного общества, нашей так называемой «интеллигенции». Мы мало умеем поддерживать сочувствием и уважением тех немногих действительно замечательных деятелей, на которых так скупа наша судьба. Мы смотрим обыкновенно на их усилия, труд и самоотвержение с безучастным и ленивым любопытством, «с зловещим тактом – как выразился Некрасов, - сторожа их неудачу». Но когда такой человек внезапно сойдет со сцены, в нас вдруг пробуждается чувствительность, очнувшаяся память ясно рисует и пользу, принесенную усопшим, и его душевную красоту, - мы плачем поспешными, хотя и запоздалыми слезами, в бесплодном усердии несем ненужные венки . . . Каждое слово наше проникнуто чувством нравственной осиротелости. Однако, все это скоро, очень скоро проходит. Скорбь наша менее долговечна, чем башмаки матери Гамлета. На смену ей являются равнодушие и, потом, забвение. Через год – другой, горячо оплаканный деятель забыт, забыт совершенно и прочно, и лишь в немногие молчаливые сердца память о нем, «как нищий в дверь – стучится боязливо». Затем и обладатели этих сердец уходят, и имя, которое должно бы служить ободряющим и поучительным примером для каждого нового поколения, уже произносится с вопросительным недоумением: «Как? Кто это такой?» У нас нет вчерашнего дня. Оттого и наш завтрашний день всегда так туманен и тускл. Поэтому и смерть выдающегося общественного и государственного деятеля напоминает у нас падение человека в море. Шум, пена, высокие брызги воды, широкие, волнующиеся круги . . . , а затем все сомкнулось, слилось в одну бесформенную, одноцветную, серую массу, под которую все скрыто, все забыто».

«Судьба Гааза трагична, - пишет наш современник профессор РУДН В.А. Фролов в посвященной Гаазу книге «Торопитесь делать добро», - на фоне таких сверкающих личностей как хирурги Н.И. Пирогов и Ф.И. Иноземцев, терапевты М.Я. Мудров и Е.О. Мухин, и им подобных, совершенно затерялась скромная фигура в потертом сюртуке с оттопыренными карманами, в которых всегда лежали либо деньги, либо яблоки для очередного заключенного».

Много зла остается в мире. Поэтому всегда будет актуальным заключение профессора университета в Осло всемирно известного криминолога Нильса Кристи в книге «Борьба с преступностью как индустрия»: «Уничтожение людей – это не шаг назад, к варварству, а порождение современности. Недавние исследования, посвященные концентрационным лагерям и ГУЛАГу, привели нас к новым важным открытиям. Проблема не в том, как это могло случиться. Проблема скорее в том, почему это не случалось чаще, и вопрос, который нас должен тревожить, звучит так: когда и где ГУЛАГ возродится в следующий раз?»

Максим Горький писал А.Ф. Кони в ноябре 1899 г., прося его приехать в Нижний Новгород с лекциями: «... о Гаазе нужно читать всюду, о нем всем нужно знать, ибо это святой, более святой, чем Феодосий Черниговский . . . Необходимо говорить о Гаазе живым, в плоть и кровь облеченным словом . . . ». И позднее Горький писал о «силе сострадания, создающей... такие характеры, как прославленный доктор Гааз, живший в тяжелую эпоху царя Николая Первого».

В 1910 и 1911 годах у памятника Гаазу устраивались детские праздники: приходили воспитанники всех московских приютов и тюремные хоры. В эти дни некоторые московские трамваи и вагоны-конки были украшены портретами «святого доктора». Группа старших воспитанников одного из приютов

прочитала на празднике 1911 года стихотворное послание к А.Ф. Кони, которой очень хотел приехать на этот праздник, посвященный Гаазу, но не смог.

«Привет вам за то, что умом и душой
Вы вспомнили первый о том,
Кто делал добро любовью живой,
Боролся с неправдой и злом.

Вы нам рассказали, как был он велик
Горячей любовью своей,
Как много страдал, чего он достиг
Средь грубых, бездушных людей.

Светлей и прекраснее повести нет,
Чем повесть о докторе Гаазе святом.
И мы посылаем наш детский привет
Тому, кто поведал о нем».

На этих детских праздниках 1910 и 1911 г.г. перебивало около 2 600 детей.

В наше время существует медаль Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации с написанными на ней бессмертными словами Ф.П. Гааза «Спешите делать добро» (ею была посмертно награждена Анна Политковская), существуют медаль Федора Гааза Федеральной службы исполнения наказаний, премия им. доктора Фридриха Йозефа Гааза Германно-Российского Форума, за особые заслуги в области Германно-российского взаимопонимания.

Неправительственная организация Германно-российский форум ежегодно присуждает премию Фридриха Йозефа Газа. Эта награда вручается

общественным деятелям России и Германии за заслуги в развитии двусторонних отношений. Среди лауреатов премии прошлых лет – писатель Виктор Войнович, бывший корреспондент немецкого телеканал ARD в Москве Томас Рот и другие.

В Германии, в родном городе доктора Гааза Бад-Мюнстерайфеле, существует "Кружок друзей доктора Гааза", много лет возглавляемый господином Армином Арендтом.

В Российской Федерации существует Межобластная больница уголовно-исполнительной системы, носящая имя Федора Петровича Гааза.

Простой народ, которому «святой доктор» посвятил свою жизнь, всегда помнил Федора Петровича Гааза. Память о Гаазе долго жила в названии бывшей полицейской больницы – «гаазовская больница». В этой больнице на средства, собранные одним из преемников Гааза доктором Шайкевичем (5 000 р.), содержалась кровать имени «Ф.П. Гааза». Арестанты, отправляемые по этапу, знали, что надетые на них облегченные кандалы, зовут «гаазовскими».

В отдаленном нерчинском остроге теплилась лампада пред иконою св. Федора Тирона, сооруженная заключенными на их скудные заработки, когда пришла весть о смерти «святого доктора».

Память о «святом докторе» живет в цветах, всегда лежащих на его могиле и в наше время. Это не пышные венки и корзины, это несколько астр, пара бархоток, румяное яблочко, маленькое семейство опят, две-три свечки. Это любовь и признательность простых людей, потомков ссыльных и арестантов, человеку, который посвятил им всю свою жизнь.

Открытие памятника-мемориала в честь 230-летия со дня рождения Ф.П.Гааза в селе Тишково Московской области

ЭТАПЫ ЖИЗНИ

- 1780 г. 24 августа Родился в городке Бад Мюнстерайфель под Кельном
- 1793-1800 гг. Студент Йенского и Венского университетов
- 1800 г. Практикующий врач в Вене
- 1802 г. Излечение князя (княгини) Репниных от глазной болезни
- 1806 г. Приезд в Москву
- 1806 г. Главный доктор Павловской больницы
- 1806 г. Описание целебных свойств вод Старой Руссы
- 1807 г. Награжден орденом св.Владимира IV степени за борьбу с эпидемией глазной болезни
- 1809, - 10 гг. Поездки на Кавказ
- 1811 г. Монография «Моя поездка на Александровские воды»

- 1811 г. Присвоен титул надворного советника
- 1811 г. Приобретение суконной фабрики и имения Тишки в под Москвой
- 1812-14 гг. Участие в Отечественной войне.
- 1814 г. Последнее посещение родного города в Германии, прощание с отцом, возвращение в Россию
- 1818 г. Монография по диагностике крупа
- 1825 г. Борьба с эпидемией тифа
- 1825 г. Московский штатт-физикус
- 1826 г. Борьба с эпидемией глазной болезни
- 1828 г. Введен в состав Московского губернского «Попечительного о тюрьмах комитета» в качестве главного врача московских тюрем
- 1829 г. Начало борьбы за отмену «прута Дибича»
- 1830, 1839, 1847-48 гг. Борьба с эпидемиями холеры
- 1830 -35 гг. Секретарь тюремного комитета
- 1832 г. Начало перековывания этапников в облегченные «газовские кандалы»
- 1832 г. Главный доктор организованной им больницы при пересыльной тюрьме на Воробьевых горах
- 1836 г. Организация школа для арестантских детей при пересыльной тюрьме
- 1840 г. Главный доктор Екатерининской больницы
- 1840г. Объявлен несостоятельным должником, за долги продан дом в Москве, имение и суконная фабрика
- 1841 г. Издание за свой счет книги для заключенных «Азбука христианского благонравия. Об оставлении бранных и укоризненных слов и вообще неприличных на счет ближнего выражений и о начатках любви к ближнему».

1844 г. Главный доктор организованной им Полицейской больницы в Малоказенном переулке

1846 г. Отмена общее бритье головы всем пересыльным

1853г. 16 августа Умер в Москве

**Надгробие могилы Федора Петровича Гааза на Введенском
(бывшем Немецком) кладбище в Москве**

В октябре 2009 года исполнилось сто лет как в Москве в Малом Казенном переулке во дворе здания бывшей Полицейской (Гаазовской,

**имени Александра III) больницы был поставлен памятник Федору
Петровичу Гаазу (скульптор Андреев)**

**Завет Гааза, выгравированный на памятниках ему в Москве и Бад
Мюнстерайфеле**

Мемориальная доска на доме Гаазов в Бад Мюнстерайфеле

**Памятник Гаазу (точная копия московского) у дома Гаазов в
Бад_Мюнсеррайфеле**

Часть 2

АНГЕЛЫ ДОБРА

ДЖОН ГОВАРД

«Джон Говард, выдающийся реформатор тюремного дела в странах Старого и Нового света, впервые обративший внимание на плачевное состояние тюрем и тяжелое положение арестантов, в своей работе был поставлен в благоприятные условия, в его распоряжении была свободная печать его родины, европейские правительства давали ему все средства для собирания материалов, он был всюду уважаемым гостем, пред которым гостеприимно были открыты двери дворцов и предупредительно распахивались ворота тюрем», - пишет А.Ф. Кони.

«Тюрьмы Петербурга, — писал англичанин, — это мрачные, сырые комнаты, почти лишенные воздуха, с земляным или гнилым деревянным полом. Свет проникает сквозь узкие щели на уровне пола. Нет ни отхожих мест, ни умывальников. Все спят вповалку на полу из-за

отсутствия даже нар. На ночь ставится параша. В обыкновенных комнатах содержится до ста человек. В помещении на 50 человек содержится 200. В местах, предназначенных для исправления нравов, царит разврат, нагота, холод, гладкая нужда и мучительство”.

Еще хуже в “съезжих домах” — так назывались теперешние следственные изоляторы. Женщины здесь не отделены от мужчин, надзор за теми и другими возложен на гарнизонных солдат и надсмотрщиков, получающих грошовой содержание и потому обкрадывающих несчастных. Дети, взрослые, старики сидели вместе; заподозренные в полицейских нарушениях — вместе с убийцами. “В одном месте, — пишет обследователь, — сидели вместе дети 11—12 лет, разбойники, скованные цепью, и 72-летний Тимофей Георов, содержащийся уже 22 года”. Все содержались впроголодь: дежурному надзирателю выдавали 15 копеек ассигнациями на каждого заключенного, а уж сколько доходило до несчастного... Надежда только на подаяния, которые позволяли не умереть от голоду. Подаяния были, ибо известно, как на Руси: до суда — злодей, после приговора — страдалец».

Впервые он столкнулся с пенитенциарной системой России в 1781 г., повторно посетил Россию в 1789 г., когда он знакомился с состоянием военных госпиталей в Николаевске во время шла русско-турецкой война. Поездка оказалась трагической, в 1790 г. Говард будучи в Херсоне, заразившись тифом от больной, умер.

20 января 1790 г. Дж. Говард был похоронен с большими почестями в Херсоне.

В Англии имя Говарда пользуется большим почетом и уважением. В соборе Св. Павла в Лондоне ему установлена мемориальная доска с надписью:

«Он шел к бессмертию путем открытым, но мало следуемым, ревностно исполняя заветы христианской любви».

При входе в собор Св.Павла в Лондоне находится памятник Джону Говарду.

Надпись на памятнике, составленная другом Говардом Витбредом, гласит: "Этот замечательный человек еще при жизни имел счастье пользоваться тем уважением, которое его добродетели заслуживали. Ему была объявлена благодарность великобританского и ирландского парламентов за отменные услуги, которые он оказал родине и человечеству. Наши тюрьмы и госпитали были улучшены по внушению его мудрости. Во всех частях образованного мира, где он путешествовал с целью облегчить страдания человечества, от трона и до тюрьмы, имя его будет произнесено с почетом, с благодарностью и с удивлением. Одна скромность его помешала при жизни воздвигнуть статую, которую народ теперь посвятил его памяти. Он родился в Гакнее, в графстве Миддельсексе, 11 сентября 1726 года. Первую часть жизни он провел в уединении, преимущественно в отцовском имении в Кардингтоне, в Бедфордшире. В этом графстве он служил шерифом в 1773 году. Он скончался в Херсоне, в России, 20 января 1790 года, он пав жертвою опасного и благотворительного опыта разведать причины чумы и узнать средства, как ее лечить" (цит. по книге Э.А.Казалета "О значении Джона Говарда в истории тюремной реформы". М., 1892).

П.П.Свиньин, в будущем известный русский литератор, издатель и редактор журнала "Отечественные записки", посетивший Англию в 1806 г., писал: "В церкви Св.Павла находится памятник Говарду... Нельзя русскому ... не поклониться памятнику Говарда, сего друга человечества, которому и наше отечество обязано признательностью, и где он пал жертвою своего сострадания и человеколюбия".

Оставшись в 16 лет круглым сиротой, Говард оказался владельцем богатого наследства. Он не получил законченного образования, но, тем не менее, проявлял интерес к научным исследованиям, в частности, в области медицины и метеорологии.

У Говарда было доброе и отзывчивое сердце. В 1755 г. он отправился в Португалию, чтобы оказать помощь жителям Лиссабона, пострадавшим от жестокого землетрясения. Однако корабль "Ганновер", на котором плыл Говард, был захвачен французским капером, и Говард вместе с другими пленниками был заключен в тюрьму Бреста. Несколько месяцев, проведенных в тюрьме, хватило для того, чтобы определить всю дальнейшую судьбу Говарда, - он стал непримиримым борцом за улучшение условий содержания заключенных и за милосердное обращение с военнопленными.

Тщательно изучив положение заключенных, Говард издал книгу

"Состояние тюрем в Англии и Уэльсе", которая вызвала столь значительный общественный резонанс, что Говард был приглашен на заседание парламента. По его докладу был принят акт (билль), обеспечивающий немедленное освобождение из тюрем тех заключенных, против которых у Большого жюри не было доказательств их вины. Вскоре был принят другой билль с требованием приведения тюрем в порядок, предписанием устройства в тюрьмах лазаретов для больных.

Для ознакомления с состоянием тюремного дела в странах Европы Говард в 1778 г. посетил Францию, Фландрию, Голландию, Италию, Пруссию, Богемию и Австрию. Результатом этой поездки было начало строительства в Англии двух исправительных домов по примеру так называемых прядильных домов в Амстердаме, куда арестантов направляли выполнять полезную работу. Знакомясь с положением заключенных в тюрьмах Англии, Говард обратил внимание на свирепствовавшие в них инфекционные заболевания, так называемую тюремную заразу, которая распространялась и на жителей близлежащих городов и селений. Это привело его к мысли о необходимости изучения состояния больниц. Основным в деятельности Говарда становится борьба с чумой, охватившей тогда страны южной Европы и Малой Азии.

В 1785 г. Говард совершил поездку по странам Средиземноморья. Он не только осматривает все карантинные приморских городов Испании, Италии, Греции и Турции, но и подвергает себя заключению в одном из самых старых карантинных в Европе - в Венеции, чтобы на собственном опыте испытать все тяготы, которые выпадают на долю людей в подобных условиях. Результатом этой поездки стала книга "Отчет о главных карантинных в Европе с различными заметками относительно чумы" (1789) - лучшее, по мнению специалистов, произведение Говарда.

Говард дважды посещал Россию. Первый его приезд по приглашению императрицы Екатерины II в 1781 г. был связан с изучением российской пенитенциарной системы, которая особо заинтересовала Говарда - противника публичной смертной казни - тем, что Россия в то время была единственной страной, отказавшейся, хотя бы формально, от этой меры наказания.

Пробыв в Петербурге более трех недель, он осмотрел все тюрьмы, больницы и благотворительные учреждения. Затем отправился в Москву.

Вторично Говард посетил Россию в 1789 г. На этот раз целью его поездки было изучение, как он сам писал, "способов содержания солдат и влияния их на смертность и болезненность в войсках...".

Из Петербурга он отправился на юг России, по дороге останавливался в Кременчуге, где было очень много раненых. Об условиях содержания раненых в военном госпитале близ Очакова Говард писал: "Кажется, и каменное сердце должно обливаться кровью при подобном зрелище".

В октябре 1789 г. он приехал в Херсон. Большое скопление войск при

неблагоприятных условиях их размещения вызвало вспышку инфекционных заболеваний. Верный своим принципам, Говард неумолимо помогал больным и страждущим.

Немолодой уже возраст и слабое здоровье привели к тому, что Говард заразился от одной из пациенток и на двенадцатый день умер. В день похорон тысячи людей обступили катафалк с прахом покойного.

Памятник на могиле Говарда был воздвигнут на средства его приятеля Дофине. На нем на русском и латинском языках были надписи: "Иван Говард. Кто бы ты ни был, здесь друг твой скрыт. 1790; Johannes Howard. Ad sepulcrum stabi, quisquis es, amici. 1790".

В 1826 г. во исполнение воли покойного императора Александра I соорудить "особый приличный памятник Говарду" на средства, собранные по инициативе Новороссийского генерал-губернатора графа М.С.Воронцова жителями Одессы, Херсона и других городов, был установлен гранитный обелиск с бронзовым медальоном с портретом Говарда и деталями солнечных часов. На нем надписи на русском языке "Говард. Скончался 20-го января 1790 года на 65 году от рождения" и по латыни "Alios salvos fecit" (Делал других

здоровыми) и "Vixit propter alios" (Жил для других).

Столетие со дня смерти Говарда было отмечено торжественными мероприятиями в Петербурге и в Херсоне.

Однако десятилетия спустя многие материальные объекты памяти херсонцев о Говарде были утрачены. В 1950 г. при строительстве Степановского каменного карьера было разрушено надгробие памятника, а прах Говарда перезахоронен в неизвестной могиле.

Известный английский философ и социолог Иеремия Бентан (1748-1832) сказал о Говарде: "Он жил ангелом и умер мучеником".

**Памятник
Джону Говарду**

Памятник ему установлен также в графстве Бедфорд, где располагалось его большое поместье.

В предисловии к книге о Гаазе А.Ф. Кони пишет: «3-го июня 1890 года, в Петербурге, с особою торжественностью, был открыт четвертый международный тюремный конгресс.

Вступительная речь В.Д. Спасовича была посвящена Говарду. В ней заслуги «великого человеколюбца» и его права на бессмертную славу были очерчены ярко и выпукло – и, без сомнения, все многочисленное и блестящее собрание тюремоведов и государственных людей мысленно преклонилось пред образом человека, который, по выражению Бентама, жил как апостол и умер как герой.

И действительно, Говард вполне достоин этой славы и возданной ему чести. Он завещал потомству свое имя и свое дело. Написанное на скромном памятнике в Херсоне, где внезапно окончил свои дни этот подвижник добра и справедливости, его имя имеет право быть начертанным в сердце каждого человека, знакомого с историей европейской культуры и гражданственности. Дело Говарда – было дело великое, богатое благотворительными последствиями. Он положил начало тюремному знанию; он первый – и в печати, и в законодательстве своей родины – потребовал, настойчиво и убежденно, наряду со справедливою суровостью закона по отношению к преступлению – сострадания к человеку, указывая на строгое отличие кары от муки. С порога XIX –го века, его личность и труды проливают чистый свет разумной и глубокой критики тюремных порядков, и в этой критике лежит корень всех дальнейших тюремных преобразований...».

«Народы любят ставить памятники своим великим людям, - говорит историк Соловьев, - но дела великого человека суть памятник, поставленный им своему народу». Есть, однако, такие избранники судьбы, которые своею деятельностью ставят памятник не одному какому-либо народу. А всему человечеству. «К числу таких – отмеченных Богом людей – принадлежал и Говард, - пишет А.Ф. Кони, - Но, отдавая ему всю справедливость, преклоняясь пред его трудом, одушевленным одною идеею и наполнившим, всю его жизнь, надо, вместе с тем, признать, что он был, в своей работе, поставлен в благоприятные условия... В его распоряжении была свободная печать его родины, сослужившая ему верную и честную службу; - парламент с особым вниманием и уважением выслушивал доклады, основанные на его выводах и наблюдениях; - европейские правительства давали ему все средства для собирания материалов, - и за исключением короткого времени, проведенного во французском плену, он был всюду уважаемым гостем, пред которым гостеприимно были открыты двери дворцов и предупредительно распахивались ворота тюрем. Наконец, самая почва для его деятельности была отчасти подготовлена. Правительство и общественное мнение Англии давно уже интересовались состоянием тюрем. Еще в 1701-1702 г.г., по поручению парламента, доктор Брай, председатель комитета распространения христианского учения, произвел подробное исследование тюремных помещений в Ньюгете. Описание того, что он нашел, поражает возмутительными подробностями. Не говоря уже о колодках, орудиях пытки и о морении голодом как довольно обычных средствах «вразумления» арестантов, достаточно указать, что для «смирения» строптивых, их запирали в тесное и душное помещение вместе с трупами умерших и оставляли их в таком соседстве до шести и более дней... В 1728-29 годах парламент назначил особую комиссию для изучения состояния тюрем в Англии и Уэльсе. Таким образом, несмотря на случайность этих исследований, узость их задачи и ограниченность

их района, почва для более широкой деятельности Говарда подготавливалась сама собою.

Но главное условие успешности трудов Говарда и их широкого приложения состояло в том, что его поддерживала волна общественного настроения. Она несла и поднимала его на своем хребте – и в своей проповеди сострадания и уважения к человеку он не был одинок.

Есть однако менее счастливо обставленные деятели... Одним из таких деятелей был доктор Федор Петрович Гааз. Не уступая в своем роде и на своем месте Говарду, человек цельный и страстно-деятельный, восторженный представитель коренных начал человеколюбия, он был поставлен далеко не в такие условия, как знаменитый английский филантроп. Последнему достаточно было встретить, проверить и указать зло, чтобы знать, что данный толчок взволнует частный почин и приведет в движение законодательство. Ему достаточно было вспахать почву и он мог быть спокоен за судьбу своих усилий: сеятели и жнецы найдутся. Но Гааза окружали – косность личного равнодушия, бюрократическая рутина, почти полная неподвижность законодательства и целый общественный быт, во многом противоположный его великодушному взгляду на человека.

Один, очень часто без всякой помощи, окруженный неуловимыми, но осязательными противодействиями, он должен был ежедневно стоять на страже слабых ростков своего благородного, требовавшего тяжкого и неустанного труда, посева.

Умирая, Говард оставлял ряд печатных, всеми признанных и оцененных трудов, служивших для него залогом земного бессмертия; - выпуская из ослабленных смертельною болезнью рук дело всей своей жизни, Гааз не видел ни продолжателей впереди, ни прочных, остающихся следов – назад. С ним, среди равнодушного и преданного личным «злобам дня» общества, грозило

умереть и то отношение к «несчастливым», которому были всецело отданы лучшие силы его души».

Памятник Джону Говарду в Херсоне

АНРИ ДЮНАН

Известный врач-гуманист Анри Дюнан родился в 1828 г. в Женеве. Занимался благотворительной деятельностью в Женевском евангелистском обществе, позднее в Христианской ассоциации молодежи, посещал тяжелобольных, калек, узников городской тюрьмы, старался поддержать их морально.

В 1859 г. оказавшись свидетелем битвы франко-итальянской коалиции и австрийской армий при Сольферино, крупнейшем в истории Италии сражении с огромными человеческими потерями - до 38 тысяч человек с обеих сторон, А. Дюнан видел, как бой перешел в бойню.

Боссоли. Битва при Сольферино

Потрясенный этой страшной картиной, 29 октября 1863 г., он создал общество Красного Креста. Он был одним из тех, благодаря кому в 1864 г. была подписана международная конвенция «Об улучшении участи больных и раненых», в 1871 г. он основал общество по защите военнопленных, в 1874 г. развернул широкую общественную кампанию против работорговли. Поглощенный своей гуманитарной деятельностью, он совершенно запустил свою работу врача, разорился и превратился в настоящего нищего бродягу, попав в конце концов в богадельню. В 1895 г. там нашел Дюнана местный

журналист и написал о нем большую статью. Вскоре воскресший из небытия Дюнан сделался знаменитым.

Анри Дюнан

Жан Анри Дюнан родился 8 мая 1828 года в Женеве в семье негодантa Жана Жака Дюнана, входившего в правящий совет города. Родители, искренне верующие люди, с детства старались научить сына не только предпринимательской сметке, но и человеколюбию, состраданию, стремлению делать добро. Дюнан увлекается экономикой, религией, общественной деятельностью.

С 18 лет днем он учится экономике, а по вечерам посещает бедняков и больных. С 20 лет по воскресеньям он приходит к узникам городской тюрьмы, общается с ними, стараясь поддержать их, сохранить в них веру в людей и в Бога.

В 1863г. в Швейцарии, в Женеве, усилиями ряда общественных деятелей и, прежде всего, Анри Дюнана (получившего в 1901 г. Нобелевскую премию) было создано неофициальное совещание 26 представителей благотворительных обществ 16 стран. Идея создания общества с целью помощи раненым и

больным воинам воюющих сторон возникла у Анри Дюнана в 1859 г., когда он стал свидетелем битвы при Сольферино между франко-итальянской и австрийской армиями.

В августе 1864г. на следующее совещание в Женеву съехались уже не только представители благотворительных обществ, но и дипломаты некоторых стран. Документ, подписанный на этой конференции "Об улучшении участи раненых и больных воинов", получивший название Женевской конвенции, с некоторыми уточнениями и дополнениями существует и в настоящее время. Конвенция содержит соглашение о том, что медико-санитарные учреждения и весь их персонал должны пользоваться правом неприкосновенности, оказывая помощь раненым и больным обеих воюющих сторон. Этой же конвенцией был установлен отличительный знак медико-санитарной службы - красный крест на белом фоне.

Был создан Международный комитет Красного Креста (МККК), который видит свою задачу в том, чтобы предоставлять защиту и оказывать помощь пострадавшим в вооружённых конфликтах и внутренних беспорядках. Принцип, которым руководствуется МККК, заключается в том, что даже война должна вестись в определённых рамках, накладывающих ограничения на методы и средства ведения военных действий и поведение воюющих сторон. Свод основанных на этом принципе правил составляет международное гуманитарное право, в основе которого и лежат Женевские конвенции. Женевские конвенции подписали все государства мира, что делает их наиболее универсальными из всех международных соглашений.

Четыре части женевского Красного Креста символизировали четыре доблести: умеренность, благоразумие, справедливость и мужество. Знак был создан путем обратного расположения цветов государственного флага Швейцарии, где проходила конференция. Анри Дюнану оказали поддержку прусская королева Августа и русская великая княгиня Мария Павловна. Из всех стран, имевших отделения общества Красного Креста, ему стала поступать денежная помощь, российское правительство выделило ему пожизненную ренту «за величайшие заслуги в гуманитарной деятельности».

Эмблема не носит религиозного характера, однако мусульманские страны взяли в качестве эмблемы своих обществ Красный Полумесяц (Турция, затем Египет, Афганистан, Пакистан и другие страны) и знаки Красного Льва и Солнца (Персия). В 1980 г. в Иране знак Красного Льва и Солнца был заменен знаком Красного Полумесяца.

1867г. к Женевской конвенции "Об улучшении участи раненых и больных воинов" присоединилась и Россия, создав Российское общество попечения о раненых и больных воинах - Российское общество Красного Креста. Впервые общество выступило на международной арене в 1879г., приняв участие в оказании помощи раненым в Франко-прусской войне. Особенно активно деятельность Общества проявилась в Русско-Турецкой войне 1877-1878гг. Официальное название "Российское общество Красного Креста" оно получило только в 1879г. Для награждения наиболее отличившихся обществу было разрешено иметь специальные нагрудные знаки, которые носились на мундирах слева.

В 1901 г. Дюнану первому в истории была присуждена Нобелевская премия мира, денежное содержание которой он передал на благотворительные цели.

Женевская конвенция 1949 года. закрепила правовой статус МККК, поэтому знак Красного Креста (и Красного Полумесяца) охраняется во всем мире.

АЛЬБЕРТ ШВЕЙЦЕР

Альберт Швейцер – немецкий мыслитель, богослов, врач, музыковед, известный органист, будучи уже профессором теологии и профессором

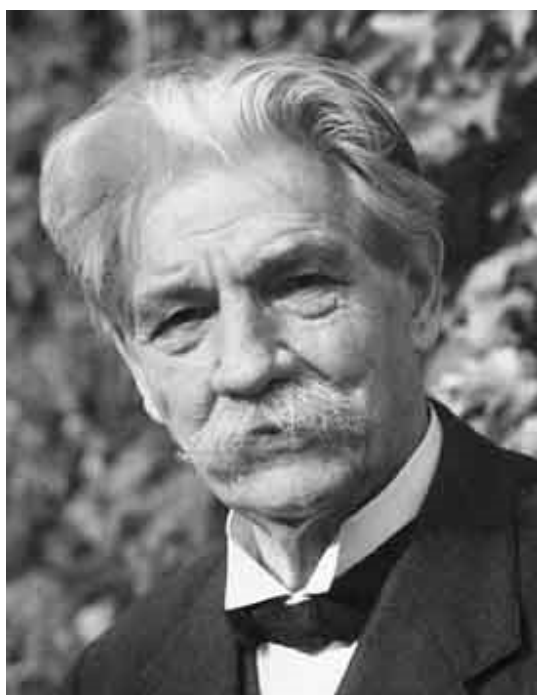
философии, получил медицинское образование и, основав на собственные средства больницу в деревне Ламбарене в Экваториальной Африке (Габон), всю дальнейшую жизнь проработал там, лишь иногда наезжая в Европу как концертирующий органист и автор ряда философских сочинений.

В 1952 г. А. Швейцер получил Нобелевскую премию мира, на средства которой построил лепрозорий при своей больнице в Ламбарене.

Умер он в 1965 г. и похоронен в Ламбарене.

В наши дни в Варшаве основана Всемирная академия медицины Альберта Швейцера, в правлении Академии лауреаты Нобелевской премии, цель академии «...гуманизация и гуманитаризация всех отраслей науки, особенно в медицине, поиски духовного наследства Альберта Швейцера, его идей, особенностей мышления, стиля жизни и внедрение их в практику, особенно медицинскую».

Швейцер создал этику благоговения перед жизнью, создал универсальную идею уважения к жизни. Его постулат «все живое должно жить». Он пишет: «Как только человек стал мыслящим, он почувствовал потребность относиться с благоговением к каждому живому существу и уважать его, как собственную жизнь. В своей жизни он как бы переживает чужую жизнь. Сохранять жизнь, двигать ее вперед, довести развивающуюся жизнь до высшей ступени – значит для него: делать добро; уничтожить жизнь, мешать жизни, подавлять развивающуюся жизнь – значит для него: делать зло. Это необходимый, абсолютный, основной принцип морали». (цитируется по книге Б.М. Носика «Швейцер»)

Альберт Швейцер

Родился в Кайзерсберге (Верхний Эльзас) в семье бедного протестантского пастора Луи Швейцера и его жены Адели, урождённой Шиллингер, также дочери пастора. В 1884—1885 гг. Альберт учился в реальном училище в Мюнстере, затем в гимназии в Мюльхаузене (1885—1893). В октябре 1893 года Швейцер поступил в Страсбургский университет, где изучал одновременно теологию, философию и теорию музыки.

В 1894—1895 годах — солдат германской армии, при этом продолжает посещать лекции по философии.

Осенью 1898 — весной 1899 гг. Альберт Швейцер живет в Париже, слушает лекции в Сорбонне, пишет диссертацию о Канте, берет уроки органа и фортепьяно, летом 1899 года продолжает свои учёные занятия в Берлине и к концу года защищает в Страсбурге диссертацию и получает степень доктора философии, а в 1900 г. ещё и звание лиценциата теологии.

В 1901 году выходят первые книги Швейцера по богословию — «Проблема Тайной вечери, анализ, основанный на научных исследованиях девятнадцатого века и на исторических отчетах» и «Тайна мессианства и страстей. Очерк жизни Иисуса», весной 1902 г. он начинает преподавать на богословском факультете Страсбургского университета.

В 1903 году на одной из своих проповедей знакомится со своей будущей женой Еленой Бреслау.

В 1905 году Швейцер принимает решение посвятить остаток жизни медицине и становится студентом медицинского факультета того же Страсбургского университета, одновременно продолжая свои научные труды: в 1906 году выходит его теологическое исследование о поисках «исторического Иисуса» под названием «От Реймаруса до Вреде» и эссе о немецком и французском органостроении, он впервые едет на гастроли в Испанию. В 1908 году выходит его расширенный и переработанный немецкий вариант «Баха». Он принимает активное участие в работе органной секции венского конгресса Международного музыкального общества.

В 1911 году сдает экзамены на медицинском факультете и выпускает в свет книгу о мистицизме апостола Павла. В 1912 году женится на Елене Бреслау. В 1913 году заканчивает диссертацию на тему «Психиатрическая оценка личности Иисуса» и получает степень доктора медицины.

26 марта 1913 Альберт Швейцер вместе с женой, окончившей курсы медицинских сестер, отправляется в Африку. В небольшом селении Ламбарене (провинция Габон французской колонии Французская Экваториальная Африка, позднее — Республика Габон) на собственные скромные средства он основывает больницу.

В годы Первой мировой войны его вместе с женой, как немецких подданных отправляют во французские лагеря. В 1918 — освобожден по обмену на французских военнопленных. 14 января 1919 года в день своего рождения сорокачетырехлетний Швейцер становится отцом — Елена родила ему дочь Рену.

В 1919—1921 годы работает в городской больнице в Страсбурге, выступает с органными концертами в крупнейших городах Европы. В 1920—1924 годах он читает лекции в Швеции и других европейских странах, становится почетным доктором Цюрихского университета. Гастроли и лекции позволили доктору Швейцеру рассчитаться с военными долгами и собрать некоторые средства на восстановление больницы в Ламбарене. А в 1923 году выходит его главное философское сочинение «Философия культуры» в 2-х томах.

В феврале 1924 года Швейцер вернулся в Африку, принявшись за строительство разрушенной больницы. Из Европы прибыло несколько врачей и медсестер, работавших безвозмездно. К 1927 новая больница была построена и в июле Швейцер вернулся в Европу, вновь занявшись концертной деятельностью и чтением лекций.

В 1928 Альберту Швейцеру была присуждена Франкфуртская премия Гете, на средства от которой был построен дом в Гюнсбахе, ставший местом отдыха персонала больницы Ламбарене.

В 1933—1939 годах он работает в Африке и периодически посещает Европу для чтения лекций, органных концертов, издательства своих книг. В это

время несколько европейских университетов присуждают ему почетные докторские степени. После начала Второй мировой войны Швейцер остался в Ламбарене и только в 1948 смог вернуться в Европу. В 1949 по приглашению Чикагского университета посетил США.

В 1953 году Швейцер стал лауреатом Нобелевской премии мира 1952 года, а на полученные средства построил рядом с Ламбарене деревушку для прокаженных. В апреле 1957 Швейцер выступил с «Обращением к человечеству», призвав правительства прекратить испытания ядерного оружия.

В мае 1957 года умирает Елена Бреслау — жена и соратница Альберта Швейцера.

После того как Швейцер в 1959 навсегда уехал в Ламбарене, больничный городок стал местом паломничества множества людей со всего мира.

Альберт Швейцер во дворе больницы в Ламберене

До самых последних своих дней он продолжает принимать пациентов, строить больницу и выступать с воззваниями против ядерных испытаний. Часто девственные леса, окружавшие Ламбарене, оглашались звуками прелюдий и фуг Баха, исполняемыми на фисгармонии.

Умер Альберт Швейцер 5 сентября 1965 в Ламбарене и похоронен под окнами своего кабинета рядом с могилой жены.

Больница, основанная доктором Швейцером, существует до сих пор, и по-прежнему принимает и исцеляет всех нуждающихся в помощи.

Цитаты их произведений Альберта Швейцера

«Я — жизнь, которая хочет жить, в гуще других жизней, которые хотят жить».

«Цель человеческой жизни — служение, проявление сострадания и готовность помогать людям».

«Чем глубже мы заглядываем в природу, тем больше мы понимаем, что она исполнена жизни, и тем основательнее узнаем, что вся жизнь — это великая тайна и что мы тесно связаны со всеми явлениями жизни в природе».

«Личный пример — не просто лучший метод убеждения, а единственный».

«Судьба всякой истины — сначала быть осмеянной, а потом уже признанной».

«У правды нет урочного часа. Ее время всякий раз наступает тогда и только тогда, когда она оказывается самой несвоевременной.»

«Человек овладевает природой, еще не научившись владеть собой».

«Любовь нельзя ограничить системой правил и предписаний: приказы любви абсолютны».

«Мои знания пессимистичны, но моя вера оптимистична».

«Знать друг друга — не значит знать друг о друге все; это значит относиться друг к другу с симпатией и доверием, верить друг другу. Человек не должен вторгаться в чужую личность».

«Этика — это безгранично расширенная ответственность по отношению ко всему живущему»

«Цивилизация — это такая прекрасная идея, что кто-то должен начать ее осуществление».

«Ошибается тот, кто считает себя христианином лишь потому, что ходит в церковь».

«Нет более высокой религии, чем служение человечеству. Величайшее кредо — труд ради общего блага».

«Идеал культурного человека есть не что иное, как идеал человека, который в любых условиях сохраняет подлинную человечность».

«Истинная этика начинается там, где перестают пользоваться словами».

«То, что обычно считается оптимизмом, — не более как естественная или приобретенная способность видеть вещи в розовом свете».

«Абстракция — это смерть для этики, ибо этика есть живое отношение к живой жизни».

«Постоянная доброта может творить чудеса. Подобно тому, как солнце может растопить лед, так и доброта изгоняет непонимание, недоверие и враждебность».

«Этическое — это нечто большее, чем неэгоистическое!».

«Мы рождаемся из жизней других людей. Мы обладаем способностью вызывать к существованию другие жизни».

«Единственный выход из убогого существования для человека заключается в том, чтобы стать достойным доверия другого человека».

«Человек, отныне ставший мыслящим, испытывает потребность относиться к любой воле к жизни с тем же благоговением, что и к своей собственной. Он ощущает другую жизнь как часть своей. Благом считает он сохранять жизнь, помогать ей; поднимать до высшего уровня жизнь, способную к развитию; злом — уничтожать жизнь, вредить ей, подавлять жизнь, способную к развитию. Это и есть главный абсолютный принцип этики».

«Чтобы быть счастливым, надо всего лишь иметь хорошее здоровье и плохую память»

ЯНУШ КОРЧАК (ГЕНРИК ГОЛЬДШМИТ)

В Варшаве установлен памятник Янушу Корчаку, гениальному педагогу, казненному в Трешлинке вместе со своими учениками из детского дома.

Не нова и не оригинальна мысль о свободе выбора, который каждый из нас осуществляет ежедневно. У Януша Корчака был выбор, по свидетельству Игоря Неверли, его бывшего секретаря и сотрудника, он мог спастись и выйти из гетто в любую минуту. Для него сняли комнату, приготовили документы. «Однако когда я зашел к нему, — вспоминает Неверли, — имея пропуск на два лица — техника и слесаря водопроводно-канализационной сети, он взглянул на меня так, что я съежился. Видно было, что он не ждал от меня такого предложения...

Смысл ответа доктора был такой... не бросишь же своего ребенка в несчастье, болезни, опасности. А тут двести детей. Как оставить их одних в запломбированном вагоне и газовой камере?»

Такие люди встречаются, к сожалению, крайне редко, и именно поэтому

мы должны о них помнить.

Афоризм Януша Корчака: «Вы говорите: дети меня утомляют. Вы правы. Вы поясните: надо опускаться до их понятий. Опускаться, наклоняться, сгибаться, сжиматься. Ошибаетесь. Не от того мы устаем, а от того, что надо подниматься до их чувств. Подниматься, становиться на цыпочки, тянуться. Чтобы их не обидеть».

...Генрик Гольдшмидт (настоящее имя Януша Корчака) родился в 1878 году в ассимилированной еврейской семье. Отец его был известным в Варшаве адвокатом, и обеспеченной интеллигентной семье были присущи все внешние атрибуты успешности: красивая квартира, прислуга...

В течение семи лет болезни отца семья окончательно обеднела, исчезли квартира с прислугой, пришлось переехать жить в бедный район.

Генрик, окончив школу и продолжив учебу на медицинском факультете Варшавского университета, занимался репетиторством, дабы обеспечивать мать и сестру.

На рубеже столетий он превращается в Януша Корчака, автора множества замечательных произведений: повестей «Дети улицы» (1901), «Дитя гостинной» (1906), «Моськи, Иоськи и Срули» (1910), «Король Матиуш 1» (1923), множества новелл и основных педагогических трудов — «Как любить ребенка» (1914) и «Право ребенка на уважение» (1929).

В 1923 году Корчак начинает врачебную практику в небольшой детской больнице Варшавы. Во время русско-японской войны 1904 — 1905 годов он — военный врач.

В 1907 году во время каникул Корчак отправляется воспитателем в детский лагерь. Фактически с начала 10-х годов прошлого столетия он работает в приюте для еврейских сирот. С этим Домом сирот Корчак будет связан до конца жизни. В своем раннем произведении «Исповедь мотылька» (1914) он написал: «Реформировать мир — это значит реформировать воспитание».

Я.Корчак всегда предостерегал от абсолютизации явлений и обобщений, ведь в процессе воспитания речь идет о конкретном ребенке, который требует индивидуального подхода. Необходимо отслеживать поведение ребенка в процессе развития и всех перемен, с ним происходящих, и уже исходя из этого вырабатывать наиболее эффективные приемы воспитания. Сам же процесс воспитания должен быть подчинен идее положительного развития, как физического, так и духовного здоровья.

Главная идея педагогических систем Януша Корчака — это абсолютная ценность детства. «Те, у кого не было безмятежного, настоящего детства, страдают всю жизнь». Ребенок по Корчаку — это сто масок, в сфере инстинктов — это смутные эротические предчувствия, в сфере чувств он превосходит

взрослого, у него нет тормозов. В сфере же интеллекта, ребенок не уступает взрослому, просто ему не хватает опыта. «Вот почему взрослый часто бывает ребенком, а ребенок — вполне зрелым человеком. Остальные различия объясняются тем, что он не зарабатывает и, будучи на иждивении, вынужден подчиняться». Корчак отмечал, что причиной унижения ребенка является лживая, проникнутая лицемерием система воспитания, которую взрослые не реформируют из простого чувства лени. Он подчеркивал, что нужно научить ребенка и отличать ложь, и ценить правду, не только любить, но и ненавидеть, не только уважать, но и презирать, не только соглашаться, но и возмущаться, не только подчиняться, но и бунтовать. Ребенок нуждается в свободе, но «мы, взрослые, не можем изменить нашу жизнь, воспитанные в неволе, мы не можем дать ребенку свободу, потому что сами в оковах».

Януш Корчак подчеркивал необходимость всестороннего изучения ребенка, необходимость узнать о нем как можно больше. И тут на него не могли не оказать влияния идеи позитивизма, активно распространявшегося в Польше того времени. Здесь можно вспомнить выдающихся представителей польского позитивизма психолога и педагога Яна Владислава Давида, писателя Болеслава Пруса, которые стали бесспорными авторитетами для Корчака и способствовали пробуждению в нем интереса к педагогике.

Во всех своих начинаниях Корчак проводит линию на создание системы, построенной на научных принципах. Так, доска объявлений в Доме сирот потрясает обилием извещений, предупреждений и отчетов. Огромное внимание уделяется самовоспитанию, воспитанию самостоятельности и справедливости. Причем воспитателю отводится роль помощника. Доска для общения с детьми, почтовый ящик для переписки воспитанников с воспитателями, стенгазета, совместные заседания, товарищеский суд, для которого Корчак составил воспитательный кодекс. В суд дети могли жаловаться как друг на друга, так и на взрослых.

Во вступлении к «Кодексу товарищеского суда» Корчак писал: «Если кто-то сделал что-нибудь плохое, лучше всего простить его. Если сделал плохое не нарочно, потому что не знал, что это плохо, теперь уже будет знать. Если сделал плохое не нарочно, в будущем будет осторожнее. Если сделал плохое, так как ему трудно привыкнуть, постарается больше не делать этого. Если сделал плохое потому, что его подговорили, больше не послушается. Если кто-то сделал что-нибудь плохое, лучше всего простить его, подождать, пока не исправится». Все решения суда были гласными, соблюдалась свобода высказываний, выбора судей, которыми были дети. Воспитатель же выступал в роли секретаря с совещательным голосом.

На основе судебного совета был образован совет самоуправления, бывший и законодательным и исполнительным органом суда. Им разрабатывались принципы, регулирующие жизнь Дома сирот. В совет входили

десять детей и воспитатель в качестве председателя и секретаря. Совет принимал решения, касавшиеся как всего коллектива, так и отдельных групп детей. Решения имели бессрочное или временное действие. Воспитательные функции выполнялись советом через проблемные комиссии (например, комиссия для проверки чистоты тетрадей и учебников), контролю и указаниям которых должны были подчиниться все воспитанники.

На вершине детского самоуправления находился сейм, состоявший из 20 депутатов и избиравшийся раз в год путем общего голосования. Его задачей было принятие либо отклонение постановлений совета самоуправления, а кроме того, установление праздников и знаменательных дат в жизни дома, присуждение наград. Но, несмотря на огромные полномочия, самоуправление не заслоняло собой воспитателей. В Доме сирот действовал педагогический совет, который нес ответственность за цели и результаты обучения, направление воспитательной работы, за опеку над детьми.

Следует отметить, что самоуправлением реформы Корчака не ограничились. Была введена система малых стимулов и импульсов самовоспитания. Это и «списки раннего вставания», и «списки драк», списки благодарностей и извинений, почтовые ящики, шкаф находок, «плебисциты доброты и антипатии», когда дети оценивали друг друга, тем самым устанавливая категории «гражданства». Шкала оценки отличалась многообразием вариантов, как-то: «товарищ», «жилец», «безразличный жилец», «обременительный новичок».

Особое место в педагогических системах Януша Корчака занимал труд. Он писал: «Труд не позорит, а возвышает индивида до ранга человека. Он стремился привить детям любовь к труду, они обязаны были поддерживать чистоту, помогать на кухне, в библиотеке, в мастерских. За выполнение специальных работ детям выплачивались деньги («доходные дежурства»). Корчак всегда подчеркивал одинаковую ценность и полезность интеллектуального и физического труда. Эти принципы он пытался воплощать в жизнь и в Доме сирот, и в доме для польских детей в Прушкове, и в своих выступлениях на радио.

Корчак много работал над развитием талантов детей. Огромное внимание уделял выработке волевых качеств.

1 сентября 1939 года началась Вторая мировая война, и польское государство прекратило свое существование. Вскоре в Варшаве и других польских городах были организованы гетто. В 1940 году Дом сирот переселяется в Варшавское гетто. Ужасы жизни евреев в оккупированной столице требуют отдельного рассказа, отметим лишь, что началось планомерное уничтожение еврейского народа.

В 1942 году в четырехэтажном доме на Хлодной улице Варшавского гетто, где расположился Дом сирот, шестидесятичетырехлетний врач, педагог и

писатель Януш Корчак начал вести дневник. К этому времени на его попечении находилось двести детей, и вся педагогика, методология, философия и прочие премудрости свелись к одному вопросу: как достать двести килограммов картошки на небольшом каменном пяточке, куда согнали 370 тысяч евреев? Каждую субботу, как положено, Корчак взвешивал детей. «Час субботнего взвешивания — час сильных ощущений», — записал он в дневник. Дети катастрофически худели.

К лету 1942 года у Корчака уже не было никаких сомнений в том, какое будущее ожидает его и детей. Вряд ли он знал о директиве штурмбаннфюрера СС Хефле, предписывавшей начать «выселение на восток» (то есть в концлагерь Трешлинка), но по происходившему вокруг понимал, что немцы начали методичную и планомерную работу по уничтожению евреев. Смерть в эти месяцы превратилась для Корчака и его детей из абстрактной перспективы в близкую неизбежность. Дни Старого Доктора были заполнены с раннего утра до поздней ночи. Он писал письма с просьбой помочь детям хоть каким-нибудь продовольствием, чуть позже он взял на себя заботы о Доме подкидышей. «В помещении, рассчитанном на несколько сот, находилось несколько тысяч детей, — вспоминает один из очевидцев... — и доктор Корчак решил расчистить эти авгиевы конюшни».

Мог ли он не думать о том, для чего спасает их? Мог ли он, пожилой человек, не склонный к самообольщению, не размышлять о том, какое будущее ждет его воспитанников? Дети и смерть — само сочетание этих слов заставляло его душу трепетать в отчаянии. Видение душегубки не раз возникает на страницах его дневника, но он оберегает детей, которых уберечь нельзя. Перед ним, всю жизнь готовившем детей для жизни, стоит вопрос, которого не может быть ни в одном педагогическом учебнике: как готовить детей к смерти? Говорить им правду или обманывать? Любое решение мучительно, но до поры до времени им двигал инстинкт воспитателя, заставлявший его делать то, что он делал всегда. «Пасмурное утро. Половина шестого. Будто и нормально начался день. Говорю Ганне (секретарю): - «Доброе утро». Она отвечает удивленным взглядом. Прошу: «Ну, улыбнись же!».

Удивительная чистота и доброта этого человека не отступили перед лицом кошмарной действительности и грузом непосильной ответственности. Он оставался все тем же Старым Доктором, в душе которого не было ненависти даже к солдатам, охранявшим гетто. Основной принцип его педагогической деятельности — желание понять, проникнуть в душу — не изменял ему и тогда, когда он, поливая цветы, в окно наблюдал за часовым. «А может, в бытность свою штатским, он был сельским учителем, может, нотариусом, подметальщиком улиц в Лейпциге, официантом в Кельне? А что он сделал бы, кивни я ему головой? Помаши дружески рукой? Может быть, он не знает, что все так, как есть? Он мог приехать лишь вчера, издалека...» — записывал он в

дневник в тщетной надежде.

Днем Корчак вел обыденную жизнь воспитателя и учителя, которая трудно поддается описанию, поскольку состояла из десятков ничего не значащих на первый взгляд событий и случаев. Он, как обычно, рассказывал детям истории и сказки, читал с ними книги, наполнял их время учебой и трудом. Старшие должны были заботиться о младших, все вместе — о порядке в Доме сирот. Сам он был одновременно повсюду — в столовой, в спальне и в классе. Был, как всегда, ровен и спокоен, действовал так, как будто и его, и детей ждет большое будущее. Однако под этой мифической крепостью, которую выстроил Старый Доктор, постепенно разверзлся ад. Об этом он написал в дневнике, предаваясь чувству полнейшего отчаянья: «Какие страшные сны... Этой ночью опять мертвецы. Мертвые тела маленьких детей... В самом страшном месте опять просыпаюсь. Не является ли смерть таким пробуждением в момент, когда, казалось бы, уже нет выхода?»

Дневник Януша Корчака — это книга, написанная человеком, прекрасно осознающим, что ему предстоит, и принявшим решение, изменить которое невозможно. Решение было простым — остаться с детьми. Когда он понял, что жизнь уже сложилась и судьба определена? Когда молодым врачом пришел в лазарет для детей из бедных семей? Когда основал Дом сирот? Самые главные решения накапливаются в душе незаметно и упорно, изо дня в день, из года в год, и потом «вдруг» наступает тот день, когда становится ясно — все уже решено, и поздно что-то менять. И вот Януш Корчак, автор веселых и мудрых книг, в которых он рассказывал миру о детях, пишет свою последнюю книгу в гетто. Он даже не надеется, что эти тоненькие тетрадки в голубых обложках избегут той судьбы, что уготована ему и детям. Он пишет не в назидание человечеству, а руководствуясь желанием в последние оставшиеся ему недели еще раз утвердиться в своем решении и своей вере. Вере в то, что человек имеет право быть самим собой — быть свободным, и возраст тут ни при чем.

В ребенке он всегда видел человека, а не его полуфабрикат.

А 6 августа 1942 г. по приказу гитлеровцев его воспитанники отправились в свой последний путь. Корчак шел впереди, держа за руки мальчика и девочку, а над детским строем развевалось зеленое знамя. Те, кому оставалось жить одни сутки, молча протестовали.

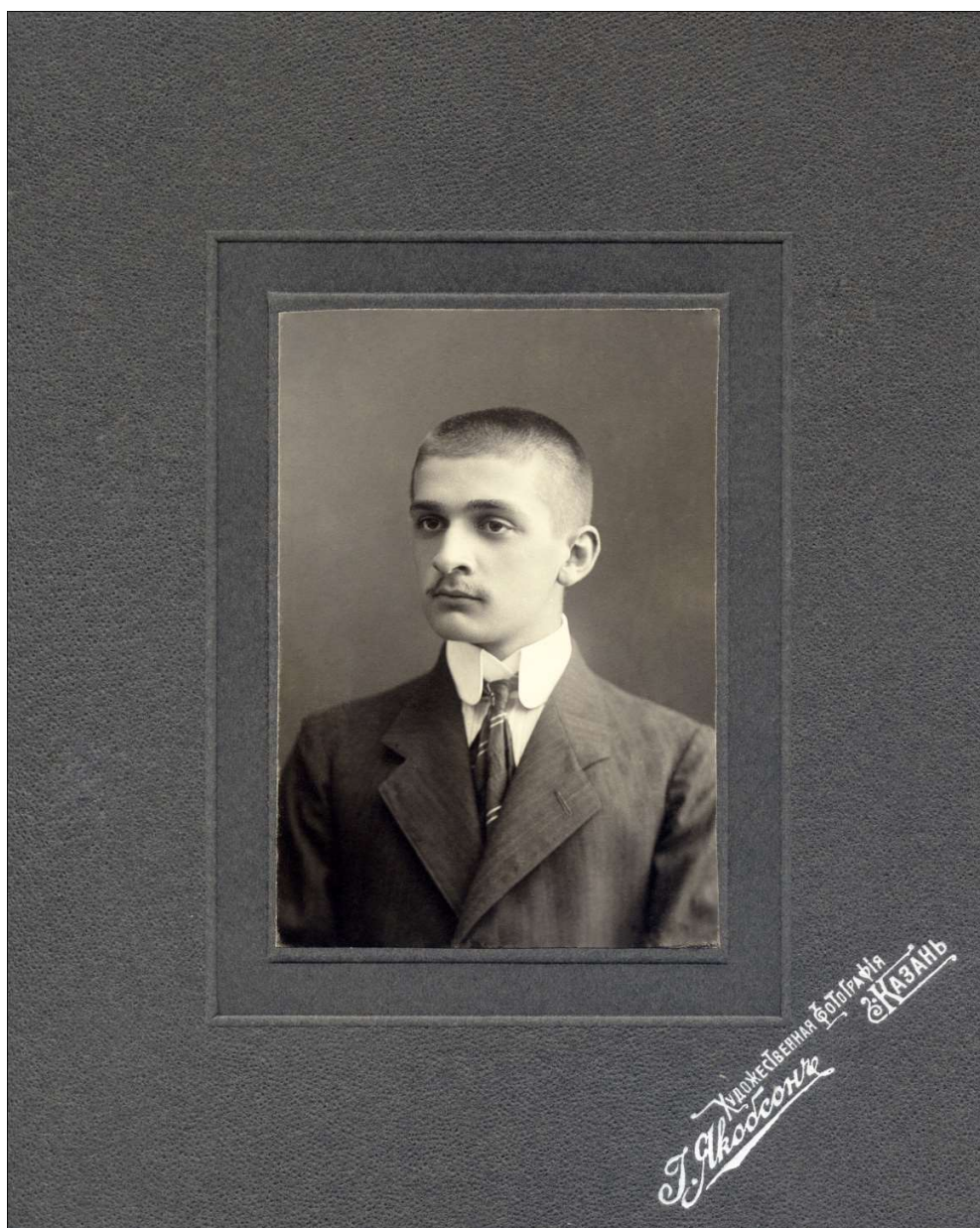
Так и пришли на Умшлагплац. "Что это?!" - закричал комендант. "Корчак с детьми", - ответили ему. Тот стал что-то вспоминать, но вспомнил только тогда, когда дети были в вагонах.

"Я читал вашу книжку в детстве, хорошая книжка, вы можете остаться, доктор", - сказал комендант. "А дети?". "Дети поедут", "Вы ошибаетесь, дети прежде всего!" - ответил доктор и захлопнул двери вагона. Поезд повез детей в Треблинку.

Спасти удалось только одного мальчика: Корчак поднял его на руки, и тот сумел пролезть в маленькое окошко товарного вагона. Но и он потом погиб в Варшаве.

Когда незадолго до гибели кто-то спросил Корчака, что бы он сделал после освобождения, - если дождется, конечно, - доктор ответил, что хотел бы воспитывать осиротевших немецких детей.

ВЛАДИМИР АЛЕКСЕЕВИЧ КАЗЕМ-БЕК

Владимир Алексеевич Казем-Бек родился в Казани в 1892 г. Его предки были владетельными персидскими князьями, но прадед уже обосновался в России. Отец его известный профессор-медик Казанского университета, мать представительница из старинного дворянского рода.

В 1910 г. В.А.Казем-Бек поступил на медицинский факультет Казанского университета, после окончания которого в 1915 г. уехал на фронт, где заведовал летучим госпиталем Красного Креста. В 1917-1918 г.г. Казем-Бек работал в Казани в военном госпитале, в конце лета 1919 г. он стал врачом при Академии Генерального штаба и вместе с Академией в начале 1920 г. прибыл в Харбин, где стал работать в хирургическом отделении госпиталя охранных войск. Там он прослужил до 1922 г., а после расформирования госпиталя стал работать в городской больнице в хирургическом отделении.

Казем-Бек был прекрасным врачом и благороднейшим человеком. Он имел в Харбине большую практику, работал с раннего утра до поздней ночи. Значительную часть больных лечил бесплатно. Он помогал бедным больным деньгами, привозил им провизию, одежду. Казем-Бек был деликатен, скромн. Он умел помогать так, чтобы его помощь не стесняла и не угнетала. Много раз он рисковал жизнью, спасая жизнь своих больных. Он не мог спокойно видеть чужих страданий. Все получали от него помощь – нищие Харбина, опустившиеся интеллигенты, уличные бродяги.

«Харбинский Гааз» звали его.

Для личной жизни времени у него не оставалось.

Скончался Казем-Бек от скарлатины на 40-м году жизни, заразившись от больного ребенка. После его смерти в Харбине были построены две больницы для бедных, носящие имя доктора Владимира Алексеевича Казем-Бека.

ФЛОРАНС НАЙТИНГЕЙЛ

Флоранс Найтингейл (1820-1910)

Первая в мире медсестра. Англичанка. Руководитель отряда санитарок во время Крымской войны 1853-1856 годов. Создала систему подготовки кадров среднего и младшего медперсонала в Великобритании.

В 1912 году Красным крестом учреждена медаль её имени.

Лонгфелло посвятил ей поэму «Святая Филомена».

Родилась в Италии , во Флоренции 12 мая, 1820, была крещена в Англиканской церкви 4 июля . В шестнадцатилетнем возрасте она ощутила призыв Бога в виде некоего «мистического опыта». Она не захотела выходить замуж, решив посвятить свою жизнь социальной деятельности, которую она обозначила, как "человечность создаёт человечность» Она сказала: «Человечество должно организоваться так, чтобы оно могло бы жить в гармонии с целями Бога».

Основанием ухода от обычного, светского образа жизни она объявила объединение единомышленниц в организацию медсестёр, как «служанок Бога». В 30 лет она уже была руководителем Учреждения, занимавшегося уходом за больными людьми в трудное время для Англии в Лондоне. Она ставила своей целью облегчение физического состояния больных, улучшение стандартов ухода за ними и устройства всего дела.

В течение двух лет она стала главным организатором больниц во всей стране. Её друг написал о ней в эти годы: «она, должно быть, существо другой

расы, наполненное каким-то божественным откровением .... Она кажется слишком святой, чтобы просто ею удивляться. Такое впечатление, что Господь посылает ей вдохновение , как он посылал его пророкам и святым».

Она сказала относительно миссии своей жизни в 1873 году: «вы говорите, что мистическая или духовная религия - не достаточно для большинства людей без активной деятельности. И я могу сказать, что я не помню времени, когда это не было целью моей жизни. Но две мысли, которыми Бог определил всю мою жизнь, были: сначала, вселять глубокое религиозное чувство в других, особенно в женщин, чтобы потом сделать их «служанками Бога».

По просьбе Британского правительства, она согласилась отправиться в качестве руководителя медсестёр в Турцию, чтобы организовать медицинское обслуживание для раненых или больных британских солдат в течение Крымской войны (1854-56). В течение этого времени она организовала там больницу, представ (по её словам) «перед колоссальными бедствиями войны». Это был первый пример современной больницы крупного масштаба с существованием ухода медсестёр.

В это время в Крыму она заболела «крымской лихорадкой» и была недееспособна с 1858 до 1888 из-за истощения и болей. Сейчас её болезнь можно определить, как хронический бруцеллёз.

Она так описала свой опыт: «я положила жизнь на алтарь умирающих людей и, пока я жива, буду бороться с причинами их смерти». В течение 34 лет она неустанно работала над санитарной реформой в Англии и Индии, чтобы улучшить здоровье британских солдат. В течение этих лет она организовала современную работу медсестёр. Её наиболее известная книга, «Записки медсестры: Как надо и как не надо работать» - стандарт, все еще не устаревший и теперь.

Позднее она описала свою веру в Бога в письме её духовнику: «Бог

детства, юношества и среднего возраста, но особенно Бог старости учит нас делать все Его именем и для Его прославления».

Флоранс Найтингейл умерла полдень 13 августа 1910 года.

ВИЛЬЯМ И КЕТРИН БУТ - основатели Армии спасения

Вильям Бут

Кэтрин Бут

Девиз Армии: "Сердце - Богу, руку - человеку", международной христианской благотворительной организации, отличающейся жесткой дисциплиной, наличием боевого устава и знамени, тем, что прихожане и проповедники носят форму и подчиняются своему генералу. Они не употребляют алкоголя, табака и наркотиков, не играют в азартные игры.

"Мы не добровольцы, ибо мы должны..."

«Армия Спасения» была основана в Ист-Энде Лондона священником - методистом Вильямом Бутом и его женой Кэтрин Бут. Первоначально, организация назвалась «Ист-Эндской лондонской христианской Миссией», но с 1878 года приобщилась и к помощи участникам военных действий, когда сын Вильяма Бута Бромвелл Бут возразил против названия - «доброволец» и заявил, что он – или солдат регулярной армии, или никто. Тогда и было принято название «Армия Спасения».

С тех пор Вильям Бут стал известен, как генерал, Кэтрин была названа - «Мать Армии Спасения». Вильям проповедовал бедным, а Кэтрин работала с богатыми, получая финансовую поддержку в пользу их работы. Она также действовала как религиозный миссионер, необычный для того времени; впервые было заявлено, что женщины имели право проповедовать дело фонда христианской Миссии наравне с мужчинами.

Вильям Бут описал так свой подход к организации: « три ‘лучшие ‘S's», выражающие путь, которым «Армия» управляла и «вверх», и «вниз»: во-первых, суп; во-вторых, мыло; и, наконец, спасение». (Soup, Soap, Salvation).

В 1880 году «Армия спасения» начала свою работу в трех других странах: Австралия, Ирландия, и Соединенные Штаты. Не обязательно было быть официальным чиновником «Армии Спасения», чтобы открыть отделение «Армии» в новой стране; иногда член «Армии спасения» эмигрировал в страну и начинал сотрудничать с властью страны, как представитель «Армии спасения». Когда первые официальные чиновники прибыли в Австралию и Соединенные Штаты, они уже нашли группы членов «Армии спасения», ожидающие их.

Вначале новообращенные «Армии спасения» были алкоголиками, наркоманами, проститутками и другими нежелательными и неудобными членами законопослушного христианского общества. «Армия Спасения» не требует от своих «солдат» исполнения религиозных обрядов. Она ждёт от них христианского смирения и внутреннего совершенствования. Её участники должны полностью воздерживаться от алкоголя, от курения, от наркотиков и от азартных игр. Её «солдаты» носят униформу, соответствующую обычаям страны, в которой они работают; униформа может быть белой, серой, цвета морской волны, должна хорошо выглядеть, в некоторых областях она даже разработана, как сари. Любой член общества встречается, как долгожданный друг. «Армия Спасения» работает в 118 странах.

МАТЬ ТЕРЕЗА

Еще одним примером служения людям, независимо от их расы, нации, возраста, пола, состояния, вероисповедания и других признаков является мать Тереза.

26 Августа 2010 г. исполнилось 100 лет со дня рождения Матери Терезы

Мать Тереза (полное имя — Мать Тереза Калькуттская, имя в миру — Агнес Гонджа Бояджиу, алб. Agnesë Gonxhe Bojaxhiu) — католическая монахиня, основательница женской монашеской конгрегации «Сестры Миссионерки Любви», занимающейся служением бедным и больным. Она умерла в 1997 году в возрасте 87 лет. Лауреат Нобелевской премии мира. Причислена Католической Церковью к лику блаженных.

Образ христианства действия - вот еще один из даров христианского Запада православному Востоку, дар, нами принятый в первый раз из рук доктора Гааза, затем из рук немки и по рождению лютеранки - святой Елизаветы Феодоровны и затем из рук матери Терезы и многих ее сестер.

У одного журналиста, наблюдавшего ежедневную возню матери Терезы и сестер ее ордена Милосердия с прокаженными, больными и умирающими, вырвалось: «Я бы не сделал этого и за миллион долларов». «За миллион и я бы не сделала, — ответила мать Тереза, — только бесплатно! Из любви ко Христу!»

История матери Терезы проста.

Будучи благополучной директрисой католической школы для девочек, однажды, купив на рынке дешевое сари, с двумя рупиями в кармане растворилась в трущобах Калькутты и посвятила всю свою жизнь бедным и больным.

Десять заповедей матери Терезы

- 1.Люди бывают неразумны, нелогичны и эгоистичны – всё равно прощайте им.
- 2.Если вы проявили доброту, а люди обвинили вас в тайных личных побуждениях – всё равно проявляйте доброту.
- 3.Если вы добились успеха, то у вас может появиться множество мнимых друзей и настоящих врагов – всё равно добивайтесь успеха.
- 4.Если вы честны и откровенны, то люди будут вас обманывать – всё равно будьте честны и откровенны.
- 5.То, что вы строили годами, может быть разрушено в одночасье – всё равно продолжайте строить.
- 6.Если вы обрели безмятежное счастье, то вам будут завидовать – всё равно будьте счастливы.
- 7.Добро, которое вы сотворили сегодня, люди позабудут завтра – всё равно творите добро.
- 8.Делитесь с людьми самым лучшим из того, что у вас есть, и им этого никогда не будет достаточно – всё равно продолжайте делиться с ними самым лучшим. В конце концов вы убедитесь, что всё это было между Богом и вами, а не между вами и ими.
- 9.Неважно, кто и что говорит о вас – принимайте всё это с улыбкой и продолжайте делать своё дело.
- 10.Молитесь вместе и пребудьте в единстве.

ГЛИНКА ЕЛИЗАВЕТА ПЕТРОВНА

Елизавета Петровна Глинка (широко известна как *Доктор Лиза*, родилась 20 февраля 1962 года) — известный российский филантроп, врач-реаниматолог, врач паллиативной медицины, исполнительный директор фонда «Справедливая помощь».

В 1986 году закончила Второй Медицинский институт им. Н. И. Пирогова по специальности врач-реаниматолог. В этом же году эмигрировала в США, где вышла замуж, в 1991 году получила второе медицинское образование по специальности «паллиативная медицина» в Дартмундской медицинской школе.

В 1999 в Киеве основала первый хоспис при Онкологической больнице. Член правления Фонда помощи хосписам «Вера». Президент «VALE Hospice International», в Москве в 2007 году основала благотворительный фонд «Справедливая помощь», оказывая помощь умирающим онкологическим больным, малообеспеченным людям, бездомным. В 2010 году организовывала активную добровольческую помощь пострадавшим от лесных пожаров в центральных областях России.

Фильм «Доктор Лиза» о деятельности Елизаветы Петровны был показан по РЕН-ТВ и выиграл премию ТЭФИ-2009 как лучший документальный фильм.

PS. Сохранен текст опубликованной книги.

Елизавета Петровна Глинка («Доктор Лиза») трагически погибла 25 декабря 2016 г. в авиакатастрофе в акватории Черного моря близ г.Сочи, Краснодарский край, Россия).

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Докторъ Ѳ. ГААЗЪ.

А $\frac{249}{222}$

ПРИЗЫВЪ КЪ ЖЕНЩИНАМЪ.

ПЕРЕВОДЪ

Л. П. Никифорова.

МОСКВА.

Типо-литографія Высоч. утв. Г-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о,
Памевова ул., соб. домъ.
1897.

ПРИЗЫВЪ КЪ ЖЕНЩИНАМЪ.

Доктора Ф. Газа

посмертное издание

«И когда Я вознесен буду
от земли, всех привлеку к Себе»

Иоан. 12, 32

перевод с французского

Л.П. Никифорова

Москва

1897

ПРИЗЫВЪ КЪ ЖЕНЩИНАМЪ.

Никто не может прийти ко

Мне, если не привлечет его

Отец, пославший меня. Иоан. 6, 44.

Вы еще не привлечены, говорить
блаженный Августин, молитесь же,

222

чтоб Он привлек вас.

Также и вы, жены, повинуйтесь своим мужьям, чтобы те из них, которые не покоряются слову, житием жен своих без слова приобретаемы были, когда увидят ваше чистое, богобоязненное житие. Да будет украшением вашим не внешнее плетение волос, не золотые уборы или нарядность в одежде, но сокровенный сердца человек в нетленной красоте кроткого и молчаливого духа, что драгоценно перед Богом.

Апостол как бы говорит женщинам, что задача их заключается не в том, чтобы царить чувственно, что высший закон супружеского союза должен очистить человека, постепенно возвышая его от чувственной к безусловной любви, что для достижения этой цели женщина-христианка должна пленять душу своего мужа не искусством эфемерных нарядов, не блеском гибнущей красоты, но негибнущими очарованиями нравственной красоты, непреодолимой привлекательностью добродетели, лучезарным блеском невидимого человека, обитающего в сердце; она должна подчинить росту своей чистоты все, что есть в природе ее мужа нечистого и животного; она должна, так сказать, переродить эту природу, потопив плотского человека со всеми его дурными наклонностями и вожделениями в безграничной своей христианской любви. Нужно, словом, чтобы в глазах своего мужа она украшалась тою сердечною добротой, тою нравственной прелестью, которую Сам Бог считает лучшим украшением женщины. Пленя такую красотой, жена-христианка выполнить по отношению к неверующему мужу свою миссию возрождения божественного слова, конечная

цель которого есть дематериализация человека с целью вознести его до высоты и величия Христа.

На учении апостола Павла мы основываем следующее положение:

„Призвание женщины—содействовать не только поддержанию доброго общественного порядка, но и перерождению его, когда это перерождение становится необходимым, а для этого она должна подчинять все свои слова и дела духу христианства, которое проникнуто добротой, смирением, заботой о спасении душ, снисходительностью, справедливостью, правотой, скромностью, терпением и милосердием”.

Вот почему мы призываем их тщательно выполнять следующие правила.

I.

Никогда самим не злословить, соблюдая в этом наставление царя Давида в 38 псалме: «буду я наблюдать за путями моими, чтобы не согрешать мне языком моим» Св. Амвросий особенно хвалит этот псалом. И, действительно, воздержанность языка он считает первую ступенью и лучшим признаком духовной, то есть христианской жизни.

„Если кто из вас думает, что он благочестив, говорит апостол Яков (I, 26), и не обуздывает своего языка, но обольщает свое сердце, у того пустое благочестие”.

II.

Всегда заступаться за отсутствующих (поскольку они по совести того заслуживают), следуя в этом великой заповеди Христа: „во всем как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними, ибо в этом закон и пророки“.

На обеденном столе блаженного Августина была сделана следующая надпись:

Quisquis amat dictis absentum rodere famam,
Hanc mensam vititam novcret esse sibi.

„Кто любит в разговорах затрагивать доброе имя отсутствующих, пусть знает, что доступ к этому столу ему воспрещен“.

Если человек, даже наиболее достойный любви, забывал этот совет, говорит биограф Августина, то хозяин говорил ему: „или мы сотрем это изречение, или я удалюсь в свою комнату“.

III.

Заботиться о том, чтоб никто из семейных или из ближних не стал жертвой какой-нибудь страсти.

Главные западни, которые враг человеческого рода расставляет людям с целью привлечь их к себе и обречь на вечное несчастье, это страсть к вину, к азартным играм и к незаконным связям. Поэтому нужно, чтобы женщины, принимающие близко к сердцу истинное счастье здесь на земле и спасете ближних, мудро и чисто по-матерински заботились бы о том, чтобы в их семьях употребление крепких и всяких спиртных напитков было совсем упразднено.

Они должны приступать к этому осторожно, благоразумно, опираясь на авторитет врача или на какой-нибудь похвальный довод, какой сочтут наиболее приличным. Они постараются, чтоб и в их доме и в их хозяйстве, словом, всюду, где от них зависит, — наилучшие места, помощь и покровительство предоставлены были преимущественно людям, обещающим не употреблять водки и других спиртных напитков и отличающимся хорошим поведением, экономией, трудолюбием, правдивостью, порядочностью и добросовестностью в исполнении своих обязанностей. Они не побоятся выказывать одобрение правилам обществ трезвости. Они позаботятся о том, чтобы в их домах играли в карты для забавы, а не для обыгрывания друг друга. Они постараются довести всех окружающих до сознания божественного закона, повелевающего каждому человеку быть верному той жене, которую Бог дал ему.

Грех соблазняет не смертью, порождаемою им, а теми прелестями, которые его вызывают; и никогда никто не извиняет его, когда он доводит до страшного конца. К несчастью, последнему придают очень мало значения, или же незаметно проходят мимо, тем более, что путь к печальной развязке, до которой неизбежно доводит это преступление, усеян цветами. Вот почему женщины, которым мы советуем заботиться о счастье их семьи и общества, должны, подчинившись чистою душой закону Бога, признать сами и уяснить всем необходимость избегать и удаляться от опасности, скрытой под всевозможными пленительными чарами.

Они должны облечься во всевозможные добродетели, достойные их. „Не говорите лжи друг другу, совлекшись ветхого человека с делами его и облекшись в нового, который обновляется в познании по образу Создавшего его“.

Итак, облекитесь, как избранные Божии, святые и возлюбленные, в милосердие, благодать, смиренномудрие, кротость, долготерпение, снисходя друг другу и прощая взаимно, если кто на кого имеет жалобу: как Христос простил вас, так и вы. Более же всего облекитесь в любовь, которая есть совокупность совершенства. И да владычествует в сердцах ваших мир Божий, к которому вы и призваны в одном теле, и будьте дружелюбны (к Колос. III, 9—15). Эта любовь долго терпит, милосердствует, не завидует, не превозносится, не гордится" ... (к Кор. 13, 4—5).

„Радуйтесь, говорить тот же апостол, всегда в Господе, и еще говорю: радуйтесь. Кротость ваша да будет известна всем человеком. Господь близко. Не заботьтесь ни о чем, но всегда в молитве и прощении с благодарением открывайте свои желания перед Богом, и мир Божий, который превыше всякого ума, соблюдет сердца ваши и помышления ваши во Христе Иисусе. Наконец, братья мои, что только истинно, что честно, что справедливо, что чисто, что любезно, что достославно, что только добродетель - и достойно похвалы, о том помышляйте (к Филип. IV, 4—8).

Развивать в себе и на долго проявлять справедливое сочувствие и сострадание к людям служащим им или находящимся в зависимости от них. „Если кто о своих и особенно о домашних не печется, говорит Ап. Павел, тот отрекся от веры и хуже неверного" (к Тим. I, 5,8.). Они должны стараться убедиться в том, что люди, служащие им, их рабочие и прислуга не находятся в заведывании людей недостойных. Они должны запрещать и безусловно следить за тем, чтобы никто в их доме не употреблял божбы и никаких дурных и оскорбительных слов, и серьезно обращать внимание на ту строгость, с какой должно отнестись к каждому, кто скажет брату своему только „рака", это еврейское слово, означающее пустой человек (Мате. V, 22.). Они будут напоминать и строго соблюдать божественную заповедь Христа: „не судите, да не судимы будете" (Мате. 7,1), но будут стараться судить самих себя, „ибо если бы мы судили самих себя, то не были бы судимы" (к Кор. I, II, 31.). Они введут в своих домах обычай общего чтения особенно хороших книг и соблюдения воскресного дня, как дня посвященного Богу.

VI.

„Смотрите, чтобы кто кому не воздавать злом за зло, но всегда ищите добра и друг другу и всем" (к Фессал. I, 5.15).

Трудясь над самоусовершенствованием, он, ввиду правильно понятых интересов общества, будут стремиться к тому блаженству, которое обещано кротким. „Блажены кроткие, ибо они наследуют землю" (Мате. 4). Они наследуют землю силою кротости, доброты и

справедливости, закрепив это преданностью мужчинам, наследующим теперь землю. Справедливости в особенности Соломон приписывает громадное влияние: „В обилии правды великая сила“, говорит он в своих Притчах (глава XV. ст. 5).

Опираясь на поучения Ап. Павла (к Рим. XII, 21; к Евр. X, 24 и Коринте. I 16, 14), они не дадут злу победить их, но будут стремиться победить зло добром, будут внимательно поощрять друг друга к любви и добрым делам, стараясь, чтобы все у них было с любовью.

Они всегда будут помнить, что последняя речь Спасителя к ученикам перед крестным Его страданием начиналась с следующих слов: „заповедь новую даю вам, да любите друг друга, как Я возлюбил вас, так и вы любите друг друга. Потому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою“.

VII.

Женщины-христианки будут деятельно помогать устройству приютов для нуждающихся, для бедных больных, для детей-сирот и для престарелых, дряхлых людей, покинутых и не имеющих силы добывать свой хлеб трудом.

Они никогда не будут откладывать на завтра то, что могут сделать сегодня. Они будут торопиться делать добро. То, что им почему-нибудь недоступно самим, они настоятельно и кротко будут просить сделать *тех*, кому это возможно, и не будут краснеть, решаясь на эти хлопоты и просьбы, внушаемые им духом милосердия, не станут

останавливаться перед унижением, испытываемым при отказах. Всякое унижение, которое они будут переносить при исполнении воли Христа и ради желания пользы ближнему, в свое ВРЕМЯ превратится для них в драгоценную жемчужину.

VIII.

Они будут делать добро скромно, не тщеславясь и стараясь как можно меньше тратить на себя. При искушениях роскошью они будут вспоминать об евангельском Лазаре и богаче. А если они уже поддались искушению роскоши, то пусть уделяют на дела благотворительности часть суммы, которую они тратят. Еврейский закон определял, что десятая часть (десятина) должна быть посвящена на добрые дела.

Мытарь, тронутый посещением Спасителя, решил отдать половину своего имения бедным. Пусть каждый установит для себя правило относительно этого. Я же позволю себе заметить, что, в силу превосходства христианства, христианская добродетель должна быть выше добродетели еврейской. Определив свои расходы и не расширяя, а энергично сокращая их, женщины уже не станут за недостатком денег отказывать бедным в необходимой помощи.

IX.

Они будут разумно заботиться о своем здоровье, считая его даром, завещанным Провидением каждому из нас для того, чтобы мы могли выполнять наши обязанности. И в самом деле, болезни препятствуют нам хорошо служить Богу и ближнему. Они, между

прочим, лишают нас возможности посещать страждущих, а между тем видеть воочию несчастья ближних и лично облегчать их, как ангелы утешители, есть одна их существенных наших обязанностей. Но, тратя даром свое здоровье, схватывая по небрежности различные продолжительные болезни и не заботясь об излечении их необходимыми средствами, мы доходим до того, что у нас пропадает множество дней и недель, которые мы могли бы употребить с пользой и о которых нам придется отдать отчет, когда мы уже не в силах будем исправить эту преступную небрежность, и когда мы страстно, но тщетно захотим продолжить эту жизнь еще хоть на два, на три часа, или хотя бы даже на несколько только минут.

Вот почему мы должны считать своей священной обязанностью ничем не пренебрегать для сохранения и восстановления здоровья. „Сын мой, в болезни твоей не будь небрежен, но молись Господу, и Он исцелит тебя. Оставь греховную жизнь и исправь руки твои, и от великого греха очисти сердце. И дай место врачу, ибо его создал Господь, и да не удаляется он от тебя, ибо он нужен (Сир. XXXVIII 9, 10, 12). „Призови Меня в день скорби; Я избавлю тебя, и ты прославишь Меня". (Псал. XLIX, 15).

X.

„Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими" (Мате. V, 9).

Миром завершается все доброе, и без мира нет ни благоденствия, ни спасения человеку. Вверяя женщинам сохранение мира и ожидая от их

посредничества восстановления его, мы действительно возлагаем на них обязанность достойную сынов Божиих. „Стремитесь прославиться миролюбием, говорил святой человек, — и тысячи людей будут искать у вас прибежища“. Какое жалкое и мучительное зрелище представляют нам распри между людьми, которые по самому свойству своей природы должны быть едины мыслью и волей. Распри порождают разъединение.

Разъединение ведет к отвращению. Отвращение... но мы умалчиваем о его последствиях. Не призрачно ли счастье таких людей, и не стоят ли они на самом краю вечной гибели? Не желать прощать и помириться есть один из самых крупных грехов. Отказываясь от примирения, мы пренебрегаем и отталкиваем от себя милосердие Бога, Который дарует нам прощение наших грехов только при том условии, чтоб и мы прощали обижающих нас. Какое почтение, какое уважение должны мы питать к тем людям, которым удастся примирить враждующих. Лучший пример той опасности, которой подвергаются люди, упорно отказывающиеся от примирения, дает нам следующий рассказ о мученике Никифоре, который мы выписываем у Франсуа де Саль.

2*

XI.

В царствование императоров Валерия и Галла жили в Антюхии священник, по имени Киприан, и мирянин Никифор. Их соединяла такая сильная и старинная дружба, что их считали как бы родными братьями, но, тем не менее, неизвестно почему, они поссорились, и, как всегда бывает, эта дружба перешла в еще более яростную ненависть.

Прошло несколько времени и Никифор признал свою вину и три раза пытался примириться с Киприаном. Он то через одних, то через других общих друзей просил у него прощения; Киприанъ оставался глух ко всем просьбам и увещаниям и отказывался от примирения так же гордо, как умиленно молил его Никифор, который наконец решил, что если Киприан увидит его распростертым у своих ног и молящим о прощении, то будет сильнее тронут; и вот он отправился к нему и, смело бросившись к его ногам, просил его: „прости меня, отец мой, ради Христа“. Но и это смирение встречено было с такой же гордостью и с таким же презрением, как и все предыдущие мольбы. Тем временем на христиан воздвигнуто было гонение, и Киприанъ, в числе других, был схвачен и претерпел смело тысячи мучений, исповедуя свою веру; его страшно пытали орудием нарочно устроенным в Форме винта тисков, но он не изменил своей твердости, и возмущенный правитель Антиохии осудил его на смерть. Его вывели тогда из тюрьмы и повели на место казни, где он должен был воспрять венец мученика. Никифор, услышав об этом, выбежал на встречу Киприану и, пав перед ним ниц, громким голосом молил: „о, Христов мученик, прости меня, ибо я обидел тебя“. Но Киприан не обращал на него внимания. Тогда бедный Никифор поспешил опередить его по другой улице и снова пал перед ним и умолял его простить, говоря: „о, мученик Христов, прости оскорбление, которое я нанес тебе, прости мне, потому что я, как и всякий человек, способен впасть в прегрешения, тебя же ожидает венец, приуготовленный Христом, от которого ты не отрекся, исповедуя имя Его перед лицом многих свидетелей“. Но Киприанъ, упорствуя в своей гордости, не ответил ему ни слова; палачи же дивились упорству Никифора и говорили ему: „Никогда еще нам не приходилось видеть такого глупца, как ты: этого человека ведут на смерть и на что тебе его

прощение?" Никифор отвечал им: „Вы не знаете, чего я прошу у этого человека, исповедующего Христа, но Бог знает это.“

Когда Киприан пришел на место казни, Никифор снова бросился перед ним и сказал: „Умоляю тебя, мученик Христов, прости меня, ибо в писании сказано: просите и дастся вам“. Но слова эти не смягчили гордого и злого сердца Киприана, который, упорно отказываясь простить ближнего, был справедливым судом Божиим лишен славной пальмы мученика, Когда палачи, собираясь отсечь ему голову, велели ему стать на колени, бодрость духа покинула его, и он начал молить их о пощаде и наконец гнусно и постыдно заявил: „Молю вас — не отрубайте мне головы; я готовь исполнить повеление императоров и принести жертву идолам“. Услыхав это, бедный Никифор со слезами на глазах воскликнул: „брат мой, прошу тебя, не нарушай закона и не отрекайся от Христа; не отступай от Него, умоляю тебя, и не лишайся небесного венца, который ты приобрел ценою стольких усилий и мучений!“ Но, увы, этот жалкий священник, приблизившись к престолу мученичества, чтобы посвятить свою жизнь вечному Богу, не вспомнил слов, сказанных великим страдальцем: „если ты принесешь дар твой к жертвеннику и там вспомнишь, что брат твой имеет что-нибудь против тебя, — оставь там дар твой перед жертвенником, и пойдя прежде примиришься с братом твоим, и тогда приди и принеси дар твой“. И Бог отверг его жертву и, лишив его Своего милосердия, попустил его не только лишиться вечного блаженства мученика, но и впасть в несчастье идолопоклонства, тогда как скромный и кроткий Никифор, видя, что венец предназначенный Киприану, остается свободным, в порыве чудного восторга, смело приблизился воспринять его, говоря стражи и палачам: „друзья, я христианин и по истине верую во Христа, от Которого отрекся этот человек, поставьте же, прошу вас, меня на его

место и отсеки мне голову". Стража была сильно удивлена, сообщила об этом правителю, который велел выпустить Киприана на свободу, а Никифора подвергнуть казни, что и совершилось 9 Февраля в 260 году нашей эры, как сообщают Метафрасть и Сирий. Ужасная история, которую нужно серьезно взвесить, рассматривая занимающий нас вопрос. Вы видели, как этот храбрый Киприан смело и горячо соблюдал закон, терпел тысячи мучений, как он твердо и непоколебимо исповедывал Христа, когда его пытали тисками, и с какой готовностью он приблизился к месту казни, чтобы достигнуть самого высокого предела божественного закона, предпочитая славу Божию самой жизни. И, тем не менее, только потому, что он предпочел воле Божией удовлетворение своей жестокой гордости по отношению к Никифору, он вдруг останавливается и в тот момент, когда так близка уже слава мученика, он печально падает духом и склоняет голову, предаваясь идолопоклонству.

XII.

Приведем здесь прекрасные рассуждения набожной герцогини де Дюра на слова Спасителя: „Отче! прости им, ибо не знают, что делают (Лук. XXIII, 34).

„В этих словах мы находим и наставление, и объяснение причины снисходительности. Есть разные способы прощать: все они

хороши, потому что все христианские, но прощения отличаются друг от друга, как и добродетели, из которых они возникают. Одни прощают, чтоб и их простили; прощают, считая себя заслуживающими кары и страдания: это—прощение возникающее из смирения; другие прощают, следуя заповеди, повелевающей платить за зло добром. Но при этих прощениях нет оправдания тем, кто причиняет нам страдания. Прощение же Христа — вот истинно христианское: „не знают, что делают. В этих трогательных словах заключается одновременно и оправдание обидевшего, и утешение обиженному, — единственное утешение, возможное для тех нравственных страданий, сравнительно с которыми зло, причиненное нам, является второстепенным. Не находить оправдания для вины любимых нами людей более всего усиливает печаль, причиняемую ею нам.

Но тут есть оправдание. Они не знают, что делают. Они истерзали нам сердце, но не знали, что делали; они были ослеплены, их глаза были закрыты, а ваши страдания служат доказательством их ослепления.

Жалость присуща сердцу человека. Крупные обиды всегда происходят от сильного ослепления. Мыслимо ли предположить, чтобы человек мог хладнокровно и сознательно причинять мучительное горе, заставляющее еще при жизни пережить тысячи смертей. Как предположить, что человек сознательно хочет разбить сердце, любившее его в течение многих лет? Ведь источником величайших печалей нашей жизни является всегда неблагодарность. Неблагодарный не знает того чувства, которое питают к нему, потому что сердце его неспособно отплатить взаимностью и пробудить в себе доброжелательство. Тут то бессилие, то неведение, которые только и могут служить оправданием. Внушать привязанность тем, которые ее не чувствуют, то же самое, что

требовать от слепого, чтоб он видел, от глухого, чтоб он слышал. „Отче! прости им, ибо они не знают, что делают; „прости им и не ставь мне этого прошения в заслугу, потому что это не милость, а справедливость, и сжался надо мной, научив меня любить только Тебя и найти покой души моей. Да будет так.

Прощение порождает любовь. И нужно много, много прощать, чтобы было много любви. Любовь раскаявшегося вызывает прощение, и потому нужно много любить, чтобы через эту любовь быть достойным прощения.

Спаситель заповедал нам „быть совершенными, как совершен Отец наш небесный" (Мате. V, 48). Но возможно ли для нас это совершенство? Христос перед тем повелевает нам любить наших

врагов, благотворить ненавидящим нас и молиться за обижающих и гонящих нас (Мате. V, 44). В этом, т.-е. в милосердии и снисхождении к ближнему, мы можем достигнуть совершенства, приближающего нас к Богу, „ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми, и посылает дождь на праведных и неправедных (Мате. V, 45), научая нас всегда прощать врагам и платить добром за причиняемое нам зло.

ХІІІ.

Необходимое для христианина условие творить все дела в духе милосердия должно тем более отличать все поступки женщин. И потому, — хотя это и может с первого взгляда показаться странным, — женщины должны признать своим руководящим правилом никогда, ни в каком

случае и ни под каким предлогом не делать упреков, т.-е. нетерпеливых выговоров, не проникнутых любовью. Такие упреки и выговоры имеют целью вразумить и наставить; они делаются с благим намерением — исправить виновного, но к ним примешиваются чувства далеко не добрые. К выговорам и замечаниям, которые мы делаем с благим намерением удержать ближнего от чего-нибудь дурного, усилить в нем чувства и правила добродетели и в особенности чувство долга, — к этим наставлениям, говорю я, примешивается гнев, нетерпение, мучительное чувство, вызываемое в нас дурными поступками других людей, неумение сдерживаться, когда нас раздражают, и часто даже скорее чувство мести, чем жалости, которой заслуживает ослепленный человек, сделавший проступок. Так как все эти элементы встречаются в наших упреках и в особенности потому, что результаты их бывают очень пагубны, мы и склонны предположить, что в этих выговорах дьявол всегда принимает некоторое участие, и вот чем они отличаются от тех наставлений, которые апостол дает Тимофею: „Настой во время и не во время, обличай, запрещай, увещевай со всяким долготерпением и назиданием" (2-е посл., IV, 2). То есть требует, во-первых, терпения, а во-вторых, уменья со стороны того, кто призван поучать других.

Правило не делать таких упреков ни за зло, которое вам делают, ни за зло, причиняемое другим или себе самому, ни за то, что человек бесчувствен к тому добру, которое вы сделали ему, основано на том, что в силу выше перечисленных мною страстей, примешивающихся к упреку, любовь охлаждается, — и в том, кто делает упрек, и в том, к кому он обращен. Мы скажем больше: любовь к ближнему, которую нужно стараться возможно больше подогреть в сердце того, кого мы стараемся вразумить, потому что она есть лоно и сущность нашей души, и одна только и обладает способностью и силой направлять виновного к

исправлению, — эта любовь, говорю я, может совсем заглохнуть и исчезнуть в сердце человека, которому делают упреки, притом даже и неуместно, и нередко доводят того, кого хотят вразумить, до полной растерянности и отчаяния, так что вместо исправления остаются одни жалкие последствия.

„Увещевай со всяким долготерпением, говорит апостол. Но увещевать с любовью, или с долготерпением — одно и то же, так как, перечисляя свойства любви в послании к Коринтянам (1-е посл., XIII, 4—7), ап. Павел начинает и кончает долготерпением. Вот в чем кроется кажущееся противоречие в нашем совете. Мы говорим согласно апостолу Павлу: если считаете нужным увещевать, то делайте это с любовью и долготерпением; если же вы не обладаете даром делать такие увещевания, то лучше со всем воздержитесь от них.

XIV.

Человеку очень трудно укротить свой гнев, раз он отдался этому чувству, и ему постоянно грозит опасность впасть в грех.

Псалмопевец в псалме 4-м говорит: „Гневаясь, не согрешайте; размыслите в сердцах ваших, на ложах ваших и утишитесь“. Поэтому женщины, как ангелы мира в недрах своих семей, должны твердо решиться никогда не гневаться. Когда они почувствуют, что их сердце волнуется чувство, готовое излиться в словах, не согласных с двумя добродетелями, излюбленными Спасителем, — кротостью и смирением, — они пусть сделают усилие над собой и подчинять себя долгу христианки, пусть отгонять от себя всякое искушение оправдать

раздражение, которое они только - что старались побороть, и тогда слова гнева, готовые сорваться с их уст, не произнесутся перед людьми, и, удержав их в себе, как бы в глухой темнице, они заглушат их в сердце своем, в самом очаге, в котором возникли эти возмущившие их чувства. Результатом этой борьбы явятся кротость и чистота сердца и выразятся извне самым приятным образом, взамен того злобного волнения, которое готово было овладеть ими.

XV.

Если таково призвание женщин и если женщины-христианки искренно пожелают отдаться исполнению своих обязанностей, то они найдут в том, что мы выше сказали, средства для достижения добрых результатов.

Но мало добрых пожеланий, недостаточно согласие с разумными принципами, нужны усилия, чтобы победить то противодействие добру, которое существует в каждом из нас. Вы знаете, что весь ад вымощен прекрасными намерениями, которые никогда не были выполнены. Женщины, сознающие свое положение, должны прежде всего тщательно стараться побороть собственные недостатки, чтобы Дух Святой мог обитать в них, ни на минуту не сомневаясь, что без жертв нет возможности ни исправиться, ни сделать что-нибудь доброе.

Женщины-христианки поставят себе за правило каждый день утром и вечером внимательно заглядывать себе в душу, помня, что царство Божие внутри нас и что мы должны быть храмом Святого Духа (Лука XVII, 21 и 1-е посл. к Кор. VI, 19). Они постараются очистить

сердце, чтобы Дух Святой мог превратить его в божественный сад, где семена, посеянные Им, не заглухнут и воды никогда не иссякнут. Они примут за правило утром и вечером молиться Богу в духе любви и смирения и ежедневно, по возможности в одно и то же время, насколько им позволять обстоятельства, проверять все, что они говорили и делали накануне, испрашивая затем прощение своих грехов при твердом решении с помощью Божею исправить все то зло, которое сделали, и сделать то добро, которое не выполнили, потому что они ответят перед Богом не только за зло, которое они совершили или пустили совершить, но и за все то добро, которое они могли сделать и не сделали. Да, они не пропустят ни одного дня, чтобы не вознести своей молитвы к престолу Того, Кто сказал: „блаженны плачущее“,—в особенности же оплакивающее свои грехи,—„ибо они утешатся" (Мате. V, 5). „Без Меня не можете делать ничего" (Иоан. XV, 5). „О чем ни попросите Отца во имя Мое, Он даст вам". (Иоан. XVI, 23). Да, они будут молить с миром в душе, с внутренним спокойствием, с надеждой отдаваясь воле Бога, зная, что молитва подобна роев, поднимающейся к небу и падающей оттуда в виде благодатного дождя. Если б сатана мог молиться, он не был бы сатаной.

XVI.

Они привыкнуть с пользой употреблять каждую минуту, исполняя точно и со всевозможной быстротой все, что требуется их положением. Избегая бесполезных трат и пустых занятий, они письменно распределяют свое время по часам и, сообразуясь по возможности с этим распределением и даже сокращая несколько часы, посвященные сну, они в состоянии будут, так сказать, несколько про-

должить свою жизнь и сделать многое, что другие сочтут невозможным. Они будут трудиться в вертограде Христовом, пока есть свет и пока они могут еще работать. „Вот теперь время благоприятное, вот теперь день спасения". Однако же, несмотря на эту строгую экономию каждой минуты, милосердие христианское, по видимому, обязывает их не отказывать в приеме даже скучных посетителей, которые могут к ним явиться, но, наоборот, пользоваться этими обстоятельствами, чтобы сделать что - нибудь полезное посещающим их.

Одну даму, из всех царственных особ наиболее преданную благотворительности, о которых повествует наша история, просили принять под свое покровительство только что выстроенную больницу. „Боже мой, сказала она своему поверенному, меня просят взять под мое наблюдение еще эту больницу, тогда как у меня и без того столько учреждений, которыми я едва могу сделать все, что нужно. — „Совершенно верно, — отвечал этот придворный, в вашем заведывании столько разных дел, что вы имеете полное право отказаться от этого предложения". „И однако ж, — возразила царственная особа, — если Бог меня спросит, действительно ли я не в силах была взять на себя обязанности и по этой больнице, что отвечу я Ему"?

Что ответим мы на такие же вопросы по таким же предметам?

Не ответим ли мы подобно тому человеку в Евангелии, которого хозяин пира спросил: „ Друг! Как ты вошел сюда не в брачной одежде?" (Мате. XXII, 12). Евангелист говорит о нем, что он молчал.

Путь, ведущий в царствие Божие, узок и труден для мирских людей. Но тщеславие, но прелести Мира сего не в состоянии удовлетворить сердце человека и скоро исчезают вместе с его жизнью, как капля утренней росы, которая блестит несколько мгновений на траве и затем испаряется.

После смерти, которая не щадит никого и является почти всегда неожиданно, нужно сделаться или ангелом, или демоном; ангелом любви или безобразным адским чудовищем, демоном, сжигаемым себялюбием, гордостью и бессильною ненавистью. Выбирайте. Но христианки уже выбрали. Они признали справедливость блаженного Августина, что Вот так дивно устроил человеческое сердце, что оно может находить полное удовлетворение только в Нем, в Его Боге и Творце. Чтобы любовь к Богу приобрела и сохранила свое справедливое господство и первенство над всеми другими пристрастиями, женщины бдительно и тщательно будут бороться со своими дурными наклонностями, которые все имеют своим источником то, что противоположно любви к Богу, а именно: наше самолюбие, которое так свойственно нашей природе, что исчезает только вместе с нашей жизнью, и о котором можно сказать, что оно умирает через четверть часа после нас. Женщины-христианки будут молить Спасителя, чтобы Он обновил их сердца, воспламенив их огнем истинного милосердия, исторгнув из них себялюбие и вложив взамен того любовь к Богу с ее отголоском — любовью к ближнему. В сфере своей деятельности они по возможности введут правила этой книжки, почерпнутые из чистого источника истины, без чего чтение ее было бы бесполезно.

На памятнике одного доброго человека значилась следующая надпись:

«Все потраченное им на себя потеряно,
Все накопленное для других,
Все розданное осталось с ним».

Как могло случиться, чтоб истина, вполне достойная быть постоянно перед глазами людей, была так мало однако известна? Вследствие извращенности воли человека, мы слишком легко забываем правила, которым хотели бы следовать, и потому нужно часто их нам напоминать. Точно также и милосердные женщины должны почаще напоминать мужчинам, что только то, что мы отдаем на дела благотворительности, остается нашей неотъемлемой собственностью, опережая нас в жизни вечной. В этой сделке потерявшей приобретает.

Мы просим женщин тщательно заботиться о том, чтоб эта истина вливалась капля по капле в сердца мужчин с самого раннего их детства и, обратившись в привычку, проникла в их практическую жизнь. Существенная черта добродетели состоит в том, что она превращается в привычку к добру, а не остается голым принципом. Правила эти до того должны слиться с совестью ребенка, чтоб отступление от них казалось ему грехом. Точно также женщины научат детей сперва хотя бы машинально повторять догматы христианской религии, заставляя запоминать их как корень, из которого со временем прорастет понимание заключающейся в ней истинной правды и красоты. Цель воспитания должна состоять в том, чтобы дети приобрели привычку к добру.

В Москве, в Ново-Девичьем монастыре есть колокол, который звонит каждую минуту. Когда один человек поздравил монахинь с тем, что у них в образе этого колокола есть вечное напоминание того, чего нам не следует забывать, то одна из монахинь возразила: „Для нас это не так важно; если б мы были расположены прислушиваться к таким напоминаниям, мы воспользовались бы более сильным, которое имеем всегда перед собою, а именно могилами, которыми мы окружены". Выслушав это возражение, присутствовавший при этом священник заметил, что эти предметы, которые должны напоминать нам о наших обязанностях, теряют свое значение потому, что люди слишком низко пали. Этим же объясняется и то невероятное явление, что люди в практической их жизни не проникнуты истиной, что настоящей нашею собственностью остается только то, что мы раздаем бедным и тратим на дела благотворительности.

XIX.

Каждый раз, когда женщины нарушают одно из правил, высказанных здесь, мы просим их подать милостыню бедным, чтобы вспомнить о милосердии, забытом ими, и о словах писания: „Милостыня от смерти избавляет и может очищать всякий грех. Творящие милостыню и дела правды будут долгоденствовать. Милостыня есть богатый дар для всех, кто творит ее перед Всевышним. Доброе дело — мо-

литва с постом и милостынею и справедливостью. Лучше малое с справедливостью, нежели многое с неправдою; лучше творить милостыню, нежели собирать золото, ибо милостыня избавляет от смерти и не попускает сойти во тьму. Итак, дети, знайте, что делает милостыня, и как спасает справедливость" (Книга Товита, IV, 10, II; XII, 8, 9; XIV, II.) „Подавайте лучше милостыню из того, что у вас есть, тогда все будет у вас чисто. Но горе вам, Фарисеям, что даете десятину с мяты, руты и всяких овощей и не радите о суде и любви Божией: сие надлежало делать, и того не оставлять" (Луки II, 41, 42.) „Продавайте имущества ваши и давайте милостыню. Приготовляйте себе влагалища неветшающие, сокровище неоскудевающее на небесах, куда вор не приближается, и где моль не съедает. Ибо где сокровище ваше, там и сердце ваше будет" (Лука XII, 33, 34). „Молитвы твои и милостыни твои пришли на память пред Богом" (Дьян. Апост. X, 4). „Блаженны милостивые ибо они помилованы будут" (Мате. V, 7), Делая эти святые дела милосерден, они будут воодушевляться мыслью, что хоть что-нибудь делают для Бога, беспредельная милость Которого сделала столько для них.

XX.

Во всем этом они любовью к ближнему засвидетельствуют свою любовь к Богу. „Кто говорит: я люблю Бога, а брата своего ненавидит, тот лжец; ибо не любящей брата своего, которого видит, как может любить Бога, которого не видит? И мы имеем от Него такую заповедь, чтобы любящей Бога любил и брата своего" (Юан. 1-е посл. III, 15). Так что любовь, проявляемая нами к ближнему, является мерилom нашей любви

к Богу. Они будут искать и находить свое личное счастье в том счастье, которое предназначены рассеивать вокруг себя. Тогда они - признают справедливость слов Экклезиаста: „Нет ничего лучшего, как веселиться и делать доброе в жизни своей", — веселиться всегда во Христе, как поясняет Апостол, и жить, чтобы творить добро, как надлежит детям Отца, который есть любовь и который приуготовил такое вечное блаженство поел добродетельной жизни, какого глаз не видел, не слышало ухо и не приходило на сердце человеку" (1-е к Кор. II, 9).

Молитва есть дело единения с Богом. Все молитвы, все различные духовные упражнения имеют целью все ближе соединять нас с Богом, оторвать нас от всего мирского, то есть всего себялюбивого, и помочь нам исполнить первую и величайшую заповедь: любить Бога больше всего. С этой целью Св. Павел учит нас „непрестанно молиться" (I к Фессал. 5, 17).

Но чтобы доказать, что наша любовь к Богу, наши молитвы, наши духовные упражнения, не лицемерие и не Фарисейство, нужно одновременно исполнять и вторую заповедь, подобную первой: любить ближнего, как самого себя. Вот почему все люди, даже наиболее склонные к созерцательной жизни, должны постоянно и внимательно упражняться в делах христианского милосердия. Кто не может проявлять своей любви в крупных и больших делах, пусть проявляет хоть в малом: утоляет жажду чашей свежей воды, помогает дружеским словом утешения, наставления, сострадания тем, кто терпит горе или находится в затруднительном положении, пусть примиряет людей поссорившихся или разошедшихся, убеждая их жить в мир со всеми людьми, как советует Апостол в послании к Римлянам (XII, 17,18). Пусть женщины доказывают свою дружбу всевозможными проявлениями уважения и почтения, даже поднимая, если что случится кому уронить,

приводя в порядок что разбросано или же что требует починки, и во всем выражая свое внимание и любовь, согласно словам Спасителя: „и так во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними, ибо в этом закон и пророки". (Мате. VII, 12). Пусть знают он и свидетельствуют примером, что дела христианского милосердия и исполнение обязанностей, налагаемых на нас нашим положением, есть часть той молитвы, непрестанно творить которую учит Апостол Павел.

Вся наша жизнь здесь, на земли, должна быть направлена на достижение блаженной жизни в Боге, чтобы стать в ряды тех, которым в день суда сказано будет: „придите, благословенные Отца Моего, наследуйте царство, уготованное вам от создания Мира, ибо истинно говорю вам: все добро, что сделали одному из сих братьев Моих меньших, вы сделали Мне (Мате. XXV 34, 40).

Дивное откровение! „То сделали Мне". Божественные слова, располагающие людей делать как бы для Самого Бога все то, в чем истинно нуждаются их близкие, и тем обеспечивая нуждающимся помощь и утешение в страданиях этой жизни и в то же время приближая милосердных к той цели, для которой они явились в этот Мир, т.-е. к обладанию вечными благами в будущей жизни.

XXI.

Что касается тех вещей, которые женщины никоим образом не могут изменить к лучшему, то они предоставят это воле Бога, Который один обладает искусством превращать зло в добро. По этому поводу Апостол, полный восторга и благоговения, воскликнул: „Как непостижимы судьбы Его и неизследимы пути Его!" (к Рим. II 33). Они

будут поступать так и в тех случаях, когда Бог допустит, чтобы случилось какое-нибудь по-видимому неисправимое зло. Они будут всю жизнь стараться слить свою волю с волей Бога, чтобы от полноты сердца всегда повторять слова Спасителя: „ей, Отче! ибо таково было Твое благоволение“.

Подобно тому, как при первых проблесках зари мы уже чувствуем уверенность, что скоро будем наслаждаться преимуществами дневного света, так и душа, когда ее гнетет горе, лишь только издали слабо замечает в этом волю Божью, т.-е. угадывает, как это горе может быть в гармонии со святою волей Бога, и что в нем есть, хотя бы отдаленное, указание на Божие ниспослание, тотчас же успокаивается, как бы в тихой безопасной пристани, под покровительством Провидения. Это стремление слить свою волю с волей Божией будет служить для женщин как бы компасом, указывающим на пристань, которую они предчувствуют, не видя и не зная еще ее: так ребенок, пряча лицо свое в колени матери, чувствует свою связь с ней, свою безопасность и спокойствие и ни мало не тревожится о том, что с ним может случиться, переполненный лишь желанием угадать и исполнить все малейшие желания своей матери.

Правда, что такой ребенок не чувствует и не предчувствует никакого горя или страдания, как часто это случается с нами. Но в несчастиях к нам на помощь является голос разума, который говорить, что, не взирая ни на какие страдания, мы должны, по примеру детей, всецело ввериться доброте более чем отцовской, любви сильнее материнской,—доброте и любви Христа, сказавшего: „если не будете, как дети,—не войдете в царство небесное“. Предписывая нам невинность и чистоту, Он хотел этим указать на доверчивость детей, как на образец чувства, которое мы должны питать к Нему.

В этом отождествлении нашей личной воли с волей Бога заключается тот философский камень, который превращает грубые и неблагородные металлы наших чувственных пристрастий в чистое золото божественной любви. Это подчинение нашей воли воле Бога, при помощи действующей в нас благодати Божией, утешает нас в скорбях, которые иначе возмущали бы нас, и заставляет нас находить в них даже некоторую сладость и действительную отраду, как только мы признаем их в гармонии с Божественной волей. Тогда мы понимаем и справедливость того, что величайшее счастье заключается в том, чтобы делать с удовольствием все, что мы должны делать.

Придя к этому заключению, мы будем находить полное утешение и истинное счастье повторять в глубине души, каждый день и при каждом событии молитву, которая найдена была в бумагах Елизаветы, сестры Людовика XVI, казненной в 1793 году:

„Что будет сегодня, Боже мой? Я ничего не знаю. Я сознаю только, что „все, что бы ни случилось со мной, было предвидено, предусмотрено, определено и повелено Тобою от самой вечности. И этого мне, Господи, вполне, вполне достаточно. Я благоговею перед Твоими вечными и неисповедимыми судьбами. Я подчиняюсь им от всего сердца из любви к Тебе; „я хочу всего, я принимаю все, я жертвую всем и присоединяю эту жертву к жертве Христа, моего Спасителя и Бога; я молю Тебя, во имя Его и Его беспредельной жертвы, даровать мне терпение в страданиях и полное подчинение себя Тебе во всем, что Ты ниспосылаешь и попускаешь. Аминь“.

То, что блаженный Августин говорит относительно трудностей, встречающихся при чтении Св. Писания, применимо и при созерцании Божественного Провидения. Тот, по его словам, обладает пониманием всего, что ясно и что скрыто в божественном тексте, кто милосерд в

делах. Отец наш небесный желает, чтобы верующий, при чтении воздавал всю честь понимания ясности Писания, а себе только то уважение и страх, которые он испытывает, когда не в силах проникнуть в смысл написанного.

XXII.

Указав на главные источники зла, от которого страдает общество, а именно на злоязычие, страсть к вину, к ссоре и к преступным связям, бороться с которыми мы призываем женщин, и напомнив им о тех добродетелях, при помощи которых они станут воспитательницами общества, как его ангелы хранители, если проникнутся, как и мы, сознанием своей силы, — нам хочется теперь обратить их взоры на ту громадную массу наших братьев и сестер, которые, сидя в сени и мраке смерти, лишены истинного познания о Боге и лучшем способ служить Ему. Созданные для счастья, как и мы, эти идолопоклонники не имеют доли участия в том, что составляем наше величайшее и истинное счастье, а именно: они не христиане. Что может быть печальнее грубости сердца стольких христиан, остающихся равнодушными к такому несчастью? Обращать на этот предмет внимание женщин, о которых мы выше сказали, что они призваны рассеивать вокруг себя счастье, значить обращаться к их состраданию. В самом деле какие иные мотивы могут быть у женщин, чтобы интересоваться участью этих людей? Не говоря о тех, которые имеют веру в единого Бога, но не познали учения Христа, или добровольно изменили ему, мы напомним только о Факте, приводимом в

отчетах миссионеров, что число идолопоклонников так еще велико, что в одной Китайской империи, если б обращать ежедневно по 1.000 человек, потребовалось бы 1.000 лет, чтоб обратить всю страну.

Всё, что мы просим женщин сделать для этих несчастных, сводится к следующему: 1) Молиться за них, чтобы Отец Небесный ускорил то время, когда мрак, в котором они пребывают, сменился истинным для них светом. 2) Обязаться постоянно, каждую неделю, давать определенную сумму в пользу миссий, имеющих своей задачей обращение идолопоклонников. 3) Внушать своим родственникам, знакомым и прислуге справедливое сострадание к таким несчастным, приглашая и их жертвовать на это дело какую-нибудь сумму, даже самую ничтожную. Очень мало таких людей, которые не могли бы в течение недели сэкономить сколько-нибудь грошей, чтобы в воскресенье опустить их в кружку миссионеров; стоит только объяснить людям, в чем состоит деятельность миссионеров, и почаще им об этом напоминать. Таким образом, можно будет собрать гораздо более значительную сумму, чем это кажется.

В этом учреждении денежных кружек в пользу миссионеров особенно удачно соединено то, что дающие и получающие пользуются одинаковым преимуществом вспоминать о том, что они наслаждаются счастьем знать, откуда мы приходим и куда уходим; и тот, кто подает такую милостыню, чрез внезапное усиление в нем милосердия, получает награду обещанную даже за чашу холодной воды во имя Его (Мате. X, 48) и выигрывает столько же, сколько и получающий. „Раздели с голодным хлеб твой и скитающихся бедных введи в дом; когда увидишь нагого, одень его и от единокровного твоего не укрывайся, но по мере возможности помогай ближнему во всем, в чем он нуждается. И тогда от-

кроется, как заря, свет твой и исцеление твое скоро возрастет, и правда твоя пойдет перед тобою, и слава Господня будет сопровождать тебя".

Если сострадание и облегчение материальных нужд бедных могут доставить человеку такие ценные и великие обещания и благословения, то тем более изольет их в вашу душу и на вашу голову та сердечная доброта, которая отзывается на духовные нужды этих братьев ваших, чуждых жизни Христа, та отзывчивость, благодаря которой люди голодные и лишенные хлеба жизни будут насыщены словом Божиим, люди лишенные крова введены в дом Отца Небесного, люди нагие облечены в одеяния истинной добродетели и прикрыты плащом справедливости Христа Спасителя.

XXIII.

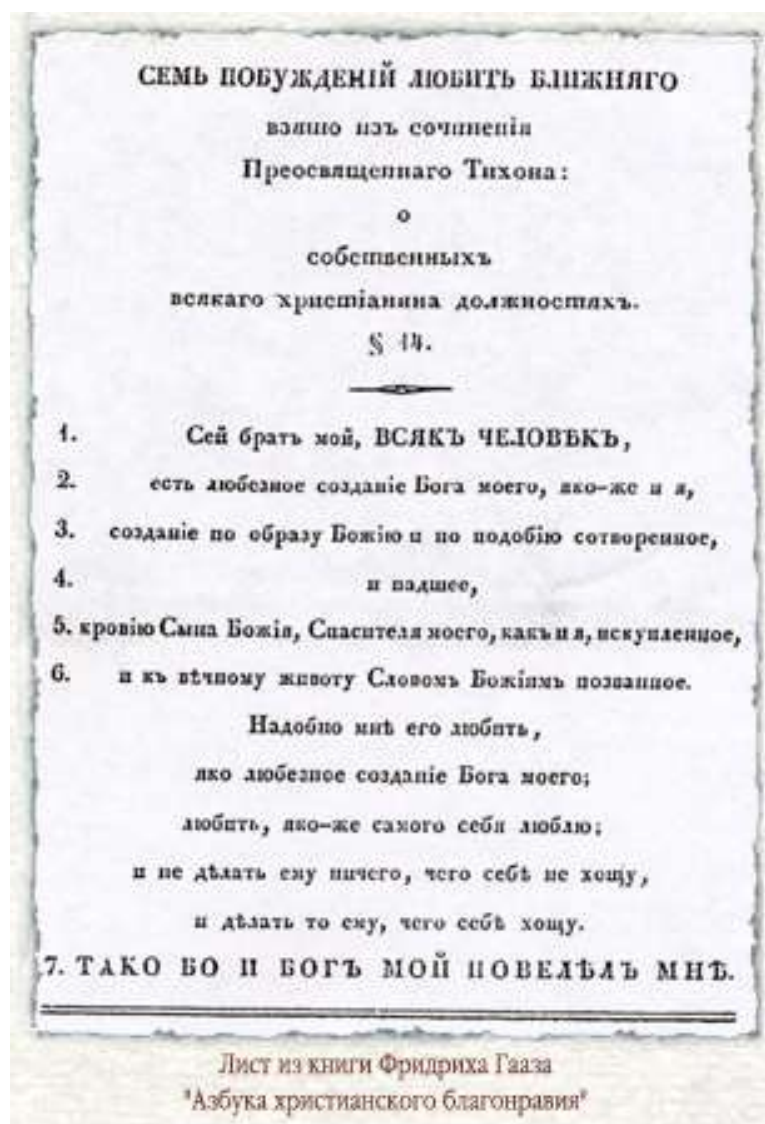
Вообще женщины, к которым мы обращаемся с этим призывом, постараются так примириться с Богом, чтобы служить зеркалом и образцом добродетели в своих семьях, чтобы их благодетельное влияние, помимо их ведома, всегда чувствовалось кругом и чтобы при всех жизненных неудачах они черпали в лоне Христа нужные свет и силу.

Во всех их делах, направленных на то, чтобы приблизить царствие Божие и дать нам всем возможность сподобиться славы Его Креста, который должен всех привлечь к себе, да будет им девизом слова, воспеваемые силами небесными перед престолом Бога, — слова, заключаются в себе основу и плоды христианского учения: Аминь! Аллилуйя (Откров. 10ан. XIX, 4). Аминь.

Да будет воля Божья во всем. Аллилуйя.

Да все хвалить Бога.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Гааз Ф.

Азбука христианского благонравия

Об оставлении бранных и укоризненных слов и вообще неприличных на счет ближнего выражений, или о начатках любви к ближним

Ко всем же сказал: «Кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и каждый день бери крест свой, и следуй за Мною. И научитесь от Меня; Ибо Я кроток и смирен сердцем: и найдете покой душам вашим».
Ев. Луки гл. IX ст. 23; Матф. гл. XI ст. 29.

«Во всех словесах твоих поминай последняя твоя, и во веки не согрешиши».
Сираха гл. VII ст. 40.

«Смерть, суд, ад и Царство Небесное».

«Умоляем вас, братия, вразумляйте беспорядочных, утешайте малодушных, поддерживайте слабых, терпеливы будьте ко всем».
Фессал. гл. V ст. 14

«Во всем, как хотите, чтобы поступали с вами люди, так поступайте и вы с ними! Ибо в том состоит закон и пророки».
Матф. гл. 7 ст. 12.

-
Дозволено цензурою. Москва, 29 ноября 1897 г.

Кто скажет брату своему — рака*, подлежит верховному судилищу; кто же скажет: бессовестный! подлежит геенне огненной. Матф. V. 22.

— Страшно сие слышать! Да убоится сего приговора всякий, почитающий укоризненные слова за малость.

Итак, если ты принесешь дар твой к алтарю, и тут вспомнишь, что брат твой имеет нечто на тебя, — оставь там дар твой перед алтарем, и поди прежде

примиришь с братом своим, — и тогда приди и принеси дар твой, ст. 23 и 24. Не судите, чтоб не быть судимым. VII. I.

Злая беседа развращает добрые нравы. I. Коринф. XV. 33.

Всякая досада, ярость и гнев, крик и злоречие и всякая злоба должны быть удалены от вас. Ефес. IV. 31.

Не воздавайте злом за зло, или ругательство за ругательство, напротив того, благословляйте. I. Петра III. 9.

А теперь отложите и вы все: гнев, ярость, злобу, злоречие, сквернословие от уст ваших. Не лгите друг на друга. Колос. III. 8, 9.

Блуд же и всякая нечистота и любостяжание даже и именоваться не должны у вас. Равно и сквернословие, и пустословие, и шутки неприличны вам. Ефес. V. 3 и 4.

Не злословьте друг друга, братия: кто злословит брата и судит брата своего, тот злословит закон и судит закон. Иакова. IV. II.

Никакое гнилое слово да не исходит из уст ваших. Ефес. IV. 29. Напоминай им быть готовыми на всякое доброе дело, никого не злословить, не быть сварливыми, но тихими, и оказывать всякую кротость ко всем человекам. Титу III. 1 и 2.

Будьте братолюбивы, друг к другу с нежностью: отдавайте один другому предпочтение. Римл. XII. 18.

Потому узнают все, что вы мои ученики, ежели будете иметь любовь между собою. Иоан. XIII. 35.

Мы знаем, что мы перешли из смерти в жизнь, потому что любим братьев: кто не любит брата, тот пребывает в смерти. I Иоан. III. 14.

Не оставайтесь должными никому ничем, кроме взаимной любви; ибо любящий другого исполнил закон. Рим. XIII. 8.

Не давай злу побеждать тебя, но побеждай зло добром. Рим. XII. 21. Все у вас да будет с любовью. I Кор. XVI. 14.

I
Очевидно, что в вышепоказанных изречениях Слова Божия запрещаются, как унижительные и обидные на счет ближних наших, слова и выражения, так равно и те расположения души, от которых оныя происходят, как то: нелюбовь и злоба, досада и нетерпение, гнев и жестокосердие.

Самый образ запрещения и наставления, строгий и соединенный с великими угрозами и сильными убеждениями, ясно показывает, что здесь запрещаются такие пороки, с которыми чистая христианская нравственность вовсе несовместима, и дается наставление о таком предмете, который руководствует человека к тому образованию, к которому он назначен Создателем Своим. Тот, кто соблюдает только гражданские законы, может называться не более, как только честным гражданином. И язычники исполняют естественные

добродетели, например: кротость с кроткими, любовь к любящим, ласковость с послушными; но истинный христианин и в обращении с строптивыми кроток, любит и не любящих и, по-видимому, недостойных любви, ласков со всеми и, по выражению пророка, даже мирен с ненавидящими мир; Пс. СХІХ. 6.

Соблюдая означенные наставления, душа человеческая является в той красоте, к которой она предназначена при создании ее по образу и по подобию Божию.

Все сии наставления и запрещения сокращенно заключаются в словах: во всем, как хотите, чтоб поступали с вами люди, так поступайте и вы с ними. Матф. VII. 12. Цель увещания есть любовь от чистаго сердца и доброй совести, и нелицемерной веры. I. Тим. 1, 5.

Главное основание, почему мы не должны произносить бранных слов, есть то, что употребление их показывает в нас недостаток любви к ближнему; а как важен сей недостаток, это видно из слов св. Иоанна Богослова, который говорит: кто не любит брата, тот пребывает в смерти. I Иоан. III. 14. Бранные слова суть как бы пища или вещество, которым поддерживается и усиливается пламя гнева; а сказано, что гнев мужа правды Божией не соделывает, Иак. 1, 20, и, можно прибавить, даже изгоняет и правду человеческую, а тем паче любовь.

Ап. Павел заповедует: Никакое гнилое слово да не исходит из уст ваших, а только полезное для назидания в вере, дабы оно доставило благодать слушающим; Еф. IV. 29; а бранные слова можно назвать не только гнилыми, но и заразительными, издающими от себя смрад и зловоние, поскольку они не только не приносят слушающим ничего полезного для назидания в вере, но еще растлевают чистоту веры и, вместо доставления слушающим благодати, только возмущают мир и благоустройство жизни. Сию разрушительную силу злых слов Соломон так выразил: усты нечестивых раскопается град**. Прит. Сол. XI. 1.

Посему-то и сказано у ап. Иакова: язык есть малый член, но много действует. Где зависть и сварливость, там неустройство и все худое. Иак. III. 5, 16.

Бог, как создал человека по образу и подобию своему, так установил, чтобы и любовь к человеку была подобна любви к Богу, Матф. XXII. 37, 38, 39. Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим... Сия есть первая и наибольшая заповедь. Вторая же, подобная ей: возлюби ближняго твоего, как самого себя.

Причина, по которой мы должны любить Бога, есть не иная, как сам Бог: поелику Бог есть бесконечная благость, которая, по самой природе своей, привлекает сердца к любви, а по беспредельности своей и превосходству, выше всякаго сравнения, возбуждает в нас к себе любовь бесконечную и высшую всех других привязанностей. Причина, по которой мы должны любить самих себя, есть та, что мы созданы по образу и подобию Божию. Чрез сие мы столь тесно соединены с Богом и столь близко зависимы от Него, что Он не считает для Себя низким называть Себя нашим Отцом, а нас — Своими детьми. Хотя же сей образ Божий и затмился в человеках через прирожденный всем нам грех, но Господь Иисус и Святый Дух Своею благодатию восстанавливают оный в

верующих, и таким образом мы делаемся способными достигнуть наслаждения бесконечною благодатью Божиею и блаженством; и дух наш, соединяясь с Господом и Святым Духом, соделывается, как говорит Ап. Петр, причастником божественного естества. 2. Петр. 1, 4. Сие-то духовное благородство и предназначение души нашей и обязывает нас любить самих себя, — любить ради Самого Бога, от Которого дух наш происходит, и к Которому возвращается. Что же касается до плотской любви, по которой мы угождаем своим желаниям и мирским привязанностям и которая живет в нас вместе с духовною любовью и с нею борется, как Исав с Иаковом во чреве матери своей Ревекки, то она не только не может быть примером любви к ближнему, но, напротив, еще первое условие христианской жизни состоит в истреблении сей неправильной любви к самому себе. Измаила, как сына рабыни, — изображение плотской любви, Бог повелел изгнать, дабы остался наследником один Исаак, — изображение духовной любви. Гал. IV. 30. Кто хочет идти за Мною, говорит Спаситель нам, тот отвергнись себя, Лук. IX. 23, т. е. отвергни неправильную любовь к самому себе; и сие-то есть та ненависть, которую велено нам иметь к душе своей, т. е. ненависть к страстям, которые противны любви Божией. Ненавидя их, мы спасаем ту часть нашего существа, которая предназначена к вечной любви Бога, к вечному соединению с Богом. А как все люди украшены сим общим для всех достоянием, то мы и должны любить их, как самих себя, любить их, как носящих в глубине души образ Божества; и та же любовь, которая влечет нас к Богу, производит и действие любви к ближнему. И как Иаков видел, что одна и та же лестница касалась неба и земли, служа Ангелам равно и для нисхождения и восхождения, Быт. XXVIII. 12, так и мы знаем, что одна и та же любовь простирается и к Богу и к ближнему, вознося дух наш к соединению с Богом и низводя нас в искреннее сообщество с ближним. — Любить ближнего силою той любви, которая рождается из мысли о носимом им образе Создателя его и Бога, значит любить тварь единственно ради любви к Творцу ее Богу. Юный Товия, сопровождаемый Ангелом Рафаилом, пришел к родственнику своему Рагуилу, коему, впрочем, он был не известен. Товит. III. Рагуил, как скоро взглянул на Товию, обращаясь к жене своей Едне, сказал: посмотри, как похож сей юноша на сына брата моего; и, сказавши сие, спросил пришедших: откуда вы, братья? Они отвечали ему: мы из колена Неффалимова, из пленных в Ниневии. И сказал им Рагуил: знаете ли вы Товита, брата моего. Товия отвечал: он отец мой. Рагуил тотчас вскочил и со слезами облобызав юношу и сказал: да будет благословение над тобою, сын мой, ибо ты сын доброго и благого мужа. Не видим ли здесь, как Рагуил, не зная Товии, обнимает его, ласкает, лобызает, плачет над ним от любви? Откуда же сия любовь? Откуда, как не от той любви, которую он имел к отцу Товии, на коего сей юноша был похож? Да будет на тебе благословение, сказал он. Но почему? Конечно не потому, что Товия был добрый юноша, ибо сие еще было ему

неизвестно; а потому, что он был сын, похожий на отца, доброго и благого мужа.

Ах, поистине, когда мы видим ближнего, сотворенного по образу и по подобию Божию, не должны ли мы сказать: вот это создание всеблагото Отца нашего, похожее на своего Создателя! Не должны ли мы, подобно Рагуилу, кинуться на его шею, ласкать его и плакать от любви к нему; не должны ли дать ему тысячу благословений? А почему сие? Конечно не по любви к нему самому: ибо мы не знаем еще, любви или отвращения достоин он сам по себе, но по любви к Богу, Который его создал по образу Своему и по подобию, и таким образом сделал его способным участвовать в Его благости, благодати и славе; по любви к Богу, из Которого он, Которого он, через Которого он, в Котором он, ради Которого он и Которому он подобен. Таким образом, любовь к Богу не только научает любви к ближнему, но и производит ее и распространяет ее в сердце человеческом, яко свой образ и подобие: ибо как человек есть образ Божий, так и любовь человека к человеку есть истинный образ Божественной любви человека к Богу. Мы просим Высочайшего Любителя человеков, чтобы Он Сам благоволил научить такой любви к ближним всех рабов своих, ибо верим, что высшее усовершенствование любви к Отцу небесному неразрывно соединено с совершенствованием любви к братьям и сотрудникам нашим. Как мы желали бы любить Бога паче всего, и, будучи возбуждаемы чистою ревностью, хотели бы, несмотря на все препятствия, которые плоть, мир и дьявол нам предлагают, стремиться к одному Богу, так, ради Бога, любя ближнего как самих себя, мы желали бы, чтоб и он, наш ближний, любил Бога выше всего, и чтобы вся душа его, равно как и наши души постоянно внимательны были к любезнейшему гласу Господа: иди по Мне. Иоан. XXI. 22. Мы желали бы, чтобы Господь в сердце ближнего нашего начертал то Имя, в Котором одном заключается спасение, Деян. IV. 12, положил его на сердце, яко печать, Песнь Песн. VIII. 6, дабы никакая другая, отводящая от Спасителя, мысль не входила в оное, и никакое другое чувство, кроме посвященного Имени Иисусову, не обитало в нем; мы желали бы, чтобы Господь положил сие Имя, яко печать, на мышцы ближнего нашего, дабы все способности и деяния его никакому другому чуждому предмету не служили; желали бы, чтобы сие Имя сияло, яко знак на знамени, которое всех людей собирает вокруг себя и привлекает к себе, с надписанным призыванием: иди по Мне. Да соединяет сие сладчайшее призывание, происходящее от любви и встречающееся с любовью, да соединяет оно через любовь, никогда не отпадающую, 1. Коринф. XIII. 8, и на земле и в небе всех, которые в сем Имени живут и которые с сим Именем в сердце переселились с земли в неземные места.

Что употребление бранных слов показывает в нас недостаток терпения, на сие каждый бессорно согласится; а что недостаток терпения доказывается недостатком любви, сему учит ап. Павел, поставляя в исчисление свойств

любви, и в начале и в конце, терпение. Сначала говорит он: Любовь долготерпит, а в конце опять: Любовь вся терпит. I Кор. XIII 4. 7. Посему можно сказать, что терпение служит выражением и мерою любви нашей к ближнему, которая является в настоящем своем виде, когда с терпением соединяешь кротость и готовность к благодеяниям. Употребление же бранных слов вовсе противно кроткому духу благодушного терпения и обнаруживает более слабодушие наше и склонность увлекаться, без рассуждений, первыми движениями сердца и раздражаться и от малых неудовольствий, оскорбляющих наше самолюбие или нарушающих наш обычный покой. Терпение открывается в том, когда мы без гнева, из любви к ближнему, переносим все его недостатки и все его против нас оскорбления. Оно есть сила души, приобретенная многими опытами и лишениями. Оно-то соделывает то искусство, Рим. V. 4, которое учит нас, как побеждать гневные возбуждения души и не давать им изливаться на других в небратолюбивых словах.

Святой и знаменитый патриарх Иосиф, отпуская из Египта братьев своих в дом отца своего, сие только дал им наставление: Не гневайтесь на пути. Быт. XLV. 24. Настоящая, исполненная искушений жизнь наша, есть не что иное, как путешествие к блаженной жизни. Посему и мы не станем гневаться друг на друга на сем пути жизни, но будем проходить оный, с толпою братьев своих и сопутников, кротко, мирно и дружелюбно. Да будет решительно и без исключения положено вовсе не гневаться, если возможно, и ни под каким предлогом не отверзать дверей сердца гневу; ибо Св. Иаков прямо и просто говорит, что гнев мужа правды Божией не соделывает. Кто увлекается горячностью и часто сердится, о том можно сказать, что он крайне жалок. Без сомнения, должно бороться со злом, и пороки людей преследовать постоянно и мужественно, но вместе кротко и мирно. Исправление, к которому примешивается страсть, хотя бы сопровождалось умом, не так принимается, как принимается то исправление, которое проистекает единственно из убеждения ума, без всякой примеси страсти. Ибо разумная душа, будучи по природе своей подчинена разуму, не подчиняется страсти иначе, как с принуждением и насильственно; и потому, когда разум сопровождается страстью, то он делает себя ненавистным, унижая своей законное владычество насилием. Пока ум управляет, наказывает, исправляет и обличает миролюбиво, хотя строго и взыскательно, все любят и одобряют его действия; но когда он соединяет с собою гнев, то возбуждает в других более страх, нежели любовь; а вместе и сам, приводя себя в беспокойство, огорчается и мучится. Лучше вовсе не допускать в сердце гнева, как бы он ни казался справедливым, нежели принимать его в себя, хотя и в самой малой мере; ибо гнев, однажды допущенный в сердце, с трудом изгоняется. При входе он подобен малому растению, но в скорейшем времени делается великим деревом. Если останется на ночь, и солнце зайдет в гнев, что запрещает Апостол, Еф. IV. 26, то, превратившись в ненависть, иногда почти

никаким образом не может быть изгнан; ибо он питается тысячью ложных предлогов; поелику редко кто когда гнев свой почитает несправедливым. Посему полезнее испытать жизнь вовсе без гнева, нежели хотеть пользоваться гневом с умеренностью и благоразумием; и когда мы, по несовершенству и слабости нашей природы, увлекаемся страстью гнева, то лучше тотчас вовсе удалить его, нежели иметь с ним переговоры; ибо если сделаешь ему некоторое послабление, то он тотчас возобладает всюю душою, подобно змию, который поспешно вползает весь туда, куда успеет просунуть голову.

Не воспрещается исправлять и вразумлять ближнего, но дается наставление и повеление употреблять для сего способ, который единственно приличен христианину. Настой во время и не во время, обличай, угрожай, увещевай, говорит Апостол к Тимофею, 2 посл. IV. 2, со всяким долготерпением и учением. Итак, от тех, которые поставлены учить других, требуется, во-первых, долготерпение, а потом уже, во-вторых, учение. Как бы ни были упорны грешники, но мы не будем переставать оказывать им помощь и служить. Блажен тот, кто ближнему может сказать, как ап. Павел: я три года непрестанно день и ночь со слезами поучал каждого из вас. А потому свидетельствую вам в сей день, что не повинен я в крови всех вас. Деян. XX. 31, 26. Доколе мы находимся среди пределов надежды, что грешник может исправиться, — а сии пределы равняются пределам самой жизни, — доколе никогда не позволено отвергать его, но следует молиться за него и помогать ему, сколько сие позволяет его несчастное состояние.

Но как обуздывать гнев? Как скоро заметишь в себе приступ гнева, то старайся не возмущаться сим, но тотчас собирай свои силы тихо, но решительно, и с сердцем, сколько можно, спокойным, делай то, что следует делать человеку. И если с тобою случится то, о чем человек Божий говорит: смятесе от ярости око мое, то обратись к Богу и воскликни: помилуй меня Господи! подражая апостолам, волнуемым бурей среди моря, дабы Он повелел страстям твоим престать, и тогда настанет тишина великая. Если же когда не остережешься и заметишь, что ты согрешил гневом, то немедленно поспешай изъявить каким-либо образом кротость пред тем человеком, на которого ты разгневался; ибо как превосходное средство против лжи есть тотчас признаться и исправить ее, так и против гнева, уже вырвавшегося наружу, наилучшее врачевство есть немедленное изъявление кротости и благорасположения; ибо известно, что свежие раны удобнее исцеляются.

А чтобы приучить свое сердце к скорому восчувствованию и изъявлению кротости, для сего запасайся ею заблаговременно, когда ты спокоен и не чувствуешь искушения к гневу. Привыкай заблаговременно все слова твои говорить, и все твои дела, малые и большие, делать как можно скромнее. Да будет всякий человек готов слушать, не скор на слово, не скор на гнев. Иак. 1, 19.

Если же кто думает употреблением бранных слов достигнуть чего-либо полезного в своем ближнем, то можно решительно сказать ему, что бранными словами ни исправить, ни вразумить прочно и верно никого нельзя: они суть большею частью выражение нашего собственного гнева или властолюбия и удовлетворяют больше нашему раздраженному чувству, а вместе обнаруживают только слабость нашего характера, показывая, что мы не можем владеть своими страстями и словами. Поучительны бывают: добрый пример, смирение и кроткое, с участием сердца произнесенное, наставление, а не бранные обидные слова, с каким бы духом и целью ни были они произнесены. Кроткое и назидательное слово есть своего рода благодеяние, часто не менее утешительное и полезное, как и самое богатое даяние. Не гнев, а любовь покрывает множество грехов I. Петр. гл. IV ст. 8.

Посему и увещевает нас апостол. Паче всего облекитесь в любовь, которая есть совокупность совершенства, к Колос. гл. III ст. 14. Вот заповедь моя, сказал Спаситель, чтобы вы любили друг друга, как Я вас полюбил. Если бы люди и ничего не имели достойного любви, кроме того, что их любил Спаситель, то неужели это одно недостаточно побудит меня к тому, чтобы любить их всем сердцем, и не весьма ли странно не быть расположену любить то, что любил Спаситель паче Самого Себя.

Люблю ли я всех людей так, как возлюбил меня Спаситель, то есть так, чтобы я именем своим и жизнью готов был за них жертвовать? Как редка сия нежная любовь в обществе христианском! и однако ж она самая есть настоящая любовь Спасителя и настоящая любовь всех христиан. Не должно сомневаться в том, что цели, которую мы имели при гневe, верно можно было достигнуть, если бы у нас было столько любви, чтобы доставало терпения для разбирательства причин неудовольствия, причиняемого нам ближними. Тогда мы дошли бы до основания, где неправда отделилась бы от правды, а по открытии сего основания легко будет с кротостью обличить ближнего в его несправедливости, и без гнева поставить его на желаемый нами путь правды: в обилии правды чрезвычайная сила: во мнозе правде крепость многа, Притч. XV. 5.

Хотя же иногда бранные слова произносятся не столько из злобы и мщениа, сколько по какому-то безотчетному навыку и по какой-то суетной невнимательности к себе, но и в таком случае они бывают не менее вредны и для слушающих и для произносящих. Иисус Христос сказал: За всякое слово праздное, какое скажут человеки, отдадут ответ в день судный; ибо от слов своих оправдаешься, и от слов своих осудишься. Мф. XII. 36 и 37. Бранные слова во всяком случае суть жалкое, неразумное извращение слова, сего прекрасного дара Божия.

Посему-то сказано: Кто не погрешает в слове, тот совершен. Иак. гл. III. ст. 2. Иже хранит свои уста, соблюдает свою душу. Притч. гл. XIII ст. 3. Никто не говори, что, произнося бранные или другие, противные братской любви, слова,

он не имел намерения оскорбить своего ближнего или сделать какое-либо зло, ибо Господь наш, ведущий помышления сердечные, сказал: от избытка сердца уста говорят. Мф. гл. XII ст. 34. Итак, наполним наперед сердце наше любовью к ближнему, и тогда уже не будут более изливаться из уст наших обидные слова; но все слова и дела наши будут выражать одно только благожелательство и любовь. Плоды будут подобны корню, потому что не может древо доброе приносить плодов злых. Матф. VII, 18. Да хотя бы мы и не помышляли причинить зла оными словами, но очень прилежно помышляет противник наш, дьявол, и непрестанно пользуется ими, дабы поражать недовольно огражденное против внезапных нападений сердце.

Пример воздержания от брани и укоризн имеем мы в существах, высших нас по природе. Апостол Иуда говорит, что, когда архангел Михаил спорил с дьяволом, то он не смел произнести на него осудительной укоризны, а сказал только: да запретит тебе Господь. Иуд. ст. 9. Скромность есть ангельская добродетель. Тем более мы не должны дерзать произносить укоризны на ближних своих, как подобных нам по природе своей. Если же согрешит против нас ближний наш, то всего приличнее сказать ему: Да простит тебя Бог! или: да вразумит тебя Бог! Впрочем, остерегайся, чтоб и сии, сами в себе добрые слова, не были произнесены с сердцем, как это большею частью бывает, но будь внимателен к себе, и старайся, подобно ангелу хранителю, удерживать брата твоего от зла с духом кротости, любви и смирения, и в уши его влагать основания и начатки благочестия, умоляя Бога в глубине души твоей, дабы Он благоволил сию святую росу учения довести до сердца слушающего и дал бы ей послужить к принесению доброго плода. С удивительной силой привлекаются сердца, когда с сладостью и приветливостью предлагается что-либо доброе. Итак, облекитесь, как избранные Божии, святые и возлюбленные, в утробы милосердия, в благость, смиренномудрие, крепость, долготерпение, снисходя друг другу и прощая один другому, если кто на кого имеет жалобу; как Христос простил вас, так и вы. Колос. III, 12, 13.

Терпение, крепость, любовь суть добродетели, которые даруются благодатью Божиею людям, ищущим их. Мы достигаем их не иначе, как по мере успеха в любви Божией. А любовь Божия есть желание соединиться с Богом. В таком совершенном соединении с Богом наша собственная воля потеряется и, так сказать, поглотится волею Божьею, которая одна и должна в нас царствовать и быть нами любима. Как скоро мы признаем, что воля Божия есть распорядительница целой природы, что мы все должны быть ей покорны, то и все случающееся с нами принимаем с радостью, как ее определение и охотно повинемся Божиим повелениям, советам и возбуждениям. Тогда все сердце наше как бы вдруг получает сладостные расположения к братьям нашим и ближним, потому что мы видим души их в груди Спасителя. О, кто видит ближнего в другом, а не в этом месте, тот находится в опасности любить его не

довольно чисто, постоянно и с ровною силою!
Но там — кто не будет его любить? кто не будет терпелив к нему? кто не будет переносить его недостатки? кто будет считать его нелюбезным? И действительно ближний находится там, находится в груди Спасителя, как предмет столь любезный, что Любящий его умер из любви к нему.
Всевышний создал человека, дабы он был счастлив. Сия цель, конечно, достигается во всей полноте своей только в будущей жизни, но по удивительному свойству христианской религии бывает, что и в настоящей жизни всякий человек может быть счастливым, поелику благочестие на все полезно, ибо ему принадлежит обетование настоящей и будущей жизни, I Тим. IV. 8, лишь бы только человек захотел сего, т. е. лишь бы только он захотел усвоить себе и исполнять Евангельское учение, которого главная сущность состоит в том, чтоб все принимать от источника всего, Бога, и все возвращать к концу всего, Богу (Я есмь начало и конец, Апок. I, 8.), дабы во всех делах и приключениях познавать и любить Бога, или, как говорит апостол, дабы Бог был все во всем, I Кор. XV. 28. Силою сей заповеди бывает то, что обстоятельства, согласные с нашими желаниями, доставляют нам глубокую радость, когда мы признаем, что они так устроены благостию Божией; силою сей же заповеди бывает и то, что острота, претерпеваемых нами страданий, притупляется, когда мы узнаем, что в них скрывается воля того же нашего Бога, ибо все то, чему совершаться с нами повелевает или попускает сия небесная воля, должно быть нам любезно и приятно. Оттого христианин, верный Евангельскому учению, ничем внешним не огорчается: мы знаем, что любящим Бога все содействует ко благу. Рим. VIII. 28. Даже он преимущественно будет любить те приключения, которые при первом взгляде кажутся противными; поелику он в сем случае будет следовать не собственной своей воле, но единственно воле Божией. Даже несчастья обращаются тогда для него в счастье, скорбь в радость. По сей то причине, и потому еще, что через несчастье мы ведемся вернее к Богу, благоразумный, и исполненный любви наставник, каковыми были те, о которых сохранил нам историю св. Иоанн Лествичник, нарочно разными противоречиями, обличениями и другими, имеющими вид огорчений, поступками будет упражнять учеников своих в терпении, смирении и любви, которая единственно делает человека совершенным. Но кто не водится ревностью любви, а, предаваясь гневу, и пренебрегая ближнего своего, огорчает его словом, заставляет пролить слезу, которая не должна была быть пролитою, тот противится действиям благости Божией; нечестивою рукою ставит преграду между человеком и его Создателем, и как бы разрушает Его благодетельные намерения о человеке, а через это дает право ближнему своему сказать: «Бог хочет, чтоб я был счастлив, а ты, мой ближний, не хочешь сего». Пусть эта мысль, обращаясь всегда в уме христианина, предохраняет его от бесполезной, гневной строгости, своевольных и горделивых требований, и мрачной

жестокости; и пусть напоминает ему, что если он распространяет вокруг себя счастье ближних, то через это делается участником и споспешником в делах милосердия Божия на земле. Веселое лицо дитяти, отдохновение бедного работника, чистые наслаждения домашними удовольствиями, которые мы успеем доставить ближнему нашему, суть приятная от нас Богу жертва за его бесчисленные нам благодеяния. Помяни последняя и перестани враждовати, Сирах. 28. 6.

Итак в глубине совести своей произнеси вместе с Давидом сей добровольный обет свой: буду я осторожен на путях моих, чтоб не согрешать языком моим, стану обуздывать уста мои, доколь нечестивый предо мною, пс. 38. 2, и на сей обет твой смотри, как на начальное средство для упражнения и приготовление своих сил к высшим подвигам в христианской жизни. Это есть, как выше сказано, как бы азбука в христианском законе о любви к ближним. Как знание азбуки какого-либо языка, конечно, не есть еще знание сего языка, но незнание ее есть едва ли не крайняя степень незнания самого языка, так неупотребление бранных слов, конечно, не есть еще полнота добродетели, но привычка к ним не показывает ли совершенного неведения первых начатков любви христианской? Оставление бранных слов, конечно, есть только одна часть исполнения закона Божия; но и сия часть драгоценна пред очами Божиими, потому что она есть опыт самоотвержения, без которого невозможно последование Господу Иисусу Христу. Итак, будем следовать сему спасительному совету мудрого сына Сирахова: словесам твоим сотвори вес и меру, и устам твоим сотвори дверь и запор; внимай да не како поползнешися ими***, Сирах. XXVIII. 28. 29.

Но если кто-либо, по невниманию или рассеянности, нарушит это свое свободное обещание: то пусть положит он для себя правилом, всякий раз откладывать, или записывать на себя какую-либо сумму денег, хотя бы то было по несколько копеек, и по прошествии недели или месяца, употреблять их через кого-либо, на какое-нибудь доброе дело. Конечно это не будет плата, или искупление за грех, ничем кроме заслуги Христовой и сердечного покаяния не выкупаемый; но чрез сие внешнее и, по-видимому, маловажное действие дается большая важность и самому внутреннему обязательству. Пусть это будет только обличением тебя перед тобою самим в неверности и слабости, которое заставит тебя быть более снисходительным к слабостям собратий твоих.

Невозможно, кажется, этого исполнить тому, кто обращается с людьми подчиненными, заметила одна госпожа при разговоре о настоящем предположении. Однако ж рассказала при этом следующее происшествие. Один ее знакомый, беспрестанно произносивший бранные слова, более по привычке нежели от сердца, открыл об этом на исповеди. Духовник предложил ему, чтобы он, каждый раз, как выговорит бранное слово, отрезывал на платье своем пуговицу, и потом сам бы ее пришивал. Шедши из церкви до дому, он с одной стороны платья обрезал уже пуговицы, а к вечеру того дня обрезаны были и все

остальные. По совету духовника он сам пришил их; но на другой день опять все они были обрезаны. Тогда, пришедши к духовному отцу, просил он отменить эпитимию. Духовник же убеждал его продолжать. — Не прошло двух недель, как он перестал вовсе употреблять бранные слова.

Та же госпожа рассказывала, что сама она с детства имела привычку весьма часто божиться. Получивши из благочестивого дома сочинение преосвященного Тихона Задонского, и прочитывая оное, она возгнушалась сею греховною привычкою и вскоре оставила ее вовсе. Из сих случаев видно, что нет невозможности отстать от употребления бранных слов, хотя бы кто и привык к тому.

Такие непозволительные выражения, употребляемые в простонародии, суть: дурак, пустой человек, бессовестный, негодяй, злодей, проклятый, дьявол, черт, бес, окаянный, каналья, бестия, вор, разбойник, каторжный, плут, мошенник, шельма, мерзавец, подлец, скот, гад, свинья, осел, дрянь, колдун, ведьма, прокаженный, болван, и тому подобные унижительные, бранные и, тем более, так называемые, скверные слова, коих нельзя уже и написать.

II

Случается слышать и то, что некоторые бранят и самих себя не по глубокому чувству своего окаянства, а по легкомыслию и привычке к суесловию, прилагая выше исчисленные и сим подобные бранные слова к самому себе. Но и такое употребление бранных слов неблагоприятно, вредно и несогласно с духом кротости. Неблагоприятно, потому что такую бранью мы ничего не достигаем — ни своей погрешности не исправляем, ни нанесенного нами ближнему вреда не уничтожаем. — Вредно: потому что, браня себя таким, по-видимому, строгим образом, иной подумает, будто довольно уже наказал себя за свой проступок, и потому уволить себя от священнейшей обязанности отыскивать в себе причину своих погрешностей, и употреблять против них приличные деятельные средства, и даже может получить ту ложную мысль, будто он строг к самому себе и преуспевает в смирении перед ближними. Но этот же человек верно оскорбился бы, если бы другие, выслушав его брань против себя, объявили, что и они не иначе о нем думают. Наконец, употребление бранных слов против себя не согласно с духом кротости. Повеление быть кроткими, простирается равно и на обращение наше с ближними, и на обращение с самим собою. Мы должны быть кротки и к самим себе по той же самой причине, по которой мы наблюдаем сие правило в отношении к другим, т. е. потому, что чрез кротость мы вернее достигаем той цели, чтоб исправлять тех, кого нужно исправлять, а на эту цель указывает нам св. апостол в сих словах: Если и впадет человек в какое согрешение, вы исправляйте таковое в духе кротости. Гал. V, 1.

И подлинно, кротостию все привлекается и ей все покоряется. Разум твой кротко, но постоянно и благоприятно обуздывая беспорядочные страсти,

мучащие тебя, и вместе возбуждая дремлющие силы души, будет, как мудрый царь, владеть всеми способностями души с долготерпением, как выше сказано, и учением, преимущественно же с долготерпением; и сим только образом ты соблюдешь душу свою, и в некоторой степени узнаешь на самом опыте глубокий смысл и силу сего изречения: в терпении вашем стяжите души ваша.

Лук. XXI, 19. Если же ты знаешь о своем сердце, что оно недовольно повинуется кротким убеждениям, то можешь употреблять против себя и более строгие способы, дабы возбудить в нем должный стыд и ревность к исправлению. Но, оканчивая жестокие упреки, старайся их умягчить, обращая все свое негодование против себя в сладостное и святое упование на Бога и подражая в этом великому кающемуся, который, чувствуя в душе своей скорбь, ободрял ее таким образом: благослови душа моя Господа, И не забывай всех благодеяний его. Он прощает все неправды твои, исцеляет все немощи твои.

Что унываешь, душа моя, и смущаешься? уповай на Бога, ибо я буду еще славословить Его, Спасителя моего и Бога моего. Ис. СII. 2, 3, XLII. 5. Итак после всякой погрешности обличай и исправляй сердце твое не с запальчивою против себя бранью, но с смиренным о себе сожалением, с благосклонностию и ласковостию. Смирняя себя пред Богом и признавая свою бедность, отвращайся всеми силами от своей погрешности, и с полным усердием и упованием на милосердие Божие старайся снова следовать добродетели, от которой ты отстал.

III

Есть и еще слова поругания против души своей, к которым по справедливости можно приложить сие изречение сына Сирахова: Есть беседа облеченная смертию: да не обрящется она в наследии Иакова. Сир. XXIII, 14. Это слова клятвы: черт меня возьми, и подобные. Употреблять их есть великое нечестие, и вместе крайне безумное бесстрашие. Ибо произносящий их изъясняет отчаянное презрение к своей жизни, которая есть драгоценный дар Божий, и в то же время отваживается играть когтями адского дракона и бесстрашно вызывать против себя исконного человекоубийцу, который, яко лев рыкая ходит, ища кого бы поглотить, Иоан. VIII, 44, 1. Петр. V, 8, обуздание дерзости и силы которого стоило крестной смерти нашему Спасителю. А посему тот, кто обрекает отчаянно или бесстрашно себя дьяволу, не должен ли опасаться действительного оставления от Бога, которого сам оставляет, и обладания от того дерзкого врага рода человеческого, которому он предает себя. Нельзя не признаться, что таковое обладание от дьявола, которое прежде было часто, и ныне может случиться. Да не обрящется беда сия, облеченная смертию, в наследии Иаковли, в обществе христиан!

IV

Поелику бранные слова заключают в себе осуждение ближних наших (ибо, кто бранит другого, тот открывает его недостатки и укоряет его, так как и ап. Иаков

сии два понятия: злословие и суждение брата своего, полагает вместе, говоря: кто злословит брата и судит брата своего, тот злословит закон и судит закон. Иак. IV, II). Поэтому, отказываясь от употребления бранных слов, равномерно обязуюсь воздерживаться и от осуждения других; впрочем кроме тех случаев, в коих обязан буду обсуживать что-либо по своему званию. Но тогда должно поступок сравнивать с законом, дабы закон, а не человек был осуждающим. Пример Симона прокаженного, который жену, помазавшую миром ноги Господа, ложно назвал грешницей в ту минуту, как она была уже оправдана и принята в покровительство Господом, будет мне напоминать, что предшествовавшая грешная жизнь человека не дает права заключать, что и настоящее положение души его таково же.

Не судите, чтоб не быть судимыми. Матф. VII, 1, говорит Спаситель душ наших. Не осуждайте, и не будете осуждены. Лук. VI, 37. Не судите, увещевает нас и апостол, не судите прежде времени, пока не придет Господь, Который осветит скрытое во мраке, и обнаружит сердечныя намерения, I, Кор. IV, 5. О, как неприятны Богу дерзкие и неосновательные суждения! Суждения сынов человеческих дерзки и неосновательны во-первых потому, что люди частные не поставлены друг над другом судьями, и, произнося о ближнем суд, они присваивают себе право, принадлежащее единственно Господу нашему, Который един есть Законодатель и Судия. Иак. IV, 12; во-первых потому, что главное зло поступка зависит от намерения и советов сердца, которые для нас сокрыты во мраке; в-третьих потому, что каждый так много должен быть занят тем, чтобы судить самого себя, что ему не останется времени судить ближнего. Итак, чтобы не быть осужденным, надобно судить не других, а самого себя. Ибо, как Господь запрещает судить других, так апостол повелевает судить себя, говоря: если бы мы судили сами себя, то не были бы судимы, I, Кор. XI, 31. Но, о Боже! мы поступаем совершенно противно тому; ибо, что нам запрещено, то не перестаем делать, осуждая ближнего при всяком случае; а, что нам велено — судить самих себя, того не делаем. Гордый оный и глупый фарисей мытаря почел великим грешником и, может быть, хищником, неправедным и прелюбодеем, но как Он жестоко ошибся! Ибо мытарь в то самое время был уже оправдан. Подобным образом кто бы разбойника, висящего близ Иисуса Христа на кресте, не почел уже совершенно осужденным и погибшим? Но ему первому покаяние и вера отверзли врата рая. Итак если благодать Господа столь бесконечна, что одной минуты достаточно для испрошения и получения Его милости, то как мы можем быть уверены, что человек, который вчера был грешником, и ныне есть такой же грешник? По прошедшему дню не должно судить о настоящем, ни по настоящему о прошедшем: один последний день судит все дни: не судите прежде времени; в последний день обнаружить Господь сердечныя намерения.

Постараюсь же всегда помнить, что нам не предоставлено судить ближнего, а

повелено только любить его. Не оставайтесь должными никому ничем, кроме взаимной любви; ибо любящий другого исполнил закон, Рим. XIII, 8. Во всем, как хотите, чтобы поступали с вами люди, так поступайте и вы с ними. Ибо в том состоят закон и пророки. Мат. VII, 12. О как был бы счастлив, кто на страшном суде мог бы сказать Спасителю своему: я надеюсь, что Ты не будешь судить меня, ибо я, сохраняя Твой закон, никого не осудил!

У
Суждения наши о ближних бывают большею частью ложны, потому что нам неизвестно внутреннее расположение других, и потому что мы большею частью судим о них с пристрастием, которое не дает нам видеть и признавать истину. Таким образом мы никогда не можем назвать кого-либо злым, не подвергаясь в то же время опасности солгать. Мы можем, если требует того необходимость, сказать только, что такой-то сделал такое то худое дело, что он жил в такое то время худо, или что он и теперь делает худо; но не можем заключать от вчерашнего к нынешнему, а тем более к завтрашнему, и также по одному частному поступку не можем определять целый характер человека. Ап. Павел заповедует: отложите злоречие, и сквернословие уст ваших, и тут же присоединяет: не лгите друг на друга. Колос. III, 8, 9, и тем показывает, что сии два порока, т. е. злоречие и ложь, заключаются один в другом и бывают неразлучны. А с ними соединено и осуждение ближнего, так что, произнося бранное слово, мы часто творим три греха: брань, осуждение и ложь. Посему, воздерживаясь от брани и осуждения, мы вместе предохраним себя и от лжи. Ложь человеку ни в каком состоянии не естественна. Она есть свойство и порождение дьявола: он не устоял в истине, ибо истины нет в нем, когда он говорит ложь, тогда говорит свое; ибо он лжец, и отец лжи. Иоан. VIII, 44. В первоначальном падении человека участвовала ложь. Пророк Давид говорит о людях, что они от матерней утробы блуждают, говоря ложь. Пс. LVII, 4; посему то этот порок так всеобщ между людьми. Начало же восстановленной благодатью природы есть истина: Я есмь путь и истина и жизнь. Иоан. XIV, 6, говорит о Себе Спаситель. Не оттого ли всякий особенно и стыдится лжи, что она показывает, что нет в нем того основания, которым человек, просвещенный благодатью, отличается от ветхого, погруженного в заблуждение человека. И самая глубина корня сего зла достаточно доказывает причину, по которой человек так трудно освобождается от сего порока. И в самом деле недостаточно только вознамериться, чтобы отстать от сего греха; но необходимо нужно употреблять для того продолжительные вооружения, упражнения, добрые навыки и разные по особенному каждого состоянию средства. Прекрасно определяют добродетель, что она есть навык в добре. Итак и сию добродетель, чтобы не лгать, не иначе можно приобрести, как продолжительными трудами и привычкою.

Посему привыкай никогда не лгать с сознанием, ни для извинения себя, и ни под каким-либо другим предлогом, помня, что Бог твой есть Бог истины; что закон Его истина, пс. СХVIII. 142. Дело рук Его — истина, пс. СХ. 7. Все заповеди Его — истина, пс. СХVIII. 151. Он любит истину, пс. LXXXIII. 12, погубляет же говорящих ложь, V. Пс. 7. Пророк Захария, изображая бедствия, постигшие людей за их нечестие и беззакония, за которые Бог попустил, чтобы каждый человек возставал один против другого, возвещает избавление от сего зла и наслаждение благоденствием, но под сим только условием: истину и мир возлюбите, Зах. VIII, ст. 10 и 19. Итак, пусть слова твои будут всегда мирны, истинны, сладостны, откровенны, искренни, чисты и верны. Если же случится тебе произнести ложь нечаянно, и если можешь исправить ее чрез какое-либо объяснение, то сделай это тотчас. А когда ложь твоя причинит кому-либо вред, то почитай это столь же тяжким грехом, как воровство, и немедленно постарайся загладить нанесенный вред. Кто на чистый вопрос нечисто отвечает, тот дает повод подозревать его в нечистой совести. Напротив того, кто на ясный вопрос отвечает прямодушно и совестно, кто к чужим словам, когда их передает другому, ничего не прибавляет и ничего от них не убавляет и не превращает их, кто напрасно не употребляет увеличительных или уменьшительных выражений против того, что на самом деле есть или что он хочет сказать, тот своим чистосердечием заставляет всех его уважать и любить и заслуживает доверенность и честь, и можно о нем думать, что он исполняет сие повеление ап. Павла: праводушие ваше да будет известно всем человекам, Филип. IV. 5. Кто так любит истину в словах, тот будет заботиться о ней и в сердце и делах. Чрез бранные слова мы впадаем, как показано, в три греха: брань, суд и ложь; чрез ревнование же об истине мы предохраним себя от сих трех пагубных уловлений дьявола, и остановив чрез сию первейшую добродетель, не лгать, один из главных источников грехов, утвердим стопы наши в истине и откроем вход к другим добродетелям, начавши сим подражание Господу нашему Спасителю, Который не сделал никакого греха, и не было лжи в устах Его. I. Петр. II. 22.

Доколь убо сыны человеческие, доколь вам любить суету, искать лжи? Пс. IV. 3. Послушайтесь спасительного увещания, предложенного в слове Божиим: отвергнув ложь, все говорите истину пред ближним своим; ибо мы члены в отношении один к другому, Еф. IV. 25. О настави меня, Господи, на истину Твою! Не отыми от уст моих словесе истинна, и я, отвергнув ложь, пойду во истине Твоей, и правдою явлюся лицу Твоему! Пс. XVI. 15. XXIV. 5.

VI

Остается еще напомнить об одном неприличном насчет ближнего расположении, которое обнаруживается смехом. Когда мы замечаем, что другой делает то, чего он не хотел бы делать или показать людям, или что с ним

случилось нечто неприятное, чего он не предполагал, тогда одолевает нас смех, если только сожаление, или скромность, или учтивость не успеют нас удержать от того. Таким неожиданным, невольным смехом ближний наш не обижается, когда не нарушаются оным обязанности сожаления, скромности и учтивости. Но когда смех делает насмешкою, т. е. когда мы с намерением так распорядимся, чтобы другой сделал то, чего он не хочет сделать, или чтобы с ним случилось что-нибудь странное, чего он не ожидал, тогда мы без сомнения обижаем ближнего. Обижаем его также и тогда, когда без исследования дела, по одному показанию других или по собственному нерадению и неосмотрительности, верим и говорим, что он сделал, чего не хотел сделать, или что с ним случилось иначе, нежели как он желал. Допуская такие показания или занимаясь делами ближнего нерадиво, мы лишаем его права, которое он имеет на наше справедливое уважение, обижаем его, обременяем его поношением, и наконец, по повреждении любви, можем дойти до презрения и даже до отвращения и ненависти к ближнему. Что было сказано о гневе, что он нам мешает правильно рассматривать дела ближнего, то же можно сказать и о смехе. По причине презрения, которое соединяется со смехом, обида сего рода ближнего нашего часто бывает еще чувствительнее, нежели бранные слова и превратные суждения. Веселое расположение духа не шутками и смехотворством поддерживается, а оно есть один из собственных плодов христианской жизни. Радуйтесь всегда в Господе, писал апостол к Филиппийцам из темницы и уз, и еще говорю радуйтесь. И мир Божий, превышающий всякий ум, утвердит сердца ваши и мысли ваши во Христе Иисусе. Впрочем, братия мои, что истинно, что честно, что справедливо, что чисто, что любезно, что достославно, что составляет добродетель и похвалу, о том помышляйте, Филип. IV, 4, 7, 8. Шутливость не противна дружескому обращению! Но должно быть осторожна, чтобы она не перешла той границы, за которую нарушается право ближнего на нашу внимательность и начинается презрение. — Благочестивое предание свидетельствует о Спасителе нашем, что во время жизни Его на земле никто не видал Его смеющимся. Итак, уповая на всемогущую помощь Божию, от души обещаюсь, во всех моих отношениях к ближним, помятовать, как правило, наставление св. апостола Павла, содержащееся в послании к Галатам, VI. 1 и 2:

Братия, если и впадет человек в какое согрешение, вы, духовные, (не по званию только), исправляйте такового в духе кротости. Но смотри и за собою, чтобы тебе не впасть в искушение. Носите бремена один другого, и таким образом исполняйте закон Христов.

Для тех особ, которые внимательнее размышляют о случаях в которых можно допустить гнев, мы здесь поместим изъяснение по сему предмету, взятое из

трактата Франциска де-Саль, о любви Божией. Т. II, кн. X. гл. XV. (Traite de l'amour de Dieu par S. Francois de Sales, 2 vol. Annessi, 1616).

ПРАВИЛА ДЛЯ РУКОВОДСТВА БЛАГОЧЕСТИВОЙ РЕВНОСТИ

Благочестивая ревность есть горячность и сильный порыв любви, а посему ревность должна быть руководима благоразумием, ибо в противном случае она преступит границы скромности и приличия. И это не потому, чтобы Божественная любовь могла сама в себе заключать какое-нибудь излишество: нет, она не может быть чрезмерна, сколь ни была бы велика, и никогда не сообщит нашему духу худых побуждений или наклонностей. Причина, почему ревность должна быть руководима благоразумием, заключается в следующем: Божественная любовь для исполнения своих преднамерений употребляет орудием наше мышление, заставляя его приискивать средства для их успеха, и также употребляет орудием смелость и гнев, дабы преодолевать встречаемые ею препятствия. Но весьма часто случается, что мышление избирает средства слишком крутые и насильственные и что гнев и смелость, однажды возбужденные, не могли удержаться в границах благоразумия, возмущают сердце наше и приводят его в беспорядок, так что от сего ревность действует неприлично и непорядочно, и тем самым становится достойною не одобрения, а порицания. Давид, послав Иоава с войском против мятежного сына своего Авессалома, приказал ему не налагать на него рук, и во всех случаях заботиться о сохранении его жизни; но Иоав, в пылу сражения, живо преследуя побежденных, убил несчастного Авессалома, презрев убеждения и повеление царя. 2. Цар. XVIII. 5, 14. Подобным образом, ревность употребляет орудием гнев противу зла и приказывает ему всегда, очень ясно и определительно, чтобы, истребляя нечестие и грех, он щадил и сберегал, сколько возможно, грешного и нечестивого. Но гнев в пылу своем уподобляется разъяренному коню, который уносит всадника за черту ристания и усмиряется лишь тогда, когда выбьется из сил. Тот добрый хозяин поля, о котором говорит Господь во Св. Евангелии, очень знал, что ревностные и круто действующие слуги, при исполнении приказаний господина своего, привыкли переступать за черту его намерений, и потому, когда работники его предлагали ему, не прикажет ли он им выдергать плевелы, выросшие на поле, ответил: нет, не хочу этого, опасаясь, чтоб они, выдергивая плевелы, не выдергали вместе с ними и пшеницы. Матф. XIII. 28, 29. Подобного опасаться должно от гнева: конечно, он, как слуга сильный, бодрый и весьма предприимчивый, многое выполняет с успехом; но он так горяч, так возмутителен, так не рассудителен и быстр, что не делает ничего доброго без того, чтобы не сделать обыкновенно весьма много худого. Поселяне наши почитают нехорошим хозяином того, кто держит в доме павлинов; ибо хотя павлины гоняются за пауками и очищают от них дом но, с другой стороны, они до такой степени портят кровли и навесы, что этот вред от

павлинов гораздо значительнее приносимой ими пользы. Правда, что природа дала нам гнев в пособие уму, и что Благодать иногда употребляет его на служение ревности и для достижения ее целей, но тем не менее справедливо, что гнев — пособие опасное, которого не очень должно желать; ибо когда он действует сильно, то, свергнув с себя начальственную власть ума и исполненные любви законы ревности, сам делается господином; а когда действует слабо, то не совершает ничего, что бы не могла совершить и одна ревность, без гнева; между тем все заставляет иметь справедливое опасение, чтобы он не сделался сильным и не овладел нашим сердцем и нашею ревностью, подчинив их насильственно своей власти. Так, нередко потешные огни внезапно охватывают здание и причиняют пожар, который нелегко потушить можно. Призвать на помощь осажденному городу чужеземное войско, которое может сделаться сильнее внутренних защитников города, есть мера отчаянная.

Самолюбие весьма часто обманывает нас, и под личиною ревности пускает в ход собственные страсти свои. В прежние времена гнев действительно служил орудием или пособием для благочестивой ревности; ныне же, напротив, ревность служит гневу, который, прикрывшись ее личиною, предается постыдному своему неистовству. Гнев, говорю я, пользуется личиною ревности, самую же ревностью пользоваться не может, ибо все добродетели вообще, и в особенности любовь к ближнему, которой второстепенною принадлежностью бывает благочестивая ревность, уже по самой сущности своей столь хороши и благодетельны, что никто не в силах употребить их во зло.

Случилось однажды, что великий грешник пришел к одному добросердечному и достойному священнику, пал к ногам его и просил с великим смирением исцеления недугов своих, то есть святого отпущения грехов его. Это происходило при некоем монахе Демофиле, который, рассудив, что несчастный кающийся дерзнул подступить к Алтарю на слишком близкое расстояние, столь сильно вознегодовал на сие, что бросился попирать несчастного грешника ногами, стал наносить ему удары и, изгнав его из священного места, начал поносить милосердного священника, который только исполнил долг свой, приняв кротко грешника, обратившегося к нему с покаянием. Потом Демофил поспешил в Алтарь и принял стоявшие на нем Святыни из опасения, что приближение грешника могло осквернить место, где они хранились. Совершив такой подвиг ревности, Демофил не удовольствовался тем, но уведомил о всем Великого Дионисия Ареопагитского, и в письме к нему похвалялся своим поступком. Ответ св. Дионисия был превосходен и вполне достоин Апостольского духа, которым одушевлен был сей славный ученик св. Павла. Он ясно указал Демофилу, что ревность о чести, приличествующей Святыне, сама по себе хороша и похвальна, однако он обнаружил ее действиями бесчинными и совершенно безрассудными, позволив себе брань, попираание ногами, обиды и

укоризны в святом месте, при священном действии, противу такого лица, которому он должен был оказать честь и которого должен был любить и уважать; а посему ревность его, обнаруженная с таким безчинием, не может быть доброю. В этом же ответе Великого св. Дионисия приводится другой, достойный удивления, пример сильного порыва ревности, овладевшего мужем святым, который, однакож, погрешил, предавшись чрезмерному гневу. Вот что повествует о сем св. Дионисий:

Один язычник совратил к идолопоклонству христианина, жившего в Крите и незадолго пред тем принявшего истинную веру. Св. Карп, один из семидесяти апостолов, сиявший чистотою ума и святостию жизни и, по всей вероятности, бывший тогда епископом Критским, в такой пришел от сего гнев, что проснувшись в полночь для молитвы, не переставал возмущаться в духе, и помыслив, что жизнь нечестивых не должна длиться, молил Бога, да поразит небесный огонь обоих грешников соблазнителя язычника и соvrащенного христианина. Но подивись тому, что сделал Бог для исцеления его от овладевшего им гнева. Внезапно потряслась храмина, в которой стоял св. Карп, и он узрел отверстие небо и Господа Иисуса Христа, сидящего на небеси и окруженного бесчисленным множеством ангелов, предстоявших ему в человеческом образе. Потом увидел внизу расступившуюся землю и под нею необозримую, страшную и темную бездну. Два бедные грешника, которым Карп желал погибели, стояли у самого края этой бездны, объятые страхом и трепетом от того, что готовы были пасть в нее. Под ними было множество змей которые, выползая из бездны, оплетались около их ног, опаляли их прикосновением зубов и хвостов своих и, заставляя несчастных грешников скользить, тянули их с собою в пропасть. Тут же какие-то люди толкали и ударяли их, в намерении ввергнуть в бездну, так что погибель их казалась неминуемою. Карп смотрел с удовольствием на бедствие двух грешников, так, что даже не помышлял обратить взоров к небу, а еще негодовал, что замедляется их гибель, и пытался сам низвергнуть их; но, не могши тотчас успеть в этом, стал проклинать их с сильною досадою, до того времени, пока, наконец, возведши взоры на небо, увидел, что Господь Иисус, умилосердившись над несчастными грешниками, встал с престола Своего, низшел до того места, где находились они, и простер к ним руку, а святые ангелы поспешили поддержать их и не допустить до падения в ужасную бездну. Тогда благий и кроткий Иисус, покрыв рукою Своею грешников, обратясь к разгневанному Карпу, сказал ему: «бей Меня, Карп; Я готов вновь страдать для спасения человека; это любезно для Меня, лишь бы только люди отвратились от грехов своих. Но вникни, не лучше ли пребывать с Богом и ангелами, столь много любящими человеков, нежели находиться в этой пропасти, вместе со змеями?»

Из этого примера видно, что святой муж Карп имел справедливую причину исполниться ревности против тех двух грешников, и ревность породила в нем справедливым образом гнев против них; но этот гнев, однажды возбужденный, далеко опередил разум, и ревность нарушила заповеди и пределы святой любви, а следовательно и святой ревности, которая есть не другое что, как сила и горячность любви. Ненависть ко греху через гнев обратилась в ненависть к грешнику, а кротчайшее милосердие и любовь — в жестокое бесчеловечие. По этой-то причине некоторые люди мыслят, что там мало ревности, где нет сильного гнева, и полагают, что нельзя принести и малой пользы, не испортив прежде многого. Напротив того, истинная ревность почти незнакома с гневом.

СЕМЬ ПОБУЖДЕНИЙ ЛЮБИТЬ БЛИЖНЕГО

Взято из сочинения преосвященного Тихона:

«О собственных всякого христианина должностях».

Сей брат мой, всякий человек, есть любезное создание Бога моего, яко же и я, создание по образу Божию и по подобию сотворенное и падшее, кровью Сына Божия, Спасителя моего, как и я, искупленное, и к вечному животу словом Божиим позванное. Надобно мне его любить, яко любезное создание Бога моего; любить, яко же самого себя люблю; не делать ему ничего, чего себе не хочу, и делать то ему, чего себе хочу. Тако бо и Бог мой повелел мне.

Первый биограф Ф.П.Гааза Анатолий Федорович Кони

В чем смысл жизни?

**Быть счастливым счастьем других,
Участием согреть холодное сердце,
Любовью коснуться иссохшей души...**

Н.И. Пирогов

ЛЮДИ, ЛЮБИТЕ ДРУГ ДРУГА,

СПЕШИТЕ ДЕЛАТЬ ДОБРО!

Ф.П.ГААЗ

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Абрамкин В. «Зона. В натуре и в ящике
Заметки о тюремном романе». Центр содействия реформе уголовного правосудия «Тюрьма и воля»

Архангельский Г.В. «Московский врач-гуманист Федор Петрович Гааз (1780-1853) и его значение в развитии отечественной медицины». Клиническая медицина. 1981. № 2. С. 118-120.

Богомоллов А.И. «Из жизни доктора Ф.П.Гааза», «Вознесение», Ржев

Бойко О.Н. «Темные аллеи Тишково», из сб. "Пушкинский краевед".

Борисов Александр, протоиерей, доклад «Доктор Гааз глазами православных» на Конференции памяти доктора Федора Газа (Москва, 27-29 апреля 2007 г.)

Величко Станислав « Кто посадил в Бутырке тополя. Подробности из жизни доктора Гааза», сайт Милосердие.ру

Величко Станислав «Добрый доктор Гааз». Всеукраинский журнал «Мгарский колоколь», № 60, январь 2008

Вознесенский Сергей «Доктор Федор Петрович Гааз – символ российской тюремной медицины», Журнал "Москва" №12, 2004 г.

Вострышев М.И. Повесть «Юродивый доктор» в кн. «Апоплектический удар». М. 1992. С. 223-366.

Гааз Ф.П. «Призыв к женщинам доктора Гааза». М. 1897.

Гааз Ф.П. «Азбука христианского благонравия. Об оставлении бранных и укоризненных слов и вообще неприличных на счет ближнего выражений, или о начатках любви к ближним». Сайт Библиотека Гумер. Православие

Герцен А.И. «Былое и думы». Л. 1945.

Горький М. «Письмо к А.Ф. Кони» от ноября 1899 г. Полное собрание сочинений. М. 1949-1956. Том 28. 1954.

Дворяк С. «Помнивший Христа и людей (Каким был доктор Гааз?)» "Вечерняя Одесса" 15 ноября 1989 г.

«Доктор Ф.П.Гааз», сайт Бештау.net

Достоевский Ф.М. «Идиот». Кишинев. 1959.

Клокова М.П. «Святой доктор. Жизнь и деятельность Гааза». М. 1910.

«Люди мира», Клуб пассеистов Сайт ForumKlassika.ru

Кротов Яков, вед. «С христианской точки зрения. Фридрих Йозеф Гааз», Сайт Архив радио свобода.

Кони А.Ф. «Федор Петрович Гааз. Биографический очерк». Изд-ние 3^е. Спб. 1904. Издание А.Ф. Маркса, также сайт «Библиотека Якова Кротова».

Копелев Л.З. «Святой доктор Федор Петрович». Спб. ПетроРИФ. 1993.

Лавренов В. «Фёдор Петрович Гааз и его место в русской церковной жизни XIX века», Сайт Информационной службы Преображенского содружеств малых православных братств, г.Тверь

Лебедева В. «Врач Гааз Федор Петрович» Сайт «Православная Медицинская Гимназия Санкт-Петербурга, 2009-2010»

Лукашевич К.В. «Истинный друг человечества доктор Гааз». Спб. 1900.

Моспешеход – авт. «История: Малый Казенный переулок: Гаазу памятник» Сайт Mos.Day.ru «История Москвы»

Носик Б.М. «Швейцер». М. 1971

Нежный А.И. (авт. и ред.) Сб. «Врата милосердия. Книга о докторе Гаазе» М., Фонд Древо добра, 2002.

Нежный А. «Доктор Гааз und мы». Православная Церковь Божией Матери Державная. Новая Святая Русь, 1999г.

Нежный А. «Одиночество «святого доктора» Гааза - человека, призвавшему спешить делать добро». Новая газета , Благовест-инфо

Окуджава Б.Ш. «У Гааза нет отказа». “Наука и жизнь”, N 12 , 1980 г.

Пантелеев И.Я. «Очерк истории изучения и развития Кавказских минеральных вод». М. 1955. Гос. науч.-техн. изд-во литер. по геологии и охране недр.

Пучков С.В. «Детские праздники у памятника доброго дедушки Гааза». М. 1912.

Пучков С.В. «К характеристике доктора Гааза». Спб. 1910.

Родионова А. «Спешите делать добро. "Святой доктор", чудак, филантроп» , сайт Милосердие.ру

Тарасов И.Т. «Друг несчастного человечества. Очерк жизни и деятельности Гааза». М. 1909.

Фролов В.А. «Торопитесь делать добро. Легенда быль о тюремном докторе». М. Российск. гос. гуманит. ун-т, 1995. - 167

«Врачи-подвижники, гуманисты». Приложение № 2 к ж. «Хлеб Небесный», изд. Казанско-Богородицкого мужского монастыря. Харбин. 1932.

Некролог на смерть Гааза из Московских ведомостей. 1853 г.

**В чем смысл жизни?
Быть счастливым счастьем других,
Участием согреть холодное сердце,
Любовью коснуться иссохшей души...**

Н.И.Пирогов

**Люди, любите друг друга...
Спешите делать добро...**

Ф.П.Гааз

Врачи-подвижники, гуманисты. Приложение № 2 к ж. "Хлеб Небес-
ный", изд. Казанско-Богородицкого мужского монастыря // Харбин, 1932.
Некролог на смерть Гааза из Московских ведомостей // 1853 г.

ISBN 978-5-98803-237-3

9 785988 032373

Подписано в печать 15.03.2011 года. Формат 60x88/16.
Гарнитура AcademyC. Печать офсетная. Бумага офсетная № 1.
Печ. л. 15,5. Тираж 1000 экз.

Заказ 4543.

Издательский Дом «МЕДПРАКТИКА-М»,

Москва, пер. Красина, д. 15, стр. 1

Тел. (499)254-2281, E-mail: id@medpractika.ru, <http://www.medpractika.ru>

Отпечатано с готовых диапозитивов в ФГУП «Производственно-издательский комбинат ВИНТИ».
140010, г. Люберцы Московской обл., Октябрьский пр-т, 403.
Тел. (495)554-2186